

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Автор
Аскар ИСХАКОВ/Askar İSHAKOV

Karabük Üniversitesi Yayınları

Издания Университета Карабук

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Автор

Аскар ИСХАКОВ/Askar İSHAKOV

Редактор

Профессор доктор Али ACKEP/Prof. Dr. Ali ASKER

Дизайн

Дениз Таныр / Deniz TANIR

Контакты

Karabük Üniversitesi

www.karabuk.edu.tr

Karabük Üniversitesi Merkez Kampüsü

444 0 478

Права на публикацию, продажу и копирование данного произведения
принадлежат Университету Карабюк.

Karabük Üniversitesi Yayınları

Издания Университета Карабюк

Автор

Аскар Исхаков/Askar İSHAKOV

Редактор

Профессор доктор Али ASKER/Prof. Dr. Ali ASKER
ORCID: 0000-0003-0932-5234

Библиотечная карточка

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР В
ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Исхаков, Аскар
144 Страниц, Список литературы включен

Все права защищены.

Без разрешения издателя запрещается любое воспроизведение.

Цитирование допускается при указании источника.

Ответственность за опубликованные в издании материалы несут авторы.

KARABÜK ÜNİVERSİTESİ YAYINLARI-117
ИЗДАНИЯ УНИВЕРСИТЕТА КАРАБУК-117

Электронный ISBN: 978-625-93898-5-1

ДЕКАБРЬ 2025

Оглавление

ÖN SÖZ.....	v
Предисловие.....	vii
Введение	9
Глава I. Журнал «Байрам» как репрезентации исторической памяти и идентичности белорусских татар.....	20
1.1 Историческая память и идентичность в современном мире	20
1.2 Контекст возникновения журнала «Байрам».....	28
Глава II. Авторы и аудитория, функционирование визуальной структуры журнала «Байрам».....	48
2.1 Аудитория и авторы.....	48
2.2 Структура визуального оформления.....	62
Глава III. Динамика сюжетов журнала и их функционирования в социальном контексте	83
3.1 Содержание и функция журнала в 1990-х годах под редакцией И. Канапацкого и Я. Якубовского	83
3.2 Содержание и функция журнала с 2017 г. под редакцией Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь ..	108
Заключение	135
Список источников и литературы.....	139

ÖNSÖZ

Elinizdeki çalışma, Doğu Avrupa'da altı yüzyılı aşkın süredir varlığını sürdürün ve günümüzde Belarus'un yerli Müslüman topluluğunu oluşturan Tatarların (Lipki Tatarları) incelenmesine yönelik literatürde önemli bir boşluğu doldurmaktadır. Eser, bu topluluğun sosyal ve kültürel yapısının en az çalışılmış ancak son derece kritik bir boyutuna—Sovyet sonrası dönemde tarihsel belleğin inşası, ayrıca temsil edilmesi süreçlerine—odaklanmaktadır. Kolektif bellek perspektifinden Bayram dergisini ele alan yazar, küçük ölçekli bir etno-dinsel topluluğun radikal toplumsal dönüşümler karşısında kimliğini nasıl koruduğunu, yeniden ürettiğini ve anlamlandırdığını etkileyici biçimde göstermektedir.

Çalışmanın akademik tartışmalar açısından güncelliği, birden fazla belirleyici unsurla doğrudan ilintilidir. Birincisi, Belarus Tatarları, etnik asimilasyon karşısında kimliklerini korumayı başarmış ender etno-dinsel topluluklardan biridir. Bu olgu, etnik kimliğin geleneksel belirleyicisi olan dilin artık bir kimlik ölçütü olarak işlev görmemiği durumlarda etno-kültürel sürekliliğin nasıl sağlandığına dair önemli ipuçları sunmaktadır. İkincisi, 1991 kırılma yılında kurulan ve otuz yılı aşkın süredir yayımlanan Bayram dergisi, Sovyet sonrası dönüşümler bağlamında topluluk bilincinin evrimini izlemek için eşsiz bir imkân vermektedir. Üçüncüüsü, çalışma, disiplinlerarası hafiza çalışmaları literatürüyle doğrudan temas hâlinde olup, bellek araştırmalarının teorik çerçevesinin somut empirik verİYE uygulanmasının açıklayıcı gücünü ortaya koymaktadır.

Araştırmmanın metodolojik yeniliği, söylem analizi, görsel göstergebilim ve tarihsel–karşılaştırmalı yöntemi bir araya getiren bütüncül yaklaşımıyla karakterize edilmektedir. Yazar, Bayram dergisinin 1991–2024 dönemine ait 50 sayılık tam külliyatını yalnızca içerik değil, aynı zamanda yapısal, görsel ve kurumsal yönleriyle inceleyerek, bu konuda alan yazısına belli bir kaynak kazandırmıştır.

Çalışmada sunulan historiografik analiz, XIX–XXI. yüzyıl araştırmacılarının Belarus Tatarlarına ilgi göstремelerine rağmen, bu topluluğun tarihsel belleği ve modern kimliğinin bilimsel literatürde yeterince ele alınmadığını ortaya koymaktadır. Bu eser, belli ölçüde bu boşluğu doldurarak konuyu dilbilim, soybilim ve bölgesel tarih yazımı ekseninden çıkarıp hafiza, kimlik ve medyanın kurucu rolüne ilişkin güncel teorik tartışmalar çerçevesinde yeniden konumlandırmaktadır.

Bayram dergisi üzerinden yürütülen çözümleme, hem küçük ölçekli etno-dinsel toplulukların hızla değişen toplumsal koşullara nasıl uyum sağladığını hem de medyanın kimlik oluşumundaki baskın rolünü çarpıcı biçimde ortaya koymaktadır. Bu yönyle eser, hem Belarus Tatarları üzerine çalışan araştırmacılar hem de çağdaş hafiza ve kimlik çalışmalarına ilgi duyanlar için ek kaynak hüviyetine sahiptir.

Ali Asker
Karabük Üniversitesi İİBF
Uluslararası İlişkiler Bölümü Profesörü
Aralık 2025

Предисловие

Данная работа заполняет важный пробел в литературе, посвященной изучению татар (липковских татар), проживающих в Восточной Европе более шести веков и составляющих сегодня коренную мусульманскую общину Беларусь. Работа фокусируется на одном из наименее изученных, но чрезвычайно важных аспектов социальной и культурной структуры этой общины — процессах формирования и представления исторической памяти в постсоветский период. Рассматривая журнал «Байрам» с точки зрения коллективной памяти, автор впечатляющим образом показывает, как небольшая этно-религиозная община сохраняет, воспроизводит и осмысливает свою идентичность в условиях радикальных социальных преобразований.

Актуальность данной работы с точки зрения академических дискуссий напрямую связана с несколькими определяющими факторами. Во-первых, белорусские татары являются одной из немногих этно-религиозных общин, сумевших сохранить свою идентичность в условиях иноэтнической ассимиляции. Этот факт дает важные подсказки о том, как обеспечивается этнокультурная преемственность в ситуациях, когда язык, традиционно определяющий этническую идентичность, больше не функционирует в качестве критерия идентичности. Во-вторых, журнал «Байрам», основанный в переломном 1991 году и издаваемый более тридцати лет, предоставляет уникальную возможность проследить эволюцию сознания сообщества в контексте постсоветских преобразований. В-третьих, работа находится в прямом контакте с междисциплинарной литературой по исследованиям памяти и демонстрирует объяснительную силу применения теоретической рамки исследований памяти к конкретным эмпирическим данным.

Методологическая новизна исследования характеризуется комплексным подходом, объединяющим дискурс-анализ, визуальную семиотику и историко-сравнительный метод. Автор проанализировал 50 выпусков журнала «Байрам» за период 1991–2024 гг. не только с точки зрения содержания, но и с точки зрения структурных, визуальных

и институциональных аспектов, тем самым внеся определенный вклад в литературу изучение данной тематики.

Анализ историографии, представленный в данной работе, показывает, что, несмотря на интерес исследователей XIX–XXI веков к белорусским татарам, историческая память и современная идентичность этой общины не нашли достаточного отражения в научной литературе. Данная работа в определенной мере заполняет этот пробел, вынося тему за рамки лингвистики, генеалогии и региональной историографии и перемещая ее в контекст актуальных теоретических дискуссий о памяти, идентичности и конститутивной роли СМИ.

Анализ, проведенный на основе журнала «Байрам», ярко показывает, как небольшие этно-религиозные общины адаптируются к быстро меняющимся социальным условиям, а также доминантную роль СМИ в формировании идентичности. В этом отношении данная работа является дополнительным источником как для исследователей, занимающихся белорусскими татарами, так и для тех, кто интересуется современными исследованиями в области памяти и идентичности.

Али Аскер

Профессор кафедры международных отношений
Факультета экономики и административных наук
Карабюкский университет
ДЕКАБРЬ 2025 года

Введение

В условиях современной общественно-политической ситуации, характеризующейся возрастающей значимостью исторической памяти и коллективной идентичности, особую актуальность приобретает изучение механизмов самосохранения и саморепрезентации малых этнических групп. Белорусские татары (липки), с их многовековой историей на землях Восточной Европы и опытом сохранения идентичности в условиях языковой ассимиляции, представляют собой такое сообщество. Исследование способов конструирования и репрезентации их исторической памяти, особенно в периоды политических, экономических и социокультурных трансформаций, является важной междисциплинарной задачей, находящейся на стыке исторической науки, memory studies и исследований идентичности.

Начало 1980-х годов ознаменовалось «взрывом памяти», либерализацией медиасфера и религиозным возрождением на постсоветском пространстве, что предоставило малым этническим группам новые возможности для публичного самовыражения. Для белорусских татар — коренного мусульманского меньшинства, давно перешедшего на славянские языки, — таким публичным каналом стал основанный в 1991 г. в Минске журнал «Байрам». Являясь первым периодическим изданием, артикулирующим идентичность данной общины, «Байрам» представляет собой обширный комплекс материалов для анализа. Изучение его содержания позволяет реконструировать специфические нарративы и «места памяти», а также проследить эволюцию стратегий самоописания и репрезентации как ответ на смену поколений и изменение экономического, социального и политического контекста. Анализ журнала «Байрам» как феномена исторической памяти вносит определенный вклад в понимание роли медиа в конструировании идентичности и специфики функционирования памяти у малых групп в условиях постсоветских трансформаций.

С одной стороны, журнал на протяжении более чем трёх десятилетий своего существования конструирует, архивирует и тиражирует уникальную «гибридную» идентичность, соединяющую

ислам, белорусскость, постсоветский опыт и «транстатарские» связи, изменяющиеся в динамике. С другой стороны, в его работе наблюдается продвижение от локального нарратива памяти к универсальной исламской парадигме. Этот же процесс характерен и для многих других постсоветских мусульманских сообществ.

Таким образом, данная работа имеет актуальность в следующих аспектах:

1. Научно-теоретический аспект: исследование вносит вклад в развитие *memory studies* и исследований идентичности, демонстрируя на конкретном эмпирическом материале механизмы социального конструирования исторической памяти и нарративной идентичности у малого этноконфессионального сообщества. Работа позволяет апробировать теоретические концепции «мест памяти», исторической памяти и роли медиа в этих процессах.

2. В социокультурном и этнологическом аспектах: исследование актуально для понимания динамики этнокультурных и этноконфессиональных процессов на постсоветском пространстве. Эволюция журнала «Байрам» от артикуляции локального нарратива памяти и «гибридной» идентичности к более универсальной исламской парадигме является репрезентативной для многих постсоветских мусульманских сообществ. Анализ журнала позволяет выявить, как малые группы адаптируются к изменяющимся социальным и политическим условиям, как они взаимодействуют с доминирующими культурами и как конструируют свои границы и связи.

3. Междисциплинарный аспект. Работа соединяет методы исторической науки, визуальной семиотики и лингвистики. Такой синтез отражает современную тенденцию в гуманитаристике — рассматривать память как многоуровневый медиальный процесс, где текст, изображение и институция равноправно участвуют в производстве и отражении смысла.

4. Источниковедческий аспект. Впервые в единый аналитический корпус вводятся все 50 номеров минского журнала «Байрам» как источник изучения современной белорусской-татарской общины.

Историография, посвящённая белорусским татарам (липкам), условно делится на четыре этапа.

Первый этап охватывает середину XIX в. — 1917 г. и связан с классической востоковедной и краеведческой школами. В середине XIX в. А. Мухлинский первым написал очерк о происхождении и социальном статусе «литовских татар».¹ Он ввёл в оборот отрывки из китабов, описал военную службу липок, романтизируя «татарскую экзотику» в польско-литовском окружении. Е. Карский расширил корпус фактов, зафиксировал арабографические рукописи, ввел в академический язык термин «китаб» и показал ценность татарских текстов для исторической лингвистики.² На данном этапе стала формироваться источниковая база, вопросы социальной динамики общины остались вне внимания исследователей.

Второй этап (1918–1939 гг.) изучения данной темы происходил в условиях возникновения и существования новых государств — Польши, Литвы, Беларуси. Публикации И. Луцкевича,³ Я. Станкевича,⁴ Л. Кричинского,⁵ Л. Цветкова,⁶ В. Вольского⁷ расширили источниковую базу, описали как материальные, так и рукописные артефакты общины, фактически заново открыли татарские рукописи для филологов. Исследования татарского наследия носили в целом преимущественно описательный и популяризаторский характер.

Третий этап относится ко второй половине XX в. Одним из первых белорусских историков, кто впервые обратил внимание на

---

¹ А. Мухлинский. *Исследование о происхождении и состоянии литовских татар*. СПб., 1857. 70 с.

² Е.Ф. Карский. *Белорусы*. Т. 2. СПб., 1903. 576 с.

³ І. Луцкевіч. Ай-Кітаб-Кіцёп // Варта. 1918. № 1. С. 23–24.

⁴ Я. Станкевіч. *Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом*. Вільня, 1933. С. 15–16.

⁵ L. Kruczyński. *Tatarzy Litewscy*. Warszawa, 1938. 172 s.

⁶ Я. Цвяткоў. Некалькі слоў аб менскіх татарах // Наш край. 1927. № 6–7. С. 116.

⁷ В. Вольскі. Татары на Беларусі // Наш край. 1927. № 4. С. 71.

меньшинства Белорусской ССР, был М.Я. Гринблат.⁸ Одним из первых специальных исследований письменности липок стала работа А.К. Антоновича,⁹ изданная, однако, в Литовской ССР, где был осуществлен фундаментальный лингвистический анализ большого массива «китабов». Несмотря на важные сдвиги в исследовании татарского наследия, акцент при этом делался преимущественно на лингвистике и палеографии, в то время как социальные, религиоведческие и социолингвистические аспекты оставались менее разработанными.

Четвертый этап начался после 1991 г., когда интерес к национальным меньшинствам стал частью академической и государственной политики независимой Беларуси и за ее пределами. Наиболее заметный вклад внесли И. Канапацкий, С. Думин,¹⁰ А. Лакотка,¹¹ Т. Байрашускайтė,¹² З. Канапацкая,¹³ А. Смолік,¹⁴ Г. Мишкинене.¹⁵ Важным направлением стало возвращение к ранее неиспользованным или недоступным архивным источникам, а также к полевым исследованиям в местах компактного проживания татар. Постсоветский период ознаменовался активизацией междисциплинарных исследований татарского наследия вследствие либерализации медиасферы и политики в отношении национальных меньшинств. Белорусские исследователи успешно объединили архивные источники, полевые данные и культурологический анализ, однако большинство их публикаций по-прежнему относится к

---

⁸ М.Я. Грынблат. *Беларусь: очерки истории происхождения и этнической истории*. Минск, 1968. 288 с.

⁹ А.К. Антонович. *Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система*. Вильнюс, 1968. 418 с.

¹⁰ С. Думін, І. Канапацкі. *Беларускія татары. Мінула і сучаснасць*. Мінск, 1993. 259 с.

¹¹ А. Лакотка. *Вера ў вандраваннях, ці адкуль у Беларусь мячэты*. Мінск, 1994. 128 с.

¹² Т. Bairauskaitė. *Lietuvos tootoriai XIX amžiuje*. Vilnius, 1996. 331 p.

¹³ З.И. Канапацкая. *Татары в Беларуси и их культура (XIV–XVII века)*: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2005. 23 с.

¹⁴ И.Б. Канапацкі, А.І. Смолік. *Гісторыя і культура беларускіх татар*. Мінск, 2006. 258 с.

¹⁵ Китаб Ивана Луцкевича – памятник народной культуры литовских татар / авт.-сост. Г. Мишкинене. Вильнюс, 2009. 799 с.

популяризаторскому жанру, не содержат какой-либо критики источников и литературы имперского и советского периодов.

Среди современных российских публикаций, посвящённых истории татар на территории Великого княжества Литовского и Речи Посполитой, выделяются книги и статьи Я.Я. Гришина,¹⁶ в которых рассмотрен широкий хронологический диапазон (XIII–XX вв.) и системно использованы предшествующие исследования, и И.В. Зайцева,¹⁷ который подверг критике ранние источники по истории липок.

Историография изучения исторической памяти представляет собой междисциплинарное направление, объединяющее концепции из истории, социологии, культурологии и правоведения. Истоки современного изучения исторической памяти восходят к работам французского социолога М. Хальбвакса,¹⁸ который в 1920–1950-х годах разработал концепцию коллективной памяти как формы социальной конструкции прошлого. В 1980-х гг. в Париже появился феноменальный по влиянию семитомник «*Lieux de mémoire*» под редакцией П. Нора.¹⁹ Его идея «мест памяти» фиксирует переход от «среды памяти» к репрезентациям прошлого в музеях, ритуалах, учебниках.

В 1990-х годах Я. Ассман предложил различать коммуникативную и культурную память²⁰: первая охватывает устные воспоминания в пределах трёх поколений, в то время как вторая основывается на текстах, ритуалах и других медиаторах, обеспечивающих долгосрочную передачу исторического опыта. А. Ассман дополнила эту модель, введя в оборот разные уровни

---

¹⁶ Я.Я. Гришин. *Польско-литовские татары: взгляд через века: исторические очерки*. Казань, 2000. 160 с.

¹⁷ И.В. Зайцев. Польско-литовские (белорусские) татары-липка в XIV–XIX вв. // История татар с древнейших времен: в 7 т. Т. 4. Казань, 2014. С. 763–771.

¹⁸ М. Хальбвакс. *Социальные рамки памяти*. М., 2007. 256 с.

¹⁹ Р. Нора. *Les lieux de mémoire*. Paris, 1984–1992. 7 vols.

²⁰ Я. Ассман. *Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности* / пер. с нем. М., 2004. 384 с.

функционирования памяти.²¹ В России эту тему изучали историк Н. Копосов²² и культуролог А. Эткинд.²³ Они анализируют, как государства формируют официальные версии прошлого через так называемые законы памяти — правовые акты, регулирующие допустимые интерпретации истории. Эти законы используются для легитимации власти, укрепления национальной идентичности и контроля над историческим нарративом.

Статья Р. Чоудхури²⁴ представляет собой глубокое исследование начала процесса формирования идентичности белорусских татар в условиях политической трансформации. Однако эта статья охватывает только первые выпуски журнала «Байрам» в 1990-х гг. и рассматривает идентичность через фокус преимущественно политического дискурса в журнале. При этом контекст постсоветского пространства обойден вниманием, отношение авторов журнала к тем или иным политическим вопросам пересказано без критического анализа нарративов и многообразных сюжетов журнала, функции тем и их объяснений в построении самой идентичности не раскрыты.

Таким образом, проблема механизма конструирования исторической памяти и идентичности белорусских татар в печатном медиапространстве (на основе журнала «Байрам») недостаточно изучена в историографии.

Данная работа впервые вводит в научный оборот источниковый корпус из 50 номеров журнала «Байрам» (1991–2024 гг.), смещая фокус историографии белорусских татар с традиционно изучаемых XIV–XIX вв. на постсоветскую эпоху и соединяя историю

---

²¹ А. Ассман. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М., 2014. 328 с.

²² Н.Д. Копосов. *Память строгого режима: История и политика в России*. М., 2011. 336 с.

²³ A. Etkind. *Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied*. Stanford University Press, 2013. 280 р. В сентябре 2024 г. Министерство юстиции России включило А. Эткинда в список иноагентов.

²⁴ R. Chowdhury. Identity Formation among the Belarusian Tatars in the Context of Belarus's Transition to Independence, 1991–1992 // *Revue du Centre Européen d'Études Slaves*. 2013. № 2. P. 453–472.

общины с её современными медиапрактиками, опираясь при этом на концепцию «мест памяти» П. Нора, раскрывая журнал как активный медиатор исторической памяти, демонстрируя, как редакторские стратегии формируют идентичность, балансирующую между локальной белорусской и широкой исламской парадигмой, фиксируя поколенческую смену акторов и эволюцию тематических блоков, систематизируя постсоветские «места памяти» общины и критически оценивая их, тем самым выводя исследование белорусских татар из рамок лингвистики и краеведения в контекст актуальных memory studies.

Проблема исследования — анализ формы и содержания журнала «Байрам» как специфического продукта исторической памяти белорусских татар, возникшего и эволюционировавшего в контексте постсоветских трансформаций: каким образом данное издание, функционируя как «место памяти» и медиум репрезентации, использовало дискурсивные и символические практики для конструирования, пересмотра и легитимации коллективной идентичности своего сообщества, какие стратегии мемориальной политики при этом применяло.

Объектом исследования является журнал «Байрам», все его выпуски с 1991 по 2024 г.

Предметом исследования являются стратегии и механизмы репрезентации исторической памяти и конструирования коллективной идентичности белорусских татар на страницах журнала «Байрам», а также эволюция этих стратегий и тематического наполнения журнала в связи с изменением социального, политического и культурного контекста. Основной предметный вопрос исследования: каким образом журнал «Байрам» функционировал как «место памяти» и инструмент формирования нарративной идентичности белорусских татар.

Цель исследования — проанализировать механизмы конструирования, репрезентации и трансформации исторической памяти и идентичности белорусских татар, реализуемые через дискурсивные и символические практики «мест памяти» на страницах журнала «Байрам».

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретико-методологические основы исследования исторической памяти и идентичности, что позволит определить ключевые понятия работы, сформировать исследовательскую конструкцию для анализа и обосновать методологию, обеспечив научную состоятельность интерпретаций;
2. Проанализировать исторический и социокультурный контекст возникновения журнала «Байрам» для того, чтобы понять причины появления журнала, его суть и его первоначальные цели и специфику презентации памяти в условиях общественных трансформаций;
3. Охарактеризовать аудиторию и ключевых авторов журнала для того, чтобы понять, для кого и кому создавался журнал, какие социальные группы стояли за его редакционной политикой и какие цели они преследовали, поскольку именно авторы и их ориентация на определенную аудиторию во многом определяют характер конструируемой памяти и презентируемой идентичности;
4. Проанализировать эволюцию визуальной структуры издания как маркера изменяющихся стратегий презентации;
5. Проанализировать содержание и функции журнала «Байрам» в первый этап его существования (1991–2002 гг.), выявив основные тематические блоки, способы конструирования памяти и артикуляции идентичности;
6. Исследовать содержание и функции журнала «Байрам» во второй этап (2017–2024 гг.), выявив изменения в редакционной политике, определив преемственность и разрывы в конструировании исторической памяти и коллективной идентичности белорусских татар.

Источниковедческий анализ: основным источником для данного исследования послужили выпуски журнала «Байрам» с № 1 за 1991 г. по № 50 за 2024 г. Этот корпус источников представляет собой комплекс материалов, отражающих интеллектуальную, культурную и религиозную жизнь белорусских татар на протяжении более чем трех

десятилетий. Информационные возможности этих источников широки: они позволяют реконструировать ключевые исторические нарративы, выявить основные «места памяти», проследить динамику этнокультурных и религиозных дискурсов, а также проанализировать визуальные стратегии саморепрезентации. При работе с источниками применялись методы дискурс-анализа, сравнительно-исторического анализа и визуального анализа. Изменения в составе редакторов, тиражах, периодичности и оформлении позволяет охарактеризовать эволюцию журнала как медиапроекта. При всей своей уникальности и информационной насыщенности у журнала «Байрам» как исторического источника данного исследования имеется ряд черт, которые необходимо учитывать для обеспечения научной объективности. Прежде всего, следует отметить неизбежную субъективность и ангажированность издания: журнал отражает взгляды и идеологические установки своих редакторов и ключевых авторов. Отбор тем, расстановка акцентов, интерпретация событий и даже визуальное оформление являются продуктом их позиций, что требует от исследователя критического анализа транслируемых нарративов, а не их априорного принятия как точного отражения реальности. Также следует учитывать проблему отбора и умолчаний: те темы, которые журнал обходил стороной или освещал недостаточно, могут быть не менее значимы для понимания сложных процессов внутри общины, чем те, что находились в фокусе публикаций.

Эволюция издания, включая смену редакторов, периодичности (от заявленного ежеквартального до фактического ежегодника с длительными перерывами) и источников финансирования, влияла на целостность и последовательность освещения тем. Длительный перерыв в издании в 2000-х годах сам по себе создал пробел в медийной репрезентации жизни данного сообщества. Вопросы фактологической точности некоторых материалов, особенно основанных на воспоминаниях или ранних, не всегда критически осмысленных публикациях, также требуют внимания и, по возможности, верификации по другим источникам. Признание этих ограничений позволяет рассматривать журнал как многослойное медиа, через анализ которого можно реконструировать процессы конструирования и репрезентации исторической памяти и идентичности белорусских татар.

Структура работы определяется поставленными задачами. Работа состоит из Введения, трех глав, каждая из которых включает по два параграфа, Заключения и Списка использованных источников и литературы.

Первая глава закладывает теоретико-методологическую и контекстуальную базу исследования. Первый параграф посвящен обзору ключевых концепций «исторической памяти» и «идентичности» в современной гуманитарной науке и их взаимосвязь в исследовании, что формирует исследовательскую конструкцию работы. Второй параграф анализирует исторический, социокультурный и медийный контекст конца 1980-х — начала 1990-х годов, в котором возник журнал «Байрам», раскрывая причины его появления и первоначальные цели как медиума репрезентации.

Вторая глава фокусируется на характеристике самого журнала «Байрам» как медиа-актора и продукта. Первый параграф посвящен анализу аудитории и ключевых авторов журнала на разных этапах его существования, что позволяет понять, чьи интересы и взгляды он репрезентировал. Второй параграф исследует эволюцию визуальной структуры журнала (обложек, оформления), рассматривая ее как важный маркер изменяющихся стратегий самопрезентации и репрезентации идентичности.

Третья глава представляет собой анализ содержания и функций журнала «Байрам» в динамике. Первый параграф анализирует тематическое наполнение, ключевые нарративы и механизмы конструирования исторической памяти и идентичности в выпусках 1990-х годов. Второй параграф исследует изменения в содержании и функциях журнала на втором этапе, выявляя преемственность и разрывы в редакционной политике, тематических приоритетах и способах репрезентации прошлого и настоящего белорусско-татарского сообщества.

Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринимается комплексный анализ журнала «Байрам» как репрезентации исторической памяти и идентичности белорусских татар на протяжении всего периода его существования. Работа вписывается в актуальную проблематику современных memory studies, применяя их теоретико-методологический аппарат к изучению малой

этноконфессиональной группы. Новизна заключается в выявлении динамики конструирования памяти, трансформации ключевых «мест памяти» и изменении стратегий репрезентации идентичности в ответ на смену поколений и социокультурных условий, а также в комплексном анализе языка и визуальной составляющей журнала как неотъемлемой части этого процесса.

Методология: теоретическая конструкция и методологическая рамка исследования опиралась на концепцию «мест памяти» (*lieux de mémoire*) П. Нора, которая использовалась для идентификации и интерпретации тех символических объектов, событий, текстов и фигур, которые на страницах «Байрама» функционировали как узловые точки коллективной памяти. Визуальный анализ использовался как инструментальная часть этой рамки и применялся для исследования оформления обложек и других изобразительных материалов как важной составляющей процесса репрезентации.

Ключевым инструментом анализа текстов журнала выступил дискурс-анализ. Он был направлен на выявление доминирующих нарративов, идеологических установок, способов конструирования образов прошлого, «своих» и «чужих», а также риторических и языковых стратегий, используемых для формирования определенного видения исторической памяти и коллективной идентичности. Систематическое изучение тематического наполнения выпусков, выявление частоты обращения к определенным сюжетам и персоналиям осуществлялось с помощью контент-анализа, что позволило сделать выводы об изменении редакционных приоритетов.

Глава I. Журнал «Байрам» как репрезентации исторической памяти и идентичности белорусских татар

1.1 Историческая память и идентичность в современном мире

В данном параграфе рассматриваются теоретические основания настоящего исследования, связанные с понятиями «историческая память» и «идентичность». Согласно современным концепциям, память понимается не как нейтральное хранилище прошлого, а как социально и политически сконструированный механизм интерпретации и самопозиционирования. Особое внимание при этом уделяется критике термина «идентичность» и обоснованию его применимости в контексте исторической памяти: идентичность рассматривается не как данная сущность, а как результат того, что человек помнит и способен рассказать о себе и о других. В результате на уровне концептуального подхода данное исследование исходит из того, что историческая память становится основой нарративной идентичности.

Вопросы о том, нужно ли помнить и что именно помнить, являются не только философскими, но и политическими, особенно в реалиях XXI века. Часто память рассматривается как безусловное благо, как неотъемлемый элемент моральной ответственности перед прошлым. Однако, как справедливо замечает современный немецкий социолог и культурный теоретик Я.Ф. Ремтсма, память сама по себе не обладает положительной или отрицательной ценностью.²⁵ Она является одной из форм человеческой адаптации к жизни. В этом смысле обе функции — памятование и забвение — служат стратегии выживания и ориентирования в настоящем. Они не просто существуют, но и поддаются активному управлению на уровне индивидуального опыта и в рамках коллективной памяти.

Обратимся к наиболее распространенным научным взглядам на эту

---

²⁵ А. Ассман. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. М., 2022. С. 20.

проблему. Определяя историческую память и ее связь с идентичностью, П. Нора, выдающийся французский исследователь коллективной памяти и национальной идентичности, полагает, что такая память — это не спонтанное воспоминание, а память, прошедшая через историю, подвергшаяся институциональной и культурной переработке. Он называет её «историзированной» или «трансформированной памятью», указывая, что она утрачивает свою естественную преемственность и становится фрагментированной, отчуждённой. Нора также ввёл понятие «мест памяти» (*lieux de mémoire*) — это не только физические локации (памятники, здания, географические точки), но и события, личности, обычаи, традиции, тексты, даже гастрономия, которые стали символами национальной идентичности и продолжают существовать в коллективном воображении как активные точки соприкосновения с прошлым.²⁶ Историческую память, таким образом, следует понимать как одну из форм коллективной памяти, предшественницей которой является культурная память.

Одним из авторитетных теоретиков в области исследований коллективной и культурной памяти стала А. Ассман — немецкий культуролог, историк памяти, филолог. Ее основной вклад в современную гуманитарную мысль связан с развитием концепции культурной памяти (*kulturelles Gedächtnis*)²⁷, которую она разработала совместно с египтологом и культурологом Я. Ассманом.²⁸ Их подход строится на разграничении и взаимодействии между памятью и историей, а также на анализе механизмов формирования коллективной идентичности через память о прошлом. На их взгляд, культурная память — это не просто накопление воспоминаний, но институционализированная форма хранения, трансляции и интерпретации коллективного опыта, имеющая решающее значение для формирования

---

²⁶ Там же. С. 130–131.

²⁷ См.: А. Ассман. *Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика*. М., 2014. 328 с.

²⁸ См.: Я. Ассман. *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М., 2004. 368 с.

идентичности.

Такая трактовка восходит к философской традиции Нового времени. Дж. Локк связывал личную идентичность человека с памятью: именно память, по его мнению, обеспечивает преемственность «я» во времени, позволяет индивиду ощущать себя тем же самым субъектом в разных точках биографии. Современная версия этой мысли выражается в идее, что «мы — это истории, которые можем рассказать о себе».²⁹

А. Ассман выступает против крайностей как утопического космополитизма, так и агрессивного популистского национализма, предлагая альтернативный путь: не соглашаться ни с утопистами, мечтающими о глобальном космополитическом обществе, ни с воинственными популистами, апеллирующими к гордости и силе нации, а связать свои надежды с мемориальной культурой, чтобы сделать нации ответственными за безопасное будущее Европы. Но такая перспектива практически невозможна, учитывая то, что происходило и происходит в Восточной Европе в последние годы.

Таким образом, память, в понимании А. Ассман, становится не только полем борьбы за интерпретацию прошлого, но и ресурсом для этического и политического обновления. Мемориальная культура, по её мысли, способна не только сохранять идентичность, но и переопределить её в соответствии с новыми моральными и цивилизационными задачами. При этом А. Ассман, несмотря на стремление к переосмыслению памяти, не уходит от исторической памяти как таковой. Напротив, она вынуждена оперировать её механизмами, перекладывая акценты с академической истории на мемориальную культуру, — концепт, близкий к идеи Нора о «местах памяти». Мемориальная культура у А. Ассман фактически становится способом управляемой исторической памяти, через которую возможно переосмысление прошлого и формирование ответственной идентичности. Она не отвергает историческую память, а институционализирует и

---

²⁹ А. Ассман. Европейская мечта... С. 121–122.

нормативирует её, придавая ей новую этическую и политическую направленность.

А. Ассман рассматривает нацию не как фиксированную и данную изначально сущность, а как исторически и культурно сконструированный феномен. В этом контексте нация становится не целью сама по себе, а инструментом, который может при определённых условиях быть направлен на благо общества.

Этот подход разделяет известный российский историк и философ Н.Е. Копосов, который занимается вопросами изучения законов памяти. Однако он считает, что противопоставление истории и памяти, которое имеется у Ассман, является «грубым преувеличением противопоставлением», поскольку история и память — это не чётко разграниченные феномены, а концепции с комплексными и в значительной мере пересекающимися смыслами. По его мнению, историческая память — это уже не непосредственное, живое воспоминание о прошлом, а результат его институциональной переработки. Опираясь на идеи Нора, он утверждает, что в современности память утратила свою «естественную» форму, которая традиционно передавалась от поколения к поколению в виде навыков, обычая и коллективного опыта. На смену ей пришла, по его выражению, «историзированная память», которая формируется через историю и в процессе этого становится фрагментированной, лишённой своей первоначальной непрерывности. Копосов считает, что сегодняшняя историческая память — это «искусственная гиперреальность», кажущаяся укоренённой в естественной передаче знания, но на деле созданная (часто намеренно) разными ее интерпретаторами, включая представителей государств, общественных и политических организаций, СМИ, историков и журналистов. Фрагментация становится общей чертой как академической истории, так и коллективных представлений о прошлом. Историческая память в этом понимании — это форма культурного воспоминания, актуализирующая важные для сообщества элементы прошлого, независимо от их фактической исторической достоверности. В отличие от «официальной

истории», такая историческая память субъективна, эмоциональна и избирательна, но именно через неё общество сохраняет связь с прошлым и формирует представления о себе.³⁰ Как хорошо известно из исторического опыта и современной жизни, именно «официальная» история и соответствующая пропаганда имели и имеют определяющее значение в процессе формирования исторических национальных нарративов.

В то же время Копосов, как и Ассман, подчеркивает конструктивистский характер формирование исторической памяти. Национальные концепции истории распространялись в массовом сознании главным образом через систему школьного образования, популярную литературу, в том числе художественную, театральные постановки, государственные праздники, музеи, памятники и другие формы культурной деятельности. Еще в XIX веке начался процесс, по выражению Копосова, «национализации масс», представляющий собой идеологическую обработку, зачастую основанную на национальных мифах, социальных группах, которые ранее не принимали непосредственного участия в политической жизни. Одновременно под влиянием активной модернизации происходили изменения в общественной структуре, что приводило к трансформации способов передачи исторической памяти. Вместо традиционной, по его определению, «коммуникативной памяти», передаваемой в рамках устойчивых социальных сообществ, XIX век стал свидетелем массового формирования, по его представлениям, «изобретённых традиций» и конструирования коллективной памяти. Этот процесс особенно активизировался в те моменты, когда традиционные формы передачи исторических знаний разрушались, и возникала необходимость создания новых механизмов сохранения исторического наследия для будущих поколений³¹. Данный процесс, однако, вовсе не был линейным, а хаотичным, поэтому вряд ли причинно-следственную связь, изложенная Копосовым,

---

³⁰ N. Korosov. *Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia*. Cambridge University Press, 2018. P. 48.

³¹ Н. Копосов. Указ. соч. С. 33–34.

имела именно такую последовательность.

По мнению Копосова, в 1960–1970-е годы распространилась идея разрыва с прошлым, особенно в индустриальных обществах, где традиции начали восприниматься как пережиток. А в 1980–1990-е годы во всем мире отмечается, по его оценке, «взрыв» празднования юбилеев исторических событий, создание памятных и национальных музеев, мемориалов. Это привело к коммерциализации памяти и популяризации концепций, по его выражению, «публичной истории» и «исторической консервации». Наблюдался повсеместный рост интереса общества к исторической памяти, наследию и религии. Обычные люди стали все больше интересоваться историей своих семей, профессий и городов, а историки-любители активно исследовали архивы. Историческая литература и фильмы о прошлом становились массовыми и популярными.³² Эти процессы в разных странах и у разных народов протекали и протекают по-разному, специфика имелась у крупных и малых по численности народов, что особенно было заметно после распада СССР и появления на его территории новых государств.

Копосов подчеркивает связь между интересом к наследию и религиозным возрождением. Возрастающий интерес к религии, часто связанный с политикой, приобретал значительное влияние в мировой политике. Национализм, который в 1970-х годах считался маргинальным, в 1990-е превратился в ключевой фактор политической жизни многих стран. Идентичность, включая также и религиозную принадлежность, становилась определяющим фактором социальной структуры, в отличие от прежнего классового деления³³, господствовавшего, как известно, в марксистской литературе.

Впервые термин «идентичность» был введён в научный обиход психологом Э. Эриксоном. Он трактовал это явление как процесс, укоренённый одновременно в сущности личности и в культуре, к которой эта

---

³² Там же. С. 41.

³³ Там же. С. 42.

личность принадлежит. Таким образом, идентичность выступает особой формой соответствия человека и его культурного окружения.³⁴ Это понятие многоократно уточнялось, дополнялось, понималось разными исследователями.

Известные британские социальные антропологи определяют коллективные идентичности как «представления, содержащие нормативные обращения к потенциальным участникам и предоставляющие им средства для понимания самих себя или для того, чтобы их понимали, как членов более широкой категории или собрания людей».³⁵ Подобные взгляды имеют своих оппонентов, у которых имеются свои аргументы.

Так, американский социолог Р. Брубейкер предложил критическую переоценку термина «идентичность», утверждая, что он стал чрезмерно расплывчатым и перегруженным значениями. В современных социальных науках этот термин, по его мнению, либо означает слишком много, либо слишком мало, либо вообще ничего конкретного, что делает его слабым аналитическим инструментом. Брубейкер различает «идентичность» как категорию практики, то есть как то, чем пользуются политики, активисты и сами люди в повседневной жизни для описания принадлежности, и «идентичность» как категорию анализа. Он полагает, что перенос повседневной или политической риторики идентичности в академический язык приводит к некритическому принятию «овеществлённого» (эссенциалистского) понимания групп, таких как «нации», «расы», «этносы» и т.п. Он утверждает, что даже конструктивистские подходы, которые стремятся показать множественность, текучесть и конструированность идентичностей, не решают проблему, а лишь маскируют её, не давая ясных инструментов для анализа устойчивых политических и

---

³⁴ См.: Р.Б. Сапожникова. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2005. № 1. С. 13–17.

³⁵ A. Gorman, S. Kasbarian. *Diasporas of the Modern Middle East: Contextualising Community*. Edinburgh University Press, 2015. P. 73.

социальных форм, которые действуют от имени этих «идентичностей». В итоге Брубейкер предложил вовсе отказаться от термина «идентичность» в аналитическом смысле и вместо него использовать, по его представлениям, более точные и операционализируемые категории — «идентификация», «категоризация» и др.³⁶ Теоретические разработки подобных общественных явлений продолжаются в мировой науке, происходит интенсификация анализа этих вполне конкретных проблем, присущих современности.

Таким образом, в результате рассмотрения ключевых подходов к понятию исторической памяти и её связи с идентичностью можно сделать вывод о том, что это не статичное хранение информации, а процесс интерпретации и презентации прошлого, активно формируемый культурными институциями, политическими силами и медиасредой. Идентичность в этом контексте перестает быть онтологической данностью и выступает как производное исторической памяти, как нарративный конструкт, опирающийся на то, что человек или сообщество помнит, как это структурирует, как способно о себе рассказать.

Отсюда методология данной работы: рассматривать идентичность не как данность или стабильную сущность, а как результат действия, как последствие исторической памяти, как ее производное, как форму нарративной саморепрезентации, опирающейся на коллективные и индивидуальные воспоминания, на символы, тексты и практики, которые позволяют человеку и сообществу конструировать свои образы в процессе интерпретации собственного прошлого.

Такой подход позволяет использовать категорию идентичности для анализа в том числе малых этноконфессиональных сообществ, лишенных устойчивой политической субъектности, но активно выстраивающих себя через «работу» с прошлым на основе усилий по восстановлению и переосмыслинию собственного наследия. В частности, это открывает

---

³⁶ Р. Брубейкер. Этничность без групп / пер. с англ. М., 2012. С. 61–78, 89–95.

теоретическую перспективу для изучения мусульманской белорусско-татарской идентичности как формы культурной памяти, закреплённой и трансформированной через медиальные, письменные и институциональные практики, включая публикаторскую деятельность редакции национального журнала «Байрам».

1.2 Контекст возникновения журнала «Байрам»

Параграф посвящён комплексному анализу культурной, исторической и медийной среды, в которой появился журнал «Байрам». Его задача — показать, как на фоне кризиса официальной историографии и роста интереса к локальной памяти белорусская татарская община воспользовалась открывшимися возможностями для публичного самовыражения посредством собственного периодического издания. В параграфе рассматриваются процессы политической и культурной трансформации конца 1980-х — начала 1990-х годов в СССР в целом, включая религиозное возрождение, либерализацию печатной сферы, а также влияние мусульманских, транснациональных и татарских инициатив, помещая журнал в исторический контекст и сравнивая его с другими подобными национальными печатными изданиями. Появление же журнала «Байрама» анализируется как результат деятельности «группы памяти» снизу, которая через обращение к национальной традиции формирует свою идентичность. Параграф необходим для того, чтобы понять, как относительно малочисленное сообщество без политической субъектности смогло выстроить собственный медианarrатив, функционирующий одновременно как средство самоописания, культурной консолидации и политической артикуляции в условиях нового национального проекта.

Повсеместный подъем исторической памяти в условиях «перестройки» в СССР был связан с кризисом его исторической науки. С одной стороны, имели место разочарование общества в прежних «больших нарративах», утрата общего языка историков, падение их профессионализма, подстраивание многих из них под новую политическую конъюнктуру, с другой — начали возникать различные исследовательские «группы памяти»,

которые излагали собственные трактовки прошлого. Все это усилило политизацию исторических интерпретаций. Эклектика, личный опыт и противоречивость памяти стали основой новых форм исторического сознания, что создало широкие возможности для политической манипуляции,³⁷ тесно связанной с пропагандой тех или иных идей.

Несмотря на резко расширяющуюся тематику научных исследований, посвященных изучению исторической памяти, недостаточно изучены ее формы, характерные для малых этнических и конфессиональных сообществ, не обладающих политической субъектностью. Феномены малых нарративов, культурных инициатив «снизу», а также стратегии выживания и самоописания таких групп в условиях меняющейся политической и культурной среды конца XX в. и начала XXI в. все еще требуют исследовательского внимания. Применение предложенных в данной работе теоретических установок в отношении такого этноконфессионального меньшинства, как белорусские татары, позволяет расширить понимание того, как управляется историческая память в ситуации отсутствия сколько-нибудь существенной институциональной, финансовой и иной внешней поддержки, учитывая конкуренцию с доминирующими национальными нарративами в формировании идентичности того или иного сопредельного крупного этноса.

Именно в этих «пограничных» пространствах проявляется наиболее тонкая работа памяти — не только как формы сопротивления забвению, но и как способа артикуляции идентичности, опирающегося на символические, жанровые и культурные ресурсы прошлого. Изучение таких проблем позволяет глубже понять, каким образом культурная память конструируется, трансформируется и презентируется на микроуровне, и как малые сообщества участвуют в общем культурном и мемориальном поле постсоветского пространства. Анализ содержания журнала «Байрам» позволяет ответить на вопросы, какие источники памяти, какие способы и

---

³⁷ Н. Копосов. Указ. соч. С. 43.

механизмы конструирования своего восприятия при этом использованы представителями татар в постсоветской Беларуси.

В период распада СССР интенсивно происходили процессы национального переосмысливания во всех частях бывшего советского государства. Многие национальные сообщества, ранее «вписаные» в общесоветскую идентичность, искали различные способы громко и публично заявить о своей самобытности, опирающейся на глубокие исторические корни и традиции. Появление в Минске журнала «Байрам» стало результатом деятельности одной из малой по своей численности белорусско-татарской «группы памяти», для которой этот журнал становится своего рода самим по себе «местом памяти», поскольку он был не просто собранием разного рода статей и материалов, посвящённых религии и нации, а являлся ретроспективной отсылкой к национальному жанру белорусско-татарских китабов. Вместе с тем целью журнала стало не только осмысление исторической памяти и прошлого, но и формирование современной модели идентичности на основе национального литературного жанра прошлого.

Белорусские татары в процессе своего конструирования исторической памяти и идентичности находились при этом в более широком процессе аналогичного конструирования белорусского общества, подвергались влиянию других татарских и мусульманских сообществ в пределах СНГ, что также определённым образом сказывалось на тематике и содержании журнала.

Рассматривая роль ислама как феномена в нациостроительстве на постсоветском пространстве, необходимо обратиться к теории Э. Геллнера, который рассматривал национализм как неизбежный спутник перехода общества от аграрной к индустриальной стадии. По Геллнеру, национализм — это форма универсальной социальной организации, возникающей вместе с модернизацией. Он утверждал, что ислам, как и другие религии, может адаптироваться к новым условиям и проявляться либо в виде модернизированного «официального» ислама, напоминающего

протестантизм (то есть «рационализированного» и «ориентированного на модернизацию»), либо сохраняться в виде «народного» («неофициального») ислама, обречённого постепенно исчезнуть под влиянием индустриализации и секуляризации. Согласно Геллнеру, только исламский фундаментализм может стать альтернативой европейскому национализму, формируя собственную модель идентичности, особенно в тех обществах, которые сталкиваются с трудностями полной интеграции в европейский модернизационный проект.³⁸ Эта схема, как показывает современность, имеет свою специфику в тех или иных частях Евразии, в том числе в Беларуси.

Возникает важный теоретический вопрос: как можно объяснить феномен белорусских, литовских и польских татар (далее в работе использован их общепринятый этноним — «липки»), которые стали коренным европейским мусульманским меньшинством вследствие языковой ассимиляции задолго XX века? С одной стороны, состояние экономической жизни липок не соответствует пониманию «аграрного общества», поскольку основным ремеслом липок-дворян являлась военная служба, а недворянские татарские фамилии занимались торговлей, извозом и ремеслами,³⁹ тем самым они были интегрированы в экономическую жизнь европейских государств еще в домодерновую эпоху, утратив при этом родной язык и полностью интегрировавшись в местные сообщества.

С другой стороны, культурная память и наследие в виде письменных источников, которые сохраняли исламскую идентичность липок и позволили им пережить советский период, в постсоветскую эпоху становятся основой их возрождения в качестве инструментов конструирования национального

---

³⁸ С.Н. Абашин. *Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности*. СПб., 2007. С. 207–211.

³⁹ И.В. Зайцев. Указ. соч. С. 763.

сознания и исторической памяти.⁴⁰ Эта идентичность наполняется модернизованным содержанием, восходящим к форме «народного» ислама, поскольку опирается прежде всего на национальный литературный жанр как на широкое «место памяти», резкий подъём интереса к которому свидетельствует о его актуальности, а не об обречённости на исчезновение. История белорусских татар оказывается трудным вопросом для типологизации в рамках геллеровской схемы, что требует определенной корректировки теории национализма, особенно в контексте взаимодействия религии, национальной идентичности и культурной ассимиляции.

Исламское возрождение в СССР, начавшееся при генеральном секретаре ЦК КПСС М.С. Горбачёве, стало частью гораздо более широкого процесса утверждения национальной идентичности, охватившего весь Советский Союз в конце 1980-х годов, когда гласность разрушила прежниеtabu. Этот процесс включал в себя обращение к национальному и культурному наследию, выходившее за рамки ограничений, ранее наложенных коммунистическим режимом на националистический дискурс.⁴¹ Ислам становился частью национального и культурного возрождения татар в Беларуси.

Их численность, по данным переписи 1989 г., включая этнических татар из других регионов СССР, составляла 12 552 человек или 0,12% от общего населения Белорусской ССР.⁴² Отдельной статистики, которая позволяет на основе татарского языка отделить коренных белорусских татар от других татар, не существует.

---

⁴⁰ См.: R. Chowdhury. Op. cit. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=453#tocto1n4> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴¹ A. Khalid. *Islam after communism: Religion and politics in Central Asia*. University of California Press. 2007. P. 125–126.

⁴² Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР // Демоскоп Weekly [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (дата обращения: 05.04.2025).

В результате активизации этнокультурных инициатив в конце 1980-х годов белорусско-татарские интеллектуалы Якуб Адамович Якубовский и Ибрагим Борисович Канапацкий основали в 1991 г. в Минске Татарское общественно-культурное объединение «Аль-Китаб» (по-арабски «Книга»). Якубовский и Канапацкий, выступившие в качестве вице-президентов данной организации, стремились через культурные инициативы обозначить особое место белорусских татар в национальной жизни Беларуси⁴³.

После распада СССР татары в Беларуси смогли вновь исповедовать свою веру, посещать мечети и обучать детей исламу. Для татарской общины важным также стало разрешение вопроса о возвращении национализированной собственности. Несмотря на принятые законы в Беларуси 1990-х годов, направленные на поддержку национальных меньшинств и религиозных организаций, процесс возрождения татаро-мусульманской культуры сталкивался с многочисленными трудностями и противоречиями.⁴⁴

Белорусские татары, до этого не находившие своего культурного и национального отражения в советском проекте в том аутентичном виде, в котором они себя видели, будучи сравнительно малочисленным народом, сталкивались с аналогичными проблемами и с другими препятствиями в новом государственном белорусском проекте. В условиях либерализации белорусские татары активнее обращались к своей культуре, традициям, к необходимости вновь конструировать и сохранять свои национальные,

---

⁴³ См.: R. Chowdhury. Op. cit. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://etudesslaves.edel.univ-poitiers.fr/index.php?id=453#tocto1n4> (дата обращения: 24.04.2025).

⁴⁴ З. Канапацкая. Проблемы и перспективы развития татарской diáspory в Республике Беларусь // Ислам в странах Содружества Независимых Государств: международная политика и сфера безопасности [Электронный ресурс]. Ежеквартальный научный альманах. Вып. № 1 (10). М.; Н. Новгород, 2013. Режим доступа: <https://idmedina.ru/books/islamic/?5376> (дата обращения: 12.02.2025).

письменные и религиозные исторические памятники.

В независимой Беларуси произошли значительные изменения в сфере печати. Появлялись новые городские газеты, а некоторые районные издания меняли свои названия, исключая советскую символику, что свидетельствовало об определенной либерализации медиийного пространства по сравнению с советским периодом. Этот процесс сопровождался реорганизацией редакций государственных изданий и радикальными изменениями в структуре медиапространства. Газеты, ранее относившиеся к так называемой центральной прессе Советского Союза («Правда», «Известия», «Труд» и др.), а также периодические издания бывших союзных республик были переориентированы и приобрели статус зарубежных. Значительная часть традиционных печатных СМИ прекратила своё существование. В новых условиях ключевыми элементами республиканского информационного поля стали как традиционные издания, такие как «Советская Белоруссия», «Звязда», «Знамя юности», «Чырвоная змена», так и вновь созданные общественно-политические газеты — «Народная газета», «Рэспубліка», еженедельник «7 дней» и др. Они получили статус центральных и сыграли важную роль в формировании нового медиапространства независимой Беларуси.

Быстро возникали как легальные, так и нелегальные издания, учреждённые национально-демократическими организациями, общественными движениями, молодёжными объединениями и политическими партиями. Появились новые негосударственные общественно-политические издания — «Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Свобода», «Народная воля», «Ганцавіцкі час» и другие, инициаторами которых выступали частные лица и негосударственные институты.

Параллельно формировался широкий спектр специализированных изданий: экономических, деловых, научных, литературно-художественных, молодёжных, детских, рекламных, военных и экологических. Существенно

увеличилось количество периодики, выпускавшейся не только на белорусском и русском, но также на польском, английском, немецком и других языках. В новых условиях рынок печатной продукции стал развиваться с учётом запросов аудитории и в условиях жёсткой конкуренции. Содержательная направленность белорусской прессы приобрела выраженный просветительский и национально ориентированный характер. Особое внимание стало уделяться вопросам национальной идентичности, популяризации белорусского языка, литературы и искусства, а также «возвращение» к историко-культурным ценностям белорусского народа.⁴⁵

Важным признаком либерализации печатной сферы и роста национального самосознания стало появление также этнокультурных изданий, отражающих интересы отдельных народов, проживающих в Беларуси. Одним из первых подобных проектов стал журнал белорусских татар «Байрам» в Минске. 5 апреля 1991 г. под грифом Татарского общественно-культурного объединения «Аль-Китаб» в Минске появился первый выпуск «Байрама» (тираж — 500 экземпляров) с подзаголовком — «Татары на земле Беларусь». Этот номер был отпечатан на ротапринте государственного белорусского издательства «Беларуская Савецкая Энцыклапедыя» имени П. Бровки.⁴⁶ Журнал, как задумывали его создатели, был призван стать платформой для артикуляции белорусско-татарской идентичности.

Как и другие подобные национальные журналы, его мемориальной функцией стало формирование национального самосознания, популяризация родного языка, литературы и возвращение к ранним историко-культурным ценностям.

---

⁴⁵ Т.В. Силина-Ясинская. Печатные СМИ // Белорусская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=4386#h1> (дата обращения: 12.04.2025).

⁴⁶ См.: *Байрам: татары на зямлі Беларусі: квартальник Татарскага грамадска-культурнага аб'яднання «Аль-Кітаб» Мінскай вобласці*. 1991. № 1.

Название журнала «Байрам» (по-турски «праздник», «торжество») было выбрано для того, чтобы привлечь внимание к религиозно-культурной идентичности его создателей и читателей. Это слово, широко распространённое в тюркском и мусульманском лексиконе, преимущественно используется для обозначения двух главных исламских праздников — Ид аль-Фитр (Рамазан-Байрам, Праздник разговения) и Ид аль-Адха (Курбан-Байрам, Праздник жертвоприношения). Выбор именно этого понятия в качестве названия позволил редакции журнала одновременно подчеркнуть мусульманскую и татарскую идентичности, демонстрируя приверженность как исламской традиции, так и этнокультурному наследию.

Особую значимость данному названию придавал и тот факт, что первый выпуск журнала вышел 5 апреля 1991 г. — на 20-й день месяца Рамадан по хиджре — и был приурочен к празднованию Рамазан-Байрама.⁴⁷ Это подчёркивало не только символический характер названия, но и придало журналу дополнительный сакральный смысл, связывая его с моментом религиозного торжества. Таким образом, журнал «Байрам» становился маркером культурной саморепрезентации: через знакомую и значимую в мусульманском мире лексику он обращался как к татарам, проживавшим в Беларуси, так и к более широкой аудитории мусульман, подчёркивая преемственность исламской культурной традиции для национального меньшинства.

Подобные примеры можно обнаружить в других татарских сообществах перестроичного пространства. Газета «Авдёт» («Возвращение»), первое независимое издание крымских татар, начала выходить в 1990 г. после начала массовой депатриации этого народа на историческую родину.⁴⁸ Название данного издания также носит символический характер, отсылая к трагическим страницам истории для

---

⁴⁷ Там же. С. 2.

⁴⁸ Газете «Авдёт» исполнилось 28 лет // Crimean Tatars [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.crimeantatars.club/life/society/gazete-avdet-ispolnilos-28-let> (дата обращения: 12.04.2025).

крымскотатарского народа — депортации 1944 г. и многолетнему изгнанию из своей родины. «Авдёт» стал не только хроникой современного этапа национального движения, но и воплощением коллективной памяти крымских татар. Другая их газета «Янъы дюнъя» («Новый мир») также является примером реабилитации и обращения к старым символам.⁴⁹ Впервые она была издана в 1918 г., но после депортации крымских татар в 1944 г. издание было прекращено. В 1957 г. эта газета появилась в Ташкенте под названием «Ленин байрагы» («Лениńskое знамя»). В 1991 г. редакция переехала из Ташкента в Симферополь, где газета вновь стала называться «Янъы дюнъя». Журнал «Къасевет» («Тоска», «Печаль») появился в Симферополе в 1984 г. как подпольное студенческое издание, посвящённое национальному движению и диссидентской публицистике крымских татар; за его выпуск в 1985 г. был арестован активист С. Кадыров, а легализоваться журнал смог лишь на волне перестройки в 1989 г.⁵⁰ Само его название символично: оно подчёркивает боль и неугасающее беспокойство народа, пережившего депортацию 1944 г. и долгие годы изгнания. Со временем журнал превратился в историко-этнографический альманах, собирающий материалы по истории, языку, фольклору и культуре, — от Золотоордынского периода до современной diáspory. Подобно газетам «Авдёт» и «Янъы дюнъя», он реабилитирует репрессированные символы и, фиксируя печаль и тоску своей общины, связывает разные поколения крымских татар в едином нарративе возвращения и единения с родной землей.

В 1990-х годах в медиапространстве, в частности Татарстана, стали

---

⁴⁹ См.: З.Б. Бекирова. Опыт газеты «Янъы дюнъя» по сбору и систематизации крымскотатарского фольклора в условиях депортации // Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филологические науки. 2014. Т. 27 (66). № 3. С. 410–416.

⁵⁰ А. Багалика, А. Куликов. Последний политзаключенный советского режима? История Синавера Кадырова: [подкаст] // Громадське радіо. 22 мая 2017 г. URL: <https://hromadske.radio/ru/podcasts/hromadska-hvylja/posledniy-politzaklyuchennyj-sovetskogo-rezhima-istoriya-sinavera-kadyrova> (дата обращения: 5.04.2025).

появляться новые газеты и журналы, учреждённые татарскими общественно-политическими и культурными организациями. Сами названия этих изданий схожим образом апеллировали к важным в контексте того времени для казанских татар мемориальным символам — стремлению к независимости и государственности: газеты «Независимость»⁵¹ (1992–1994) и «Суверенитет»⁵² (1991–1995); к образам исторической памяти государства — «Алтын урда»⁵³ («Золотая орда») (1993–1998) и к культурно-национальным символам — «Сөембикә»⁵⁴ (казанская ханша XVI века, ставшая в национальном нарративе символом трагического падения Казанского ханства) (1991 — по настоящее время) и «Сабантуй»⁵⁵ (в честь народного праздника у тюрок Поволжья, который приурочивают к завершению весенних полевых работ) (1991 — по настоящее время).⁵⁶ В

---

⁵¹ Независимость — литературно-художественная, общественно-политическая газета // Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/nezavisimost> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵² Суверенитет — ежемесячная общественно-политическая газета // Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/souverenitet> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵³ Алтын Урда — общественно-политическая газета // Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/altyn-urda> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵⁴ Сөембикә — общественно-политический, литературно-художественный иллюстрированный ежемесячный журнал для женщин // Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/syuzyumbike-1> (дата обращения: 12.04.2025).

⁵⁵ Сабантуй — газета для детей и подростков // Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatarica.org/ru/razdely/sredstva-massovoj-informacii/periodicheskie-izdaniya/sabantuj> (дата обращения: 12.04.2025)

⁵⁶ Последние две газеты начали свое издание раньше 1990-х годов. Журнал «Сөембикә» начал издаваться с 1913 года на татарском языке, в 1926 г. газета была «адаптирована» в советский дискурс под новым названием «Азат

новых политических и социокультурных реалиях подобные газеты и журналы претендовали на миссию по восстановлению прерванной традиции, поддержанию культурной идентичности и консолидации тюркских народов, в том числе айлок.

Появление этих изданий означает наличие общих тенденций в развитии национально ориентированной прессы у мусульманских сообществ на постсоветском пространстве, когда даже названия периодических изданий становились средствами артикуляции культурной самобытности и инструментами символического строительства памяти.

Существенным отличием издательской практики белорусских татар от приведённых выше примеров стало не только использование символьских названий как формы апелляции к коллективной памяти, но и сам выбор жанра журнала, который основан на национальной традиции. В данном случае объектом мемориализации становились не просто отдельные символы или термины, отсылающие к исламской или этнокультурной традиции, а весь журнал в целом, включая его принадлежность к национальной литературе. Журнал «Байрам» функционировал одновременно как форма и как содержание исторической памяти: он не только воспроизводил культурные маркеры прошлого, но и сам становился частью репрезентации этого прошлого в актуальном культурном и социальном контексте.

Выпуски журнала демонстрировали стремление его редакции обратиться как к татарской, так и к широкой белорусской аудитории. В условиях, когда этническое большинство Беларуси переживало глубокую переоценку своей идентичности на фоне преобразования Белорусской ССР в суверенное государство, лидеры татарского движения предложили

хатын» («Свободная женщина»). В 1990-х годах она подверглась «декоммунизации» и стала вновь издаваться как «Сөембикә». Газета «Яшь ленинчы» («Молодой ленинец») которая издавалась с 1924 года, в 1990-х стала известна как «Сабантуй», позже превращёна в журнал.

собственное видение сохранения своей этноконфессиональной самобытности и включения ее в более широкий белорусский социокультурный контекст.

Название организации, стоявшей за созданием журнала — «Аль-Китаб», с одной стороны, отсылает к исламской традиции, ассоциируясь с Кораном, с другой — к практике «народного ислама», включающей чтение и почитание религиозных текстов на родном языке, распространённых в среде липок.

Появление рукописей на славянских языках, записанных арабской графикой, в их среде, начиная с XVI века, тесно связано с постепенной утратой ими родного тюркского языка. В научной литературе отмечается, что до этого момента в рукописной традиции мусульман Великого княжества Литовского использовались четыре литературных тюркских языка: хорезмийский, чагатайский, староосманский и крымско-татарский. Однако по мере языковой ассимиляции и перехода татарского населения на местные славянские языки, а также из-за отсутствия достаточного знания классического арабского языка, необходимого для литургических целей, возникла потребность в адаптации религиозной литературы к новой языковой среде. Результатом этого процесса стало формирование уникальной арабографичной славяноязычной рукописной традиции. Начавшись с переводов религиозных текстов — в первую очередь Корана, хадисов и поучительных рассказов — на старобелорусский язык, эта традиция позднее распространилась и на старопольский. В XVII–XX вв. в литовско-татарской среде формировался жанр религиозной литературы, представленный прежде всего такими типами рукописей, как китабы (объёмные универсальные сборники), полу-китабы (их сокращённые версии), хамаилы (переносные молитвенники и амулеты), теджвиды (пособия по правильному чтению Корана) и тефсиры (толкования коранических аятов). Этот жанр стал основной формой литературного и духовного самовыражения мусульманского населения Великого княжества Литовского, сохранив в себе как элементы исламской доктрины, так и черты

местной фольклорной, языковой и текстовой традиции.⁵⁷

Китабы, созданные в среде белорусских татар, представляют собой уникальные рукописные сборники, вобравшие в себя широкий спектр религиозных, дидактических, повествовательных и фольклорно-бытовых текстов. В отличие от привычного понимания книги как законченного и печатного издания, термин «китаб» в данном контексте обозначает именно рукописный сборник, составлявшийся по определённым жанровым и тематическим критериям и служивший в повседневной жизни липок своеобразным руководством к действию. Содержательно китабы охватывают широкий круг тем, в том числе основы ислама и мусульманской обрядности, этические и правовые нормы, мифологические и фольклорные элементы. Подобное разнообразие позволяло использовать такие рукописи как универсальные справочники, в которых находили отражение как религиозные предписания, так и практические аспекты повседневной жизни. Так, в одном из исследованных китабов⁵⁸ представлены темы, касающиеся: основ вероучения и религиозной практики, включая чтение Корана, правила совершения намаза, поста и закята, празднование Рамазана и Курбана, описание хаджа, трактовка понятий ада и рая; этических предписаний: уважение к родителям, старшим, учёным, сиротам, вдовам, соседям и бедным; правила поведения и гостеприимства; моральный кодекс, основанный на исламских ценностях; космологических и теологических представлений: сотворение мира, природа души, смерть и загробная жизнь, демонология и ангелология; повествовательных текстов: жизнеописания пророков, в том числе Мухаммеда и Исы (Иисуса), их диалоги с шайтаном, легенды и рассказы с поучительным содержанием; бытовых и обрядовых материалов: похоронные обряды, завещания, гадания, правила питания, календарные

---

⁵⁷ Г. Мишкинене. Новая рукопись литовских татар в Национальной библиотеке Республики Татарстан // Библиотечный вестник. 2016. № 2 (42). С. 35–36.

⁵⁸ Китаб Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар. Вильнюс, 2009. С. 35–38.

наблюдения (например, трактовка месяцев и ночей как священных или обыденных).

Все китабы представляют собой многоязычные памятники письменной традиции. В их составе преобладают тексты на белорусском и польском языках, однако встречаются также материалы на восточных языках — тюркском и арабском. Примечательно, что восточные тексты, как правило, сопровождаются переводами на белорусский или польский язык, что свидетельствует о стремлении сделать их содержание доступным для широкой читательской аудитории.⁵⁹

На полях китабов авторы (переписчики и составители) нередко оставляли пометы и заголовки, помогающие ориентироваться в структуре текста. Эти маркеры структурировали повествование и позволяли читателю или слушателю легко находить нужный фрагмент для религиозного или бытового применения. Часть глав неизменно начиналась со свойственными для мусульманской литературы формулами басмалы. Особенностью китабов является также синкретизм жанров: в них сочетаются тексты, приближённые к кораническим сурам, с местным нарративным материалом, в том числе с фольклорными легендами, поучительными притчами и даже элементами бытовой магии. Исследователи, включая М.Б. Пиотровского и Т. Ковальского, отмечают характерную для таких сборников структуру, основанную на принципе «параллельных мест» — тематически и стилистически схожих фрагментов, перекликающихся с Кораном.⁶⁰

Китабы в культуре белорусских татар выступают не только как религиозные тексты, но и как отражение целостного мировоззрения общины, соединяющего исламскую традицию с локальной культурной практикой. Эти рукописи служили средством религиозного воспитания, источником знаний, наставлением и формой передачи культурной памяти. В некоторых рукописях

---

⁵⁹ А.К. Антонович. Указ. соч. С. 16–17.

⁶⁰ Китаб Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар. С. 35–36.

встречаются даже мотивы, близкие к сказочному и эпическому нарративу, что подчёркивает их фольклорный потенциал.⁶¹

Таким образом, китабы представляли собой жанрово открытые сборники, в которых сочетались тексты разных видов и функций: от религиозно-догматических (хадисы, фрагменты Корана, фикх) до дидактических, историко-повествовательных, фольклорных и даже магических (в частности, благопожелания, молитвы, обереги). В одном издании могли соседствовать канонические тексты и сказания, бытовые советы, притчи, рассказы, молитвы и легенды. Это делало китаб не просто «книгой», а своего рода антологией исламской культуры, адаптированной к локальному контексту и нуждам общины.

Вторым типом самых распространённых рукописных текстов были хамаилы — небольшие по формату рукописные книги, служившие индивидуальными молитвенниками и амулетами. Арабский термин «хамаил» (حملة) — это множественное число от حملة буквально означает «то, что носят с собой», напрямую указывает на функциональность. Хамаилы предназначались для повседневного религиозного обихода: в них содержались молитвы, магические формулы, советы на каждый день и заклинания на удачу, здоровье, защиту от врагов и т.д.

Общей особенностью этих рукописей было использование арабской графики для записи текстов не столько на арабском и тюркском, сколько на белорусском и польском языках. Подобные тексты также представляют собой уникальные примеры адаптации арабской письменности к славянской фонетике и морфологии.⁶²

Именно эти два типа — китаб и хамаил — стали вдохновением и структурной матрицей для редакционной концепции журнала «Байрам». Разнообразие тематических блоков — от богословских и исторических

---

⁶¹ А.К. Антонович. Указ. соч. С. 13–15.

⁶² Там же. С. 17–18.

статей до очерков, интервью, материалов о праздниках, рассказов о жизни мусульман в Беларуси, а также поэтических и мемориальных текстов — воспроизводит принцип множественности и межканровости, заложенный в традиционных рукописях. Ключевым же отличием от классического жанра стало то, что журнал не ограничивался исключительно теологическим или культурным дискурсом: он выступал одновременно как хранилище памяти, инструмент идентичности, практическое руководство и форма межкультурного диалога.

Первые же выпуски журнала «Байрам» демонстрируют, как его создатели стремились адаптировать традиционные нарративные и культурные практики к современным медиийным условиям, формируя платформу для артикуляции белорусско-татарской идентичности.⁶³ Характерной чертой стало открытие каждого номера формулой басмалы, что прямо отсыпало к мусульманской книжной традиции и задавало сакральный контекст для дальнейшего чтения, подчеркивая преемственность с рукописной религиозной культурой. Анализ оглавлений и содержания первых номеров позволяет выделить ключевые тематические направления, избранные редакцией для репрезентации прошлого и настоящего общины.

Значительное место уделялось памяти и мемориализации: публиковались статьи об истории и современности белорусских татар, материалы о выдающихся деятелях (включая крымскотатарских и поволжских), а также тексты, посвященные трагическим событиям, таким как депортация крымских татар. Редакция также артикулировала важность культурной преемственности через материалы о необходимости изучения арабской графики. Публиковались списки белорусских татар, погибших в недавних военных конфликтах (в частности, в Афганистане), представляя их в официальном, коммеморативном ключе.

Религиозный блок был представлен переводами сур Корана на белорусский язык, рубриками с заучиванием и переводами хадисов, но и также

---

⁶³ См.: Байрам: татары на зямлі Беларусі. № 1.

разъяснениями базовых исламских понятий, таких как «садака», «иман», что отсылает к базовой функции содержания китабов и хамаилов.

Историко-культурные статьи фокусировались на агиографии и местах расселения белорусских татар (нынешних и прошлых) и специфике местной топонимики. Значительное внимание уделялось литературному наследию и фольклору: публиковались сказки и религиозно-дидактические предания из китабов. Наряду с ними часто воспроизводились народные песни и рецепты национальной кухни, зачастую заимствованные из других татарских культур (казанской, крымскотатарской). Такая редакционная политика, скорее всего, была обусловлена стремлением компенсировать частичную утрату собственных специфических фольклорных и бытовых традиций в результате многовековой языковой и культурной ассимиляции.

Публикуя все эти материалы, редакция «Байрама» стремилась вписать белорусских татар в общий татарский культурный контекст, реконструировать и обогатить собственное культурное поле за счет «общетатарского наследия», тем самым укрепляя чувство принадлежности к «большому татарскому миру». То есть особенностью редакционной политики стало стремление к созданию своего рода «народной энциклопедии», охватывающей различные аспекты религии, истории, фольклора, быта и языка, что перекликалось с полифоническим характером традиционных китабов и хамаилов. При этом использовался механизм сопричастности с исторической памятью и культурой других татарских народов. Редакция стремилась показать общность исторических судеб, особенно в контексте критического отношения к советскому периоду, формируя, таким образом, обобщенное «транстатарское мы».

Языковая политика журнала также отражала стремление к преемственности с мультилингвальной традицией китабов. Основным языком публикаций выступал современный литературный белорусский, однако, в зависимости от тематики, встречались тексты на русском, поволжском татарском, крымскотатарском и арабском языках. Первые

номера содержали дублирование оглавления на нескольких языках, включая арабскую версию, выполненную от руки. Тексты на специфическом белорусско-татарском языке арабской графикой, характерные для китабов, в начальный период отсутствовали, что, вероятнее всего, было связано с практической ориентацией журнала на актуальные коммуникативные потребности общины, призывающий к процессу восстановления навыков письма на арабице.

Несмотря на декларируемую и символически значимую апелляцию к китабам как к структурной и содержательной матрице, журнал «Байрам» в 1990-е годы представлял собой медиа, выходящее за рамки воспроизведения рукописной традиции. Анализ его содержания выявляет сюжеты и формы, не характерные для традиционных китабов или хамаилов, но игравшие ключевую роль в процессах конструирования современной идентичности и работы с исторической памятью белорусских татар.

Прежде всего, имеются в виду редакционные вступительные статьи и предисловия, которые, как правило, открывали каждый номер. Эти тексты, часто написанные основателями журнала, выполняли ориентирующую и идеологическую функцию: в них формулировались цели и задачи издания, артикулировались ключевые проблемы сообщества, задавался национальный нарратив и обозначалась актуальная общественно-политическая повестка.

Другой важной функцией, выходящей за рамки китабной традиции, была публикация официальных документов и обращений. Письма к государственным деятелям, обращения общественных организаций, отчеты о деятельности объединения «Аль-Китаб» превращали журнал в инструмент гражданского участия, лоббирования интересов и документирования институционального становления белорусско-татарской общины в новой политической реальности.

В данной главе определены теоретические основания, связанные с концептами исторической памяти и идентичности, а также проанализирован исторический, культурный и медийный контекст возникновения журнала

«Байрам». На основе обзора ключевых подходов установлено, что историческая память понимается в настоящей работе не как статичное хранилище прошлого, а как динамичный, социально конструируемый процесс интерпретации и репрезентации, который формирует нарративную идентичность индивидов и групп. Этот подход необходим, чтобы анализировать стратегии самоописания малых этноконфессиональных сообществ.

«Байрам» возник как ответ белорусско-татарской общины на трансформации в сфере исторической памяти, религиозной жизни и медийного пространства в СССР и в постсоветской Беларуси конца 1980-х — начала 1990-х годов. В условиях утраты доминирующих идеологических нарративов и ослабления институционального контроля советского государства журнал стал самостоятельной площадкой для артикуляции идентичности, восполнения культурной памяти и конструирования новой национальной традиции, в том числе вдохновляясь китабным жанром. Журнал функционировал как «место памяти» и как инструмент культурного возрождения, демонстрируя, как малые этноконфессиональные сообщества были способны создавать собственные стратегии присутствия в публичном пространстве, интегрируя исламскую, белорусскую и татарскую составляющие в единый проект.

Глава II. Авторы и аудитория, функционирование визуальной структуры журнала «Байрам»

2.1 Аудитория и авторы

В этом параграфе рассматривается, кто составлял основную аудиторию журнала «Байрам», кто были авторы и какие задачи они ставили перед собой. Выясняется, что журнал первоначально был ориентирован на старшее и среднее поколение белорусских татар, стремившихся сохранить историческую память. С изменением общественных условий и редакции журнала отмечаются изменения в редакторской политике и видения татарской идентичности. Отмечается, что журнал возник на волне культурного подъема конца 1980-х годов первоначально как ответ на

возрастающий интерес к своей культуре, одновременно становясь местом выражения идентичности постсоветской белорусско-татарской интеллигенции, которую позже сменила редакция, сформированная Духовным управлением мусульман Беларуси.

Формирование и развитие аудитории журнала «Байрам» напрямую связано с особенностями религиозного и культурного состояния белорусских татар на рубеже 1980–1990-х годов. Секуляризация, политические репрессии и общее ослабление роли религии в советский период привели к тому, что ислам среди белорусских татар сохранился преимущественно в виде бытовых и семейных традиций, а не строгого следования каноническим предписаниям. В этих условиях журнал «Байрам» был ориентирован прежде всего на ту часть сообщества, которая стремилась сохранить и переосмыслить свою идентичность.

Социологические исследования, проведённые в начале 1990-х годов в городах Ивье и Новогрудок Гродненской области, а также в польских поселениях Крушианы и Бохоники, позволили зафиксировать специфический тип религиозной практики — так называемый бытовой ислам. Среди старшего поколения белорусских татар сохранялись достаточно глубокие знания об истории своего народа и о религиозной традиции: 57% респондентов старшего возраста знали историю в общих чертах. Молодёжь (до 30 лет) в значительно меньшей степени владела такими знаниями — только 18% имели представление о происхождении своей общины. Сходные тенденции наблюдались и в отношении соблюдения традиций: подавляющее большинство молодых татар (86,3%) плохо знали или вовсе не знали семейно-бытовые обычай, тогда как среди людей среднего возраста знания сохранялись у 46%, а среди старшего поколения — у 90%.⁶⁴

Основная аудитория журнала «Байрам» на момент его основания

---

⁶⁴ М.С. Мамаразаков. Мусульманская диаспора в Беларуси: проблема культа // Вестник Белорусского государственного университета. Серия 3: История. Философия. Психология. Социология. 1993. № 3. С. 29–35.

состояла преимущественно из представителей старшего и среднего поколения, для которых важными оставались вопросы сохранения исторической памяти, национальной культуры и передачи их молодежи. Именно среднее и старшее поколения белорусских татар выражали острую потребность в информации и стремились к возрождению утраченных элементов самосознания. Для молодёжи, значительно менее осведомлённой о своей истории и традициях, журнал выполнял просветительскую функцию, способствуя формированию интереса к собственному наследию. Из-за ограниченных ресурсов и небольшой численности общины тиражи «Байрама» оставались относительно малыми: первый выпуск журнала вышел тиражом в 500 экземпляров, последующие номера издавались в количестве не более нескольких сотен экземпляров. Это означает, что редакция журнала представляла примерный мотивированный круг читателей, глубоко заинтересованных в сохранении белорусско-татарского наследия.

С 1980-х годов внимание белорусских татар к себе существенно возросло как внутри самой их общины, так и среди представителей белорусской интеллигенции. Это явление было частью более широких процессов на всем постсоветском пространстве, в особенности тех, которые наблюдались среди татарских меньшинств в Польше⁶⁵ и Литве⁶⁶, с которыми белорусских татар связывает общая история. Инициаторами возрождения татарской культуры в Беларуси выступили выходцы из советской интеллигенции. Их отличала светская форма образования, опыт научной и культурной работы в условиях советской системы, а также стремление интегрировать вопросы татарской идентичности в более широкий контекст национального и культурного возрождения Беларуси в целом.

---

⁶⁵ Новый путь польских татар // Всемирный конгресс татар [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://tatar-congress.org/ru/sl/novyy-put-polshikh-tatar/> (дата обращения: 15.04.2025).

⁶⁶ «Мягкая сила» татар: топ-10 самых активных диаспор за границей Бизнес Online [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.business-gazeta.ru/article/436912> (дата обращения: 15.04.2025).

На фоне усиливающегося интереса белорусских татар к собственной истории и культуре группа активистов и исследователей во главе с Ибрагимом Канапацким (1949–2005)⁶⁷ и Якубом Якубовским (1932–1998)⁶⁸ предприняла ряд шагов, направленных на возрождение и укрепление этноконфессиональной идентичности общины. В их число вошли издание журнала «Байрам», проведение ежегодных научных конференций, публикации научных работ о белорусских татарах, активное участие в информационном пространстве посредством статей, интервью и экспертных комментариев в белорусских СМИ. Через подобную деятельность белорусские татары смогли выразить себя в национальном культурном поле Беларуси, сочетая интерес к религиозному наследию с современными формами научного и публичного дискурса.

Важным элементом процессов национального построения, как отмечает один из ведущих теоретиков национализма, автор концепции «воображаемых сообществ» как основы формирования наций Б. Андерсон, является тот факт, что инициаторами большинства европейских национальных движений выступали образованные слои общества, которые сами зачастую не владели в совершенстве «народными» языками, к которым обращались в процессе формирования новых идентичностей. В этих условиях возникала необходимость интерпретировать возвращение к народной культуре не как искусственной реконструкции, а как «пробуждению» — восстановлению, по Андерсону, якобы всегда существовавших в глубинах народного сознания форм самовыражения. Изучение забытых языков,

---

⁶⁷ «Ибрагим Канапацкий: белорусский татарин, которому удалось невозможное» // Наша Ніва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nashaniva.com/ru/155943> (дата обращения: 26.04.2025)

⁶⁸ 90 лет со дня рождения Якубовского Якова Адамовича // Национальный архив Республики Беларусь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://narb.by/ru/%D0%BE%D0%B1-%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%B8%D0%B2%D0%B5/%D0%B2%D1%8B%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2%D0%BA%D0%B8/document-11963.html> (дата обращения: 15.04.2025).

фольклора и традиций воспринималось как естественное открытие собственного прошлого, а не как конструирование новой культурной реальности. В этом контексте язык и культурное наследие приобретали статус глубоко укоренённых символов национальной преемственности.⁶⁹ Древние письменные источники белорусских татар в виде китабов стали использоваться выходцами из советской интеллигенции, которые в конце 1980-х — 1990-х годов стремились реконструировать этноконфессиональную идентичность через обращение к исламскому наследию, национальной письменной традиции и культурной памяти, представляя эти элементы как естественные и аутентичные признаки национального самосознания.

Что касается вопроса языка, то в случае белорусских татар он представляет собой особое явление: язык традиционных рукописных китабов и язык интеллигенции конца XX века фактически один и тот же — славянский (старобелорусский, польский и их позднейшие формы). Идея «возвращения к утраченному языку», столь важная для классических моделей национального возрождения, в белорусско-татарской ситуации выглядит проблематичной: речь идет о возврате грамотности в этой старой графике, так как белорусские татары не ставили вопрос о возвращении к татарским языкам. Очевидной утраты собственного тюркского языка в традиционном понимании здесь не происходило: переход на славянские языковые формы произошёл еще до 1558 г.⁷⁰ и стал неотъемлемой частью этноконфессиональной идентичности белорусских татар. В этом смысле язык белорусских татар не был ни «чисто» славянским, ни «чисто» тюркским, а представлял собой гибридную форму, адаптированную к потребностям религиозного и повседневного общения внутри мусульманского

---

⁶⁹ Б. Андерсон. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. М., 2016. С. 314.

⁷⁰ А.К. Антонович. Указ. соч. С. 11.

меньшинства.⁷¹ Отсюда проблема атрибуции культурного наследия белорусских татар вообще: к какой культурной традиции следует относить их рукописное и литературное наследие? С точки зрения этноконфессиональной принадлежности белорусские татары, безусловно, тюрко-мусульманское сообщество. Однако в лингвистическом, культурном и социальном отношениях они были глубоко интегрированы в белорусскую и польскую культурные среды. Кроме религии, белорусских татар с татарами, например, Крыма или Поволжья, сохранившими родные языки и традиции, практически ничего не связывает.

Важную роль в появлении журнала «Байрам» и культурной автономии белорусских татар сыграл Ибрагим Борисович Канапацкий. Он родился 28 февраля 1949 г. в городском поселке Смиловичи Минской области в семье потомственных белорусских татар — Софии (из рода Ильясевичей) и Бориса Канапацких. Его имя было дано в честь деда, Ибрагима Хосеневича, который в начале XX века служил имамом Смиловичской мечети.⁷²

После окончания Смиловичской средней школы Ибрагим поступил на исторический факультет Минского государственного педагогического института имени М. Горького, который окончил с отличием. Два года он работал школьным учителем истории в Березинском районе, затем поступил в аспирантуру и в 1978 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по истории. На протяжении всей научной карьеры он был связан с Белорусским государственным педагогическим университетом, где преподавал историю Беларуси.⁷³

---

⁷¹ Н. Мириева. Арабизмы как устойчивая часть лексикона белорусских татар (на примере китаба Ибрагима Хосеневича) // Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022. № 2. С. 98.

⁷² Династии исторического факультета // Исторический факультет БГПУ им. М. Танка. 2020. 11 окт. URL: <https://fhist.bspu.by/news/universitet/dinastii-istoricheskogo-fakulteta> (дата обращения: 26.04.2025).

⁷³ З. Канапацкая. Памяти Ибрагима Борисовича Канапацкого // Islam.by. 2019. 2 окт. URL: <https://islam.by/post/pamyati-ibragima-borisovicha-kanapatskogo> (дата обращения: 26.04.2025)

Канапацкий являлся одним из первых исследователей истории белорусских татар в постсоветской Беларуси. В начале 1990-х годов на фоне процесса национального возрождения он активно включился в деятельность по популяризации татарской культуры, религии и самосознания. По его инициативе, как отмечалось, в 1991 г. было создано общественное объединение «Аль-Китаб» (позднее переименованное в «Зикр уль-Китаб»), а затем было основано Мусульманское религиозное объединение в Республике Беларусь, где он занимал пост заместителя председателя муфтията и председателя мусульманской общинны Минска. Канапацкий также внёс вклад в восстановление мечетей в Смиловичах, Слониме, Новогрудке, Видзах, Клецке, Молодечно и других городах Беларуси. В своих трудах Канапацкий подчеркивал особую роль ислама в сохранении этноконфессиональной идентичности белорусских татар.

Канапацкий в 1975 г. женился на Анне Фёдоровне Кохно, уроженке д. Жердь Гомельской области.⁷⁴ Его дочь Зорина продолжила дело своего отца по изучению истории и культуры белорусских татар: в 2005 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Татары в Беларуси и их культура (XIV—XVII века)», в 2005–2023 гг. работала в Белорусском государственном педагогическом университете имени М. Танка, где преподавала историю, религиоведение и арабский язык. Она активно занималась сбором, сохранением и исследованием наследия белорусских татар. Осенью 2023 г. ее задержали за участие в акциях протеста 2020 г. в Беларуси, позже она покинула страну.⁷⁵

---

⁷⁴ 3. Канапацкая. Памяти Ибрагима Борисовича Канапацкого. URL: <https://islam.by/post/pamyati-ibragima-borisovicha-kanapatskogo> (дата обращения: 16.04.2025)

⁷⁵ Белорусский президент А.Г. Лукашенко похвалил за укрепление согласия в стране муфтия Шабановича, чью организацию власти летом закрыли // Express.live. 22.11.2024. URL: <https://express.live/rubrics/obshhestvo/2024/11/22/lukashenko-poxvalil-za-ukreplenie-soglasiya-v-strane-muftiya-shabanovicha-chyu-organizaciyu-vlasti-letom-zakryli> (дата обращения: 27.04.2025).

Особую роль в жизни и деятельности Канапацкого сыграли его длительные и тесные отношения с Якубом Адамовичем Якубовским. Знакомство Якубовского с Канапацким, состоявшееся в 1989 г., стало важным поворотным моментом в их жизни.⁷⁶

Якуб Адамович Якубовский — белорусско-татарский деятель, историк, географ, энциклопедист, один из основателей современного движения белорусских татар. Он родился 20 апреля 1932 г. в д. Комай Поставского района Витебской области в татарской семье. После окончания школы он работал учителем, а затем получил несколько высших образований: в 1955 г. окончил Минский государственный учительский институт имени М. Горького, в 1962 г. — Белорусский государственный университет по специальности «география», в 1982 и 1989 годах — Минский государственный педагогический институт имени М. Горького (история и обществоведение, белорусский язык и литература соответственно). С 1968 г. Якубовский возглавлял редакцию географии, геологии и геофизики издательства «Белорусская советская энциклопедия имени П. Бровки», где принимал участие в создании энциклопедических изданий, включая 12-томную Белорусскую советскую энциклопедию и Энциклопедию природы Беларуси. За вклад в развитие национальной науки и культуры он стал лауреатом Государственной премии БССР.⁷⁷

В конце 1980-х годов Якубовский активно включился в процесс белорусско-татарского национального возрождения. Он стал одним из основателей объединения «Аль-Китаб», а затем создателем и главным редактором квартального журнала «Байрам». Под его редакцией был составлен

---

⁷⁶ Жизненный путь Якуба Адамовича Якубовского // Байрам. Татары на земле Беларуси. URL: <http://bayram-journal.ru/Yakub.htm> (дата обращения: 16.04.2025).

⁷⁷ Национальный архив Республики Беларусь. 90 лет со дня рождения Якубовского Якова Адамовича. URL: <https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-11963.html> (дата обращения: 20.04.2025).

«Энциклопедический справочник для белорусских татар».⁷⁸ Он также выступил как автор гимна белорусских татар «Мы з Іманам жывем на зямлі Беларусі», а также множества статей о белорусско-татарских отношениях, исламской культуре и истории Великого княжества Литовского.⁷⁹ Для понимания позиции Якубовского относительно роли татар в белорусском обществе интересен приписываемый ему ответ на вопрос: «Ну сколько вас, татар? Горстка», на что он с отвешал: «Нас, белорусов, десять миллионов».⁸⁰ Эта реплика иллюстрирует его взгляд на белорусских татар как неотъемлемую часть белорусского народа.

Однако у Канапацкого, Якубовского и их соратников были противники среди самих белорусских татар. Один из них написал большую статью «Татары Белоруссии», которая была опубликована в московской татарской газете. Отмечая, что их, по официальным данным, насчитывается около 12 тысяч, автор пояснял, что из них 3 тысячи, по его выражению, так называемых белорусских татар, а остальные — это потомки тех, кто поселился на землях Беларуси в XX в. Ими были в подавляющем большинстве потомки выходцев из Татарстана, Башкортостана и других частей России, которые, подчеркивал автор с гордостью, сохранили свой родной язык, знание истории, культуры своего народа. Автор статьи сам был из этого большинства, настроенный против автохтонного меньшинства. Вот что он далее писал о тех, кто создал журнал «Байрам»: «В конце 1990-х годов некоторые лидеры

---

⁷⁸ Якубовский Я.А. Слоўнік для энцыклапедыі беларускіх татараў [Электронный ресурс] // Байрам. Татары на земле Беларуси. URL: [http://www.bayram-journal.ru/pdf/Slounik\(Yakub%20Yakubouski,www.bayram-journal.ru\).pdf](http://www.bayram-journal.ru/pdf/Slounik(Yakub%20Yakubouski,www.bayram-journal.ru).pdf) (дата обращения: 26.04.2025)

⁷⁹ Национальный архив Республики Беларусь. 90 лет со дня рождения Якубовского Якова Адамовича. URL: https://narb.by/ru/об_архиве/выставки/document-11963.html (дата обращения: 20.04.2025).

⁸⁰ Новы Час. У Мінску прыйшла вечарына, прысвеченая Якубу Якубоўскаму [Электронный ресурс] // Новы Час. 2023. 14 лістапада. Режим доступа: https://novychas.online/kultura/u_minsku_prajshla_viecaryna_ja (дата обращения: 26.04.2025).

“белорусских татар” (И. Канапацкий, Б. Шабанович, Р. Александрович и др.), когда в Республике Беларусь были созданы правовые условия для возрождения народов ее населяющих, решили увековечить свое шляхтическо-дворянское происхождение и организовали в начале религиозные мусульманские организации, а затем и общественное объединение татар-мусульман “Аль-Китаб”, призывающее к возрождению национального самосознания и национальной культуры. Я, — признавался автор статьи Н.Г. Гайфуллин, — тоже в первые годы посещал собрания “Аль-Китаба” и, как многие, задавал себе вопрос — где же здесь возрождение национального самосознания, национальной культуры? На всех собраниях, если поднимался вопрос об изучении татарского языка, И. Канапацкий, Б. Шабанович, Р. Александрович в один голос заявляли, что им не нужен татарский язык. Тогда возникает вопрос: а для чего вы изучаете на занятиях турецкий язык, как можно говорить о возрождении национальной культуры без знания родного языка?!

В 1997 г. лидеры белорусских татар Канапацкий, Шабанович, Александрович поехали на Второй всемирный конгресс татар в Казань с надеждой, что пребывание на священной булгарской земле, культурном центре татар Казани, общение с учеными поможет им понять необходимость начать настоящую работу по возрождению культурного наследия татар. “Аль-Китаб” стал одним из членов Всемирного конгресса татар. В этом же г. отпраздновали 600-летие проживание татар на землях Беларуси, с приглашением на этот праздник делегации Татарстана.... Были подписаны межгосударственные соглашения, состоялись незабываемые встречи руководства с местными татарами. К сожалению, за 10 лет существования “Аль-Китаба” его президент так и не нашел времени побывать хотя бы на одном заседании исполкома Всемирного конгресса татар, хотя неоднократно приглашался. В 1999 г. организация “Аль-Китаб” закончила свое существование. Все это заставило татар Беларуси, реально желающих своего культурного и национального возрождения, создать в 1998 г. Фонд развития татаро-башкирского духовного наследия “Чишма” и культурный центр

“Хэтэр”».⁸¹

Симпатии автора статьи, как и редакции московской газеты, были на стороне татар и башкир, приехавших в Белоруссию во времена СССР. При этом не только поведение руководителей «Аль-Китаба» и содержание журнала «Байрам» вызывали откровенное недовольство, но и сами немногочисленные коренные белорусские татары, поэтому их этноним в статье намеренно взят в кавычки, чтобы показать пренебрежение к их автохтонности.

Сотрудничество Канапацкого и Якубовского привело к формированию прочного союза двух единомышленников, объединивших усилия в деле культурного и религиозного возрождения белорусских татар. Совместно они разрабатывали планы по восстановлению культурной и духовной жизни в татарских общинах Минска, Минской области и других регионов Беларусь. Их деятельность опиралась на поддержку представителей белорусской интеллигенции и включала установление контактов с татарскими организациями в Москве, Казани, Крыму, Литве и Польше, а также со студентами-мусульманами из арабских стран, обучавшимися в Минске. После смерти Якубовского в 1998 г. Канапацкий продолжал их дело, часто упоминая в разговорах, насколько ему не хватает мудрого совета и поддержки его соратника.⁸²

Таким образом, активное участие в научной жизни и общественной деятельности Канапацкого и Якубовского сыграло, без преувеличения, ключевую роль в формулировании новой этнорелигиозной идентичности белорусских татар в постсоветский период: они помогли татарскому сообществу задуматься над рядом фундаментальных вопросов, которые особенно остро встали перед татарами в постсоветский период, и ответить на

---

⁸¹ Татарские новости (Москва). 2002. № 1.

⁸² «Ибрагим Канапацкий: белорусский татарин, которому удалось невозможное» // Наша Ніва [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nashaniva.com/ru/155943> (дата обращения: 16.04.2025)

них. Во-первых, вопрос о характере их этнической идентичности: кем они являлись — татарами, утратившими тюркский язык, и тем самым отличными от волжских и крымских татар, или белорусами, исповедующими ислам? Или же их идентичность лежит где-то между этими двумя определениями? Во-вторых, существу требовалось переосмыслить свою религиозную идентичность: после долгих десятилетий, когда основным маркером принадлежности считалась этническость, необходимо было решить, какое место ислам занимает в процессе самоопределения.

Со смертью этих первых лидеров движения — Якубовского в 1998 г. и Канапацкого в 2005 г., а также на фоне изменения этнического и демографического состава мусульманского сообщества Беларуси, в котором стали преобладать выходцы из других стран, произошло постепенное смещение приоритетов. В Белорусскую исламскую общину на начало 2000-х годов входили около 30 тыс. мусульман, из которых не больше 10 тысяч были местными и приехавшими сюда татарами.⁸³

Современное самоопределение белорусских татар, как стало проясняться, всё больше опирается на концепцию принадлежности к глобальной мусульманской умме, что дистанцирует их от участия не только в контактах с российскими татарами, но и от белорусских национальных дебатов, характерных для 1990-х годов, т.е. происходит сдвиг в сторону исламской идентичности. Поэтому после Якубовского и Канапацкого произошел заметный спад деятельности по поддержанию татарской культурной специфики.

После смерти Канапацкого роль лидера белорусских татар взял на себя Шабанович, который в 2005 г. был избран муфтием Беларуси. В августе 2008 г. в общероссийской газете Духовного управления Европейской части России, издаваемой в Москве, была опубликована его большая статья, где он,

---

⁸³ Свято место не должно быть пусто // Советская Белоруссия – Беларусь Сегодня. 25 октября 2016 г. URL: <https://www.sb.by/articles/svyato-mesto-ne-dolzhno-byt-pusto.html> (дата обращения: 27.04.2025).

упоминая своего «близкого друга» Канапацкого, который занимался исследованием истории белорусских татар, кратко изложил ее.

Шабанович подчеркнул, что появились они здесь не случайно, а как защитники этой земли, которой «угрожало завоевание Западом». Их поселили в г. Тракае, где проходила граница с владениями крестоносцев, и в других городах и поселениях пограничных тогда литовско-польских земель. Самое первое массовое переселение татар из крымских и ногайских степей произошло при хане Тохтамыше, свергнутом с трона Золотой Орды Тимуром, который и продолжил борьбу с помощью литовцев и татар-переселенцев. Татарские воины переселялись в Литву со своими семьями, получали в пользование лучшие земли. Они отличались крайней степенью преданности литовским князьям и польским королям, среди них никогда не было изменников. Личная охрана польского короля Ягайло состояла целиком из татар. Там, где селились татары, появлялись и мечети. «Так мы сохранили ислам, и, по Воле Всевышнего, ислам сохранил нас», сказал муфтий.

Интерпретация истории белорусских татар, выраженная муфтием Шабановичем, представляет собой результат адаптации исторического нарратива к актуальному идеологическому контексту. Ключевым моментом в данной интерпретации является утверждение, что татары появились на землях Великого княжества Литовского не просто как переселенцы или служилое сословие, а как «защитники» их от «завоевания Западом». Этот тезис представляет собой существенное смещение акцентов по сравнению с нарративами, доминировавшими в 1990-е годы. В такой трактовке земли Польши и Литвы имплицитно или эксплицитно выписываются из категории «своих» или «нейтральных» земель и помещаются в контекст «угрозы с Запада». Появление татар, таким образом, обосновывается не столько их внутренними миграциями в рамках Золотой Орды, сколько их ролью барьера против «враждебного Запада».

Характеризуя отношение соседних народов к татарам, Шабанович констатировал, что до сих пор существуют древние татарские кладбища-

мизары, которые жители и Литвы, и Польши, и Белоруссии «щадят», «не уничтожают». В то же время он указал, что стереотипные представления о монголо-татарском завоевании стали камнем преткновения и сохраняются и в Беларуси.

До 1917 г. на территории Белоруссии, по его данным, было более 40 мечетей, после 1945 г. осталась одна единственная, в поселке Ивье на территории Западной Белоруссии, где отношение к исламу было лояльно, так как в этом регионе насчитывалось самое большое количество мусульманских общин. К 2008 г. были восстановлены и построены в Белоруссии 7 небольших мечетей и несколько домов татарской культуры.

В Минске татары появились в XV в. и основали Татарскую слободу, которая находилась у центрального въезда в город. В 1902 г. в ней построили белокаменную мечеть на деньги общинны, которые собирали более 10 лет. Ее трижды закрывали при советской власти: первый раз в 1937 г., но затем открыли; в 1941 г. вновь была закрыта коммунистами, которые сделали там склад-гастроном. Вскоре началась война с Германией, и когда немцы заняли Минск, то мечеть была возрождена. После 1945 г. мечеть снова была закрыта, в ней были устроены разные клубы. В 1962 г. мечеть и Татарская слобода были разрушены, на их месте был проложен проспект Машерова (ныне проспект Победителей).

По переписи 1999 г., татар в Беларуси насчитывалось 10098. И ассимиляция, по наблюдениям Шабановича, идет полным ходом здесь, но, по его словам, «мы стараемся сопротивляться» ей. С 1989 г., отмечал он, «мы сумели разбудить национальное самосознание. По камешку складываем фундамент возрождение нации. Духовность — ядро любой культуры, залог спасения нации».

Шабанович также применил в своей статье понятие «белорусский ислам». При этом он полагал, что «нельзя стоять в стороне от развития мировой мусульманской уммы. Нужно использовать наработки, брать пример, получать поддержку и морально-нравственную, и, порой,

материальную». Шабанович сообщил, что сдвинулся с мертвой точки вопрос о строительстве новой мечети в Минске. Место для этого было выделено недалеко от уничтоженного в конце 1960-х годов татарского кладбища. Спонсором в этом строительстве стала Саудовская Аравия.⁸⁴ А затем помогла Турция.⁸⁵

Открытие Соборной мечети в Минске состоялось 11 ноября 2016 г. В связи с ее появлением Шабанович заявил в 2017 г., что для мусульман Беларуси открываются новые горизонты, а планы на будущее у Духовного управления серьезные. Он отметил, что «повышенное внимание к нам в настоящее время подразумевает повышенную ответственность, определенные обязанности и трудности».⁸⁶ Одним из пунктов этой программы стало возобновление с 2017 г. издания журнала «Байрам», когда он перешел под управление Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь.

С этого момента журнал стал ежегодным официальным изданием данного объединения. Однако вместе с институционализацией издания сместился и его тематический акцент: теперь в центре внимания журнала оказались преимущественно вопросы и образы, связанные с исламом и татарами вокруг него, тогда как ранее «Байрам» сосредотачивался над осмыслинением культурного наследия белорусских татар и поддержанием связей с белорусским национальным контекстом. Исчезли сюжеты о крымских и поволжских татарах. Новые руководители журнала переосмыслили его характер: из места белорусско-татарского культурного самовыражения в место исламского дискурса.

2.2 Структура визуального оформления

Визуальный анализ представляет собой не просто изучение

---

⁸⁴ Ислам минбэре (Москва). 2008. № 8.

⁸⁵ Турция восстановила в Беларуси мечеть, разрушенную в период СССР // Anadolu Ajansi (AA). URL: <https://www.aa.com.tr/ru/676767> (дата обращения: 02.06.2025).

⁸⁶ Минбар ислама (Москва). 2017. № 3-4.

эстетики, но и важнейший инструмент культурной реконструкции. Обложка — это не нейтральный элемент: она выступает как вход в нарратив. При этом важным становится не столько «раскрытие» скрытых смыслов, сколько понимание визуального языка, знаковой системы, через которую транслируется культурное послание. Обложка участвует в формировании и воспроизведении религиозного, этнического и исторического дискурса. Игнорирование её значения приводит к упрощённому восприятию издания и обедняет представление о культурной среде, которую оно отражает.⁸⁷ Подобно тому как карикатура или плакат в пропагандистском искусстве служат отражением дискурсивных установок советской эпохи, обложка журнала «Байрам» является источником, который визуализирует его идентичность, ценности и культурное самопозиционирование.

Фотография 1. Обложка выпуска 1

⁸⁷ Плакат Советского Востока. 1918–1940: альбом-каталог к выставке (6.09–6.10.2013) М., 2013. С. 5.

журнала «Байрам».

Подзаголовок — «Татары на земле Беларуси» — указывал на национальный, географический и исторический аспекты, важные для позиционирования журнала: этим указанием отражена саморефлексия, выделение себя как национальной общности, находящейся в определённом географическом пространстве.

Сочетание общетюркского религиозного символа с белорусской национальной символикой в одном изображении подчёркивало исламскую автономность общины белорусских татар и одновременно ее неотделимость от общего политического дискурса белорусского общества.

Шрифт оформления названия журнала стилизован под арабскую вязь (стиль «завивания» букв, подражание диакритическим точкам особенно заметны на примере букв «А» и «Й» как в арабском языке и буквы «Р» в форме повернутого полумесяца). Такой стиль «восточной кириллицы» был популярен в печатных изданиях и у других мусульман просоветского пространства, примером чего являются издания 1991 г. в Татарстане (см. фото 2).

Фотография 2. Обложки книг К. Фукса «Казанские татары» и

А. Каримуллина «Татарлар: исемебез һәм җисемебез («Татары: наше имя и сущность»).

Рассматривая символическую составляющую в оформлении обложки первого номера «Байрама», можно установить две цели: первая заключалась в ассоциировании с мусульманской культурой (посредством изображения полумесяца с пятиконечной звездой) и одновременное отнесение к национально-белорусскому контексту (белый мусульманский полумесяц изображается на фоне бело-красно-белого флага (БЧБ флаг⁸⁸)). Еще до распада СССР в 1991 г. этот флаг воспринимался на общественном уровне в белорусском сообществе как общепризнанный национальный символ будущей независимой Беларуси.

В начале каждого номера журнала «Байрам» использована басмалла (араб. بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ) — мусульманской формулы-зачина «Бисмилляхи-рахмани-рахим» (بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِيمِ), что в переводе с арабского означает «С именем Аллаха Милостивого, Милосердного». Данный дискурсивный «инструмент» призван задать определённый «тон» всему журналу, подчёркивая его позиционирование в сфере мусульманского языка, поскольку басмалла традиционно используется в начале религиозно-богословских сочинений (тафсиров, сборников хадисов, правовых трактатов), а также может применяться в светских письменных жанрах мусульманского происхождения.⁸⁹ Сначала басмалла записывалась в белорусской транскрипции («Бісмі Аллагі Ар-Рагмані Ар-Рагім»).

---

⁸⁸ Белорусский бело-красно-белый флаг (БЧБ) изначально был символом провозглашённой в 1918 г. Белорусской Народной Республики, в 1991–1995 гг. являлся государственным флагом Республики Беларусь. Флаг был заменён по итогам референдума 14 мая 1995 года, проведенного в Беларуси. Начиная с рубежа 2000–2010-х годов и особенно после протестных событий (в частности, в 2020 г.), его использование рассматривается властями как акт несогласия с государственным курсом. В официальных документах и заявлениях некоторые варианты данного флага и сопутствующей символики даже квалифицируются как «экстремистские материалы».

⁸⁹ Encyclopaedia of Islam. 2nd Edition. Vol. 1. Leiden, 1960. P. 1084.

Так продолжалось вплоть до № 9–10 (1993 г.), когда вместо белорусской транскрипции впервые появилась басмалла, записанная арабской графикой. В следующем выпуске басмалла впервые представлена в обоих языковых вариантах — белорусской транскрипции и арабском оригинале. Начиная с № 12, белорусская транскрипция вновь заменена арабской записью. С этого выпуска басмалла то появляется, то исчезает с обложки журнала.

В № 13 за 1994 г. арабская басмалла дополняется истиазой⁹⁰ и таслимом.⁹¹ Начиная с № 14, басмалла снова возвращена на свое место, при этом исчезло арабское написание в пользу белорусского написания, как это было до № 9. В № 15 арабское написание снова вытеснило белорусский эквивалент, но уже в № 16 ситуация изменилась в пользу белорусского написания. Это написание сохранилось вплоть до № 24 за 1996 г., когда его снова заменило арабское написание, которое закрепилось в журнале вплоть до № 50 за 2024 г. Данная, казалось бы, незначительная деталь иллюстрирует, как именно редакция журнала «Байрам» меняла приоритеты между локальным мусульмано-белорусским и универсальным исламским измерениями.

Каждая обложка журнала обращена к каким-либо местам памяти, в которых одновременно сосуществовали исламские символы, фольклорные мотивы, элементы исторической памяти и современные коды идентичности. Их изучение с позиций дискурсивного анализа позволяет осмыслить, как знание, религия и культура репрезентируются и транслируются в визуальной форме.

Схожий подход к визуальной презентации символов

---

⁹⁰ Истиаза (араб. إستغاثة — взвывание о помощи) — одна из мусульманских молитв, начинающейся словами «А‘узу билЛахи минаш-шайтанир-раджим» (араб. «Прибегаю к защите Аллаха от проклятого шайтана»).

⁹¹ Таслим (араб. تسلیم — приветствие) — традиционное мусульманское приветствие со словами «Ас-саляму ‘алейкум ва рахматул-Лахи ва баракятух» (араб. «Мир вам, милость Аллаха и Его благословение»).

национальной идентичности в татарских периодических изданиях липок наблюдается в польско-татарском журнале «Rocznik Tatarów Polskich» («Ежегодник польских татар»). Это издание является продолжением «Rocznik Tatarski» («Татарский ежегодник»), которое выходило в 1932–1939 гг. в Польше. Инициатором и издателем возобновленного ежегодника выступил Союз татар Республики Польши. В 1995–2006 гг. были выпущены 11 номеров.

Журнал представляет собой публицистическую платформу для исследований польских и восточноевропейских татар в историческом, культурном, религиозном, лингвистическом и социологическом аспектах. Он адресован как самим татарам, так и исследователям из Польши и других стран, интересующимся татарской проблематикой и отношениями Польши с Востоком, и имеет общие черты с журналом «Байрам».

Его визуальная стратегия на начальном своем этапе также экспериментировала с разными формами национального, государственного и религиозного символизма (см. фото 3).

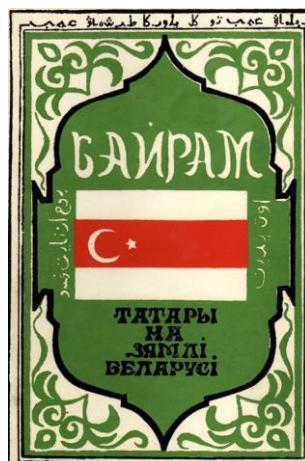

Фотография 3. Обложка журнала

«Rocznik Tatarów Polskich» (1997 г.)

Редакция польского ежегодника, однако, не пошла на синтез символов в одном пространстве, а разделила их: слева — религиозный (полумесяц), справа — государственный (официальный герб Польши), под ними — национальная крымскотатарская тамга династии Гираев, правивших Крымским ханством (хотя липки формировались из разных частей Золотой Орды, а миграция из Крыма относится к более позднему и финальному этапу переселения татар на земли польско-литовского государства).

Дизайн обложек журнала «Байрам» последующих выпусков, вышедших в 1991 г., все больше наполнялся элементами, которые должны были отсылать к «исламским образам». Во-первых, рамка вокруг центрального изображения выполнена была в виде характерного восточного орнамента: декоративные завитки и растительные мотивы, обрамляющие название журнала и государственный (на тот момент) бело-красно-белый флаг с добавленным полумесяцем (который стал очень сильно напоминать турецкий вариант) и звездой, на зелёном фоне, традиционно ассоциирующейся с мусульманской культурой (см. фото 4).

Фотография 4. Обложка выпусков 2–4

журнала «Байрам».

Во-вторых, впервые в 2–4 номерах фиксируется использование арабской вязи. Помимо обновлённой версии стилизованного восточного шрифта названия «Байрам» на обложке появились первые надписи, выполненные арабской вязью. Верхняя чёрная надпись сделана на тюркском языке с использованием арабской графики: «بِلْمَأْعُوبْ تُوكْ بُلُورْ كَاطِرْ شَمَّاقْ عَيْبْ» — «Белмәү гаеп түгел, белергә тырышмау гаеп», что означает: «Не стыдно (буквально «нет вины») не знать, стыдно (буквально «есть вина») не стремиться узнать». Данная татарская народная пословица подчёркивала не столько религиозно нравственный аспект, сколько просветительский характер журнала, что, очевидно, являлось отсылкой к традициям татарского просветительского дискурса.

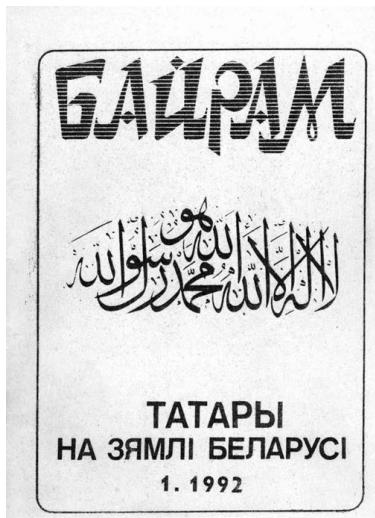
Две белые надписи написаны сверху-вниз справа и слева от флага белорусским языком на арабской графике (т.е. тем самым национальным языком белорусских татар) и переведены как «بُوْح ازْنَابِتْ فَسُوْ» — «Бог знает всё» справа и «اُون بِدِين» — «Он един» слева.

Использование же поволжского тюрки для обложки является примером ориентации на транстатарскую и заимствование дискурсов, поскольку данный язык не является родным для белорусских татар.

Выделенные символы выполняли две функции. С одной стороны, подчёркивалась религиозная составляющая татарской общины, делая акцент на исламской письменной традиции и отсылая к древней национальной письменности, которая являлась одним из мест памяти и одним из краеугольных камней идентичности белорусских татар; с другой стороны, создавалось впечатление тесной связи с широкой с арабо-мусульманской культурной общностью. Такой визуальный код демонстрировал заметный поворот к исламской культуре, но при этом не отменял локальной «национальной» составляющей (представленной символикой белорусского флага). Таким образом, оформление второй обложки не только продолжало заданную первым выпуском идею нацидентичности — сочетания религиозной принадлежности и белорусскости, — но и развивало её,

усиливая визуальные элементы, связанные с исламом и национальными атрибутами, по сути, культивируя новые национальные символы.

В следующем выпуске (№ 5) за 1992 г. произошли значительные изменения: дизайн теперь больше напоминал первоначальный вариант журнала, на обложке усиливалось использование арабской вязи, в центре журнала помещена шахада, выполненная в традиционной арабской каллиграфии, которая заменила место белорусского флага и полумесяца, полностью исчезнувших из дизайна (см. фото 5).

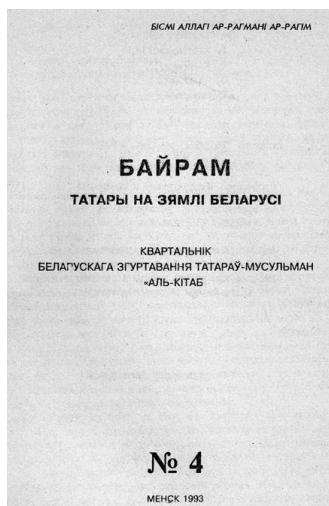
Фотография 5. Обложка выпуска 1 (№ 5)

журнала «Байрам».

Текст на белорусском языке «Татары на земле Беларуси» остался в нижней части обложки, но теперь он выполнен в более сдержанном стиле, что означает, очевидно, стремление к упрощению и одновременно к усилению акцента на религиозной символике, в то же время государственный белорусский символизм ушел из оформления навсегда. В итоге три культурных измерения — татарский, арабо-мусульманский и белорусский языки — постоянно использованы в разных стилях.

Подобный дизайн сохранен и в следующих выпусках, где в каждом номере менялись лишь формы и написание арабской каллиграфии посредине обложки журнала.

Оформление вновь существенно изменилось через 7 выпусков журнала (см. фото 6). Дизайн обложки № 12 за 1993 г. претерпел значительные изменения: наблюдается переход к более универсальному визуальному стилю.

Фотография 6. Обложка выпуска 4 (№ 12)

журнала «Байрам».

Иключение арабской графики, которая была важной частью дизайна, указывает на изменение в эстетической стратегии. В новом оформлении шрифт для текста стал стандартным, а акцент перенесен на использование белорусской транскрипции арабских слов.

Размещение басмаллы в верхней части обложки журнала заслуживает внимания. Эта кораническая фраза, которая традиционно используется как предисловие к религиозным и духовным текстам, написана в белорусской транскрипции, что подчеркивает адаптацию исламской

культуры в контекст белорусской культурной и языковой среды, а также означает стремление интегрировать арабскую традицию в более широкий общественный контекст, ориентируясь на свою специфическую аудиторию.

Введение в оформлении названия объединения «Аль-Китаб» под подзаголовком означает также желание редакции журнала обозначить свою связь с определенной исламской культурной и интеллектуальной традицией.

Таким образом, изменения в дизайне данного журнала отражают переход от сугубо религиозной символики к более нейтральному и универсальному подходу, что связано с изменениями в политическом и культурном контексте того времени.

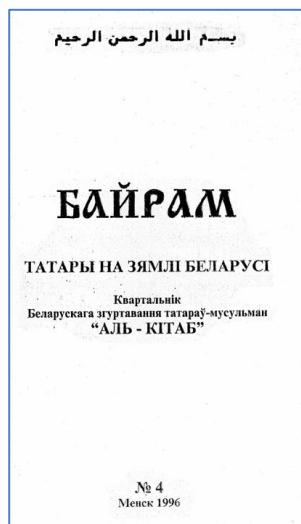
Существенное изменение в оформлении обложки журнала произошло через 3 года, в 1996 г., в выпуске 4 (№ 24), когда басмалла приняла классическую арабскую форму написания, которая больше не будет писаться через белорусскую транслитерацию (см. фото 7).

Другой важной особенностью дизайна названия журнала является использование классического русского антиквенного шрифта в стиле печатных изданий XIX века вместо восточного и классических шрифтов, что также означает отчетливое продвижение в сторону славянской культурной среды.

Вместе с тем, начиная уже со следующего выпуска (№ 25) за 1997 г., в оформлении обложки журнала появляются свои специфические национальные символы. Появившийся на обложке журнала образ улана имел важное значение в конструировании исторической памяти и национальной идентичности белорусских татар (см. фото 8).

Данный образ всадника — элемент системы исторической памяти, в которой пересечены элементы военной истории и идентичности. Их история рассматривалась создателями журнала, как следует из их подхода, с точки зрения их роли как «военной нации» и в контексте служебной исторической «миссии». Об этом достаточно подробно написано в публикациях,

посвящённых липкам, когда описание их истории начиналось с XIV–XV вв., когда первые пришедшие в Восточную Европу татары из Золотой Орды присягали на военную службу польским и литовским князьям. Так, в книге этнографа Л.Н. Черенкова татары описаны в Великом княжестве Литовском как особая социальная группа, выполнившая обязательства по участию в войнах и охране территорий, которые автор называет «татарской службой». По его мнению, татары были военными поселенцами. Они были обязаны при необходимости являться на военную службу, предоставлять свое вооружение и коней.⁹²

Фотография 7. Обложка выпуска 4 (№ 24)

журнала «Байрам».

⁹² Л.Н. Черенков. Из этнической истории литовских татар // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 64–74.

Фотография 8. Обложки выпусков 1 (№ 25) и 3 (№ 27)

журнала «Байрам».

Причины появления татарских поселений на польско-литовских землях были многообразными: одни татары попадали сюда в плен после крупных столкновений с войсками Польши и Великого княжества Литовского, других приглашали сами правители для военной службы; немаловажную роль играли смута в Золотой Орде и последующие междоусобицы татарской знати в Крымском и других ханствах, а также череда удачных набегов татар на литовско-польские территории и ответных походов польско-литовских войск на подвластные татарам земли. Все эти сюжеты детально разбирал Я.Я. Гришин в своей книге, на обложке которой также изображён всадник-липка. Особое внимание он уделяет их военной службе и взаимодействию с властями Великого княжества Литовского: он прослеживает участие татар в военных компаниях, анализирует условия и документы, которые предоставляли им земельные наделы в обмен на ратную службу.⁹³

Уже в первом выпуске журнала «Байрам» Канапацкий при изложении истории происхождения белорусских татар также опирался не на

---

⁹³ Я.Я. Гришин. Указ. соч. С. 5–14.

«живую» коллективную память общины, а на научные труды востоковедов и историков. Он приводил в качестве основного аргумента мнение востоковеда А. Мухлинского, согласно которому формирование татарского населения Великого княжества Литовского происходило за счёт трёх основных потоков: попавших в плен наёмников и воинов Золотой Орды, улусов, а также добровольных переселенцев из западной части Орды и Крыма. Канапацкий также ссылался на данные Я.Ф. Карского, который в своих публикациях указывал на существование отдельных татарских военных анклавов в белорусских городах с начала XIV в.⁹⁴

При анализе редакционной политики журнала «Байрам» в 1990-е годы наблюдается влияние методологических подходов, характерных для советского краеведения и академической историографии. Это проявляется в стремлении редакции опереться при изложении истории белорусских татар не столько на «живую» коллективную память общины, сколько на научно верифицированные данные и труды признанных востоковедов и историков.

Такой подход, надо полагать, был обусловлен как образованием основателей журнала, сформированных советской краеведческой системой, так и стремлением легитимизировать конструируемый исторический нарратив через апелляцию к внешнему научному авторитету, особенно в условиях, когда собственная традиция передачи исторического знания была сильно ослаблена. Методология журнала в этот период включала компенсацию дефицита «живой» памяти обращением к академическим ориенталистским исследованиям, что влияло на характер репрезентируемой исторической памяти.

Мухлинский, как отмечалось, был первым востоковедом в России, который обратился к изучению липок. В своей книге он подчеркивал: «История Великого княжества Литовского в свое время представляет нам необыкновенное событие. Когда вся Европа вооружилась мечом и ненавистью против мусульман, тогда благоразумная политика государей

---

⁹⁴ Байрам: татары на зямлі Беларусі. № 1. С. 5.

литовских с любовью и гостеприимством приглашала в свои владения татар, которые принуждены были от стечения разных обстоятельств оставлять свою родину и добровольно переселялись в Литву. Здесь-то именно мудрая предусмотрительность литовских государей наделяла татар землями, покровительствовала их вере, и впоследствии времени сравняла их с туземными дворянами, избавив от всех почти налогов. Для тогдашней современной эпохи это было большой смелости и ума высшего, крепкого: вот причины, почему великие князья Литовские подвергались со стороны ливонских меченосцев, выставлявших князей как врагов христианства, требуя им мщения... Мы не имеем никаких грамот, пожалованных этим татарам великим князем Витовтом; но, судя по утвержденным правам и привилегиям Александра и Сигизмунда I, видно, что с самого начала, почитая храбрость, мужество и проворность этого народа, они были поселяемы на выделемых им землях не крестьянским образом; но, определяя им немного земли, для умеренного удовлетворения их нужд, возлагали на них за это обязанности, присвоенные для военных, т.е. защищать край и быть готовыми к каждому военному походу».⁹⁵ В его понимании татарские переселенцы представляли как военное сообщество, где их землевладение и привилегии связаны с военной службой. Однако проблема заключается в том, что Мухлинский, не имея достоверных источников, полагал, что статус и положение татар в Литве были определены их «храбростью», «мужеством» и преданностью правительству, т.е. описал их через фокус военной службы правительству, что и создает однобокую ретроспективу, сводя их роль лишь к такой функции.

Таким образом, в раннем нарративе белорусско-татарского самопознания доминировала не передача опыта самих предков, а научно-историческая реконструкция, основанная на данных ученых. Появление татарского всадника на обложке журнале «Байрам» отражает рефлексию своего национального образа через востоковедную оптику изображения липок как традиционно военного этноса.

---

⁹⁵ А.О. Мухлинский. Указ. соч. С. 3, 22.

Подобные символы и реминисценции наблюдаются не только среди автохтонных белорусских татар, но и у близких к ним татар в соседних Польше и Литве. Так, торжественное открытие (с участием президента Польши) польскими татарами памятника татарскому улану в Гданьске (см. фото 9) в 2010 г., приуроченное к 600-летию Грюнвальдской битвы,⁹⁶ представляло собой формирование такого места исторической памяти.

Фотография 9. Памятник татарскому улану в Гданьске.

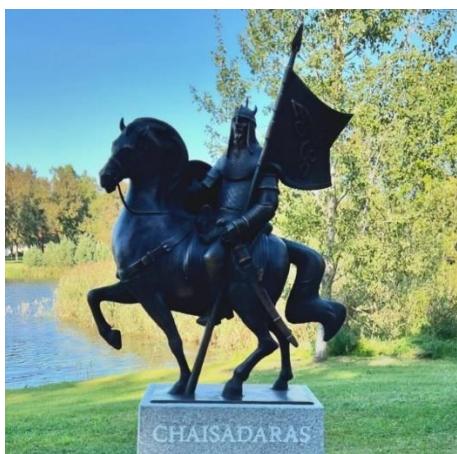
В литовском городе Кайшядорис находится памятник татарскому всаднику по имени Чайсадарас (см. фото 10), усадьба которого находилась недалеко от этого места в XVI веке⁹⁷.

Следующим этапом в эволюции визуального оформления журнала «Байрам» стало обращение его редакции к национальной письменной

⁹⁶ Monument to the Polish Tatar // GAPS – Gdańsk Akademia Przygody. URL: <https://gaps.gda.pl/en/obiekt/monument-to-the-polish-tatar/> (дата обращения: 27.04.2025).

⁹⁷ Recent sculpture that I made of the Tatar warrior named Chaisadaras. His manor was located in Vilnius, in what is now the Užupis district / Artūras Lukoševičius. URL: <https://www.facebook.com/artluko/posts/recent-sculpture-that-i-made-of-the-tatar-warrior-name-chaisadaras-his-manor-was/1104944711007000/> (дата обращения: 27.04.2025).

традиции белорусских татар. Обложка № 2 за 1997 г. почти полностью оформлена текстом, выполненным арабской графикой (см. фото 11). В отличие от предыдущих выпусков, где использовались классические арабские или тюркские надписи, здесь представлен текст на белорусско-татарском языке. Это направление оформительской работы напрямую связано с культурным наследием белорусских татар XVI–XIX вв., когда создавались китабы, хамаилы и другие рукописные памятники на старобелорусском и старопольском языках в арабском письме.

Фотография 10. Памятник татарскому всаднику в Кайшядорисе.

Обложка № 4 за 1997 г., который был посвящён «600-летию поселения татар на землях Беларуси», показывает завершение визуальной эволюции журнала «Байрам». В центре композиции появился новый, концептуально насыщенный элемент — эмблема объединения «Аль-Китаб», под эгидой которого издавался журнал, на фоне купола и минарета Минской соборной мечети. Логотип объединил две ключевые символические составляющие идентичности белорусских татар: изображение мечети с полумесяцами и раскрытую книгу, излучающую свет, на которой на арабском языке написано слово «Аль-Китаб», и ниже оно повторено на кириллице (см. фото 12).

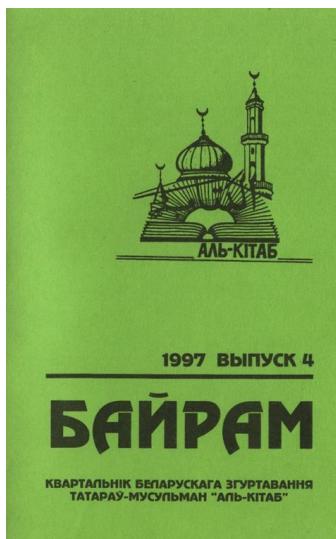
Это графическое решение вновь отсылает к письменной традиции белорусских татар. И данный стиль обложки не изменится во всех следующих выпусках журнала вплоть до смерти Канапацкого. Единственным изменением стала смена надписи: вместо «аль-Китаб» — «Зикр уль Китаб», что связано с юридическим переоформлением культурной организации (исключением стал номер за 2002 г., посвящённый памяти Якубовского, где вместо мечети изображена авторская картина).

Фотография 11. Обложка выпуска 2 (№ 26) за 1997 г.

журнала «Байрам».

После долгого перерыва почти в 15 лет журнал «Байрам» стал вновь издаваться в 2017 г. Новый выпуск ознаменовал собой изменение прежней концепции. Центральным элементом новой обложки стала окрашенная фотография восстановленной Минской соборной мечети с её характерными золотыми куполами и минаретом, где под ней располагается «восточный» орнамент в форме полукруга (см. фото 13). Данный орнамент представляет собой классический исламский геометрический узор (гирих), характерный для художественной традиции мусульманского мира, символизирующий бесконечность божественного порядка и гармонии.

Фотография 12. Обложка выпуска 4 (№ 28) за 1997 г.
журнала «Байрам».

Фотография 13. Обложка № 45 за 2017 г.
журнала «Байрам».

Шрифт для названия использован нейтральный, без какой-либо стилизации под арабскую вязь или национальную орнаментацию. Это оформление значительно отличается от первых выпусков журнала 1990-х годов, где оформление шрифта подчёркивало связь с восточной или белорусско-татарской письменной традицией. Но наиболее показательной деталью нового оформления стало исчезновение с обложки китаба и упоминания о культурной организации «Аль-Китаб», что ранее присутствовало на обложках в качестве напоминания о глубокой связи проекта с традицией белорусско-татарских рукописей (китабов). Упоминание этой организации переместилось в заглавие внутри журнала, а затем вовсе исчезло.

Организация «Зикр уль-Китаб» после смерти своих руководителей перешла под управление муфтия Беларуси А.-Б. Шабановича, которая в 2024 г. была ликвидирована по требования Министерства юстиции Беларуси.

Таким образом, исчезновение символа китаба фактически означает отход от прежней байрамовской модели исторической памяти, когда журнал «Байрам» являлся не только местом мусульманского самовыражения, но и способом сохранения специфического белорусско-татарского культурного наследия. Новое оформление обложки показывает переориентацию редакции журнала: теперь в центр ее внимания выдвинута общая татарско-исламская идентичность, а не национальная специфика белорусских татар. Акцент на реконструкцию памяти через письменную традицию исчез вместе с основателями журнала «Байрам».

Для сравнения: в 2014–2024 гг. польско-татарский ежегодник в качестве визуального символа выбрал образ воина-улана (см. фото 14).

Фотография 14. Обложки журнала

«Rocznik Tatarów Polskich» (2014–2024 гг.)

Этот образ является важным «местом памяти» для польских липок, апеллируя к их военной службе и шляхетскому наследию. Редакция польского ежегодника делает ставку на один, но чрезвычайно узнаваемый и исторически нагруженный символ, который считается наиболее репрезентативным для идентичности польских татар. При этом религиозный аспект (изображение полумесяца), который был в первых выпусках «Байрама», также присутствует (помещен под уланом), не игнорируя широкий мусульманский контекст.

Анализ аудитории, авторского состава, визуальной структуры и функционирования содержания журнала «Байрам» на разных этапах его существования позволяет сделать вывод о его динамичной эволюции как инструмента репрезентации исторической памяти и идентичности белорусских татар.

Изначально, в 1990-е годы, журнал, созданный усилиям

немногочисленной группы национальной интеллигенции (во главе с Канапацким и Якубовским) и ориентированный преимущественно на старшее и среднее поколение, выполнял функцию консолидации общины, реконструкции исторической памяти в условиях постсоветского национального и религиозного возрождения. Это отражалось и в визуальном оформлении: имело место сочетание исламской и белорусской символики, стилизация под арабицу, образ улана-татарина, логотип с китабом.

После смерти основателей журнала «Байрам» и довольно длительного перерыва журнал с 2017 г. оказался в руках представителей официальных религиозных структур (Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь), после чего произошла соответствующая смена состава редакции и частичное смешение акцентов редакционной политики. В визуальном оформлении исчезли отсылки к китабной традиции, акцент сместился на общие исламские символы и главный институт — Минскую соборную мечеть. Цель новой редакции журнала заключалась в том, чтобы его аудитория расширилась, охватывая не только татар, но и всех «мусульман Беларуси» в целом, а также тех, кто интересуется исламом.

Таким образом, «Байрам» трансформировался из журнала, сосредоточенного на этнокультурной идентичности липок и ее возрождении, в издание, которое, сохраняя память об истории белорусских татар, все больше фокусировалось на распространении универсальной исламской идентичности. В итоге из начального оформления журнала, где присутствовали слова «татары на земли Беларуси», «Аль-Китаб», осталось лишь общемусульманское название журнала «Байрам», что показывает, как его идеологи посредством символов исторической памяти адаптировали идентичность в условиях смены поколений и социальных перемен. В рамках родственных групп липок — белорусских и польских — существуют различные стратегии визуальной презентации исторической памяти и подбора «мест памяти» и разное отражение «мусульманского визуального языка».

Глава III. Динамика сюжетов журнала и их функционирования в социальном контексте

3.1 Содержание и функция журнала в 1990-х годах под редакцией И. Канапацкого и Я. Якубовского

В данном параграфе анализируется содержание и функции журнала «Байрам» в его начальный период (1991–1992 гг.) под редакцией И. Канапацкого и Я. Якубовского. На примере 6 выпусков рассматриваются редакционная стратегия, ключевые тематические блоки (историческая память, религия, язык и письменность, национальная культура и фольклор, актуальные события), становящиеся «местами памяти», и их роль в артикуляции коллективной идентичности.

Показано, как через публикацию разнообразных материалов — от статей, задающих национальный нарратив, и перевода фрагментов Корана до уроков арабицы, критики исторических мифов и обращений к власти — журнал функционировал как важнейший инструмент работы с культурной памятью, инструмент консолидации сообщества, конструирования (белорусской, липковской, транстатарской) идентичностей и как площадка для гражданского позиционирования в постсоветском контексте, сознательно воспроизводя при этом полифоническую структуру и символическую функциональность традиционных китабов и хамаилов.

Дебютный выпуск журнала, изданный тиражом в 500 экземпляров, демонстрирует редакционную стратегию, в которой национально-культурный дискурс определяет весь остальной материал, а религиозный компонент выступает в роли поддерживающего, но ещё не доминирующего кода.

Номера журналов 1990-х годов всегда открываются со вступительного слова, сопровождаемого приветствием «Салам алайкум», за которым идет вступительное слово, написанное Якубовским: «На земле высокородного, знающего и трудолюбивого народа белорусов живёт небольшая горстка татар. Их так мало, что в обычных давних переписях их

количество даже не указывается, ведь они составляют всего 0,12% от населения Беларуси. Если же говорить о прошлом, когда татары начали селиться на территории Великого княжества Литовского в конце XIV века, то их было больше. Прошло уже более 600 лет, как мы живём вдали от своей прародины — Поволжья и Крыма, — но мы не утратили своей веры — ислама и своего имени. Иногда среди потомков крымских татар можно встретить пару человек, которые знают татарский язык, но в целом мы его уже не знаем. Мы уже давно говорим на родном белорусском языке, понимаем русский, польский, украинский. А потому мы воспитываем своих детей сознательными и честными гражданами, которые с гордостью называют себя татарами среди любых народов. А что касается изучения татарского языка, то, вероятно, придёт время, когда у нас будет своя татарская школа».⁹⁸

Данный текст представляет собой сжатое самоописания белорусско-татарского национального нарратива, артикулирующего ключевые элементы его коллективной идентичности и исторической памяти, которые присутствуют во всех последующих сюжетах журнала. Акцентируется длительность присутствия на белорусских землях (более 600 лет) и статус автохтонного меньшинства (0,12%), что формирует рамку для дальнейшего нарратива. Центральным моментом выступает сочетание глубокой исторической укорененности и почти полной языковой ассимиляции («мы его уже не знаем», «давно говорим на родном белорусском языке»), с одной стороны, и стойкого сохранения ключевых маркеров этноконфессиональной идентичности — исламской веры и татарского самоназвания — с другой. Эта дилемма «утраты» (языка) и «сохранения» (веры, этнонима) является основой конструируемого образа общины. При этом выражена надежда на возрождение татарского языка через создание национальной школы, несмотря на признание его фактической утраты.

Акцент сделан на интеграции себя как равноправной гражданской

---

⁹⁸ Байрам: татары на зямлі Беларусі. № 1. С. 3.

идентичности и на четко выраженное этническое самосознание и чувство гордости. Одновременно с указанием на современную родину воспроизводится понятие «прародины» — Поволжье и Крым, отсылая к корням прихода первых татар в Восточную Европу с территорией Золотой Орды. Это проявление конструирования идентичности, где принадлежность к белорусской нации не противоречит, а органично сочетается с татарской самоидентификацией. Утверждение о сохранении ислама и этнонима на протяжении шести столетий, несмотря на утрату языка и дисперсное проживание, имплицитно указывает на значимость религии и специфических форм культурной памяти как ключевых механизмов поддержания этноконфессиональной общности и передачи ее ценностей последующим поколениям.

Механизм передачи культурной памяти обрисован во введении, где автор подчеркивает: «С XVI века известны татарские книги, такие как “Аль-Китаб”, написанные на белорусском языке арабской графикой. Мы не были исключением: домашняя литература на татарском языке была в каждой татарской семье. Люди старшего поколения, которые родились в прошлом столетии или в начале этого века, кроме владения арабской графикой и её чтения, также умели писать на арабском. Однако, к сожалению, мы забыли своё письмо, так же, как и татарские рукописные книги — Коран и хамаил. В Западной Беларуси ещё в 1939 г. существовали несколько татарских поселений. В каждом из них были квартальные и полицейские старосты. 70 татар проживали в Восточной Беларуси и 50 — в Западной. Белорусы сделали всё возможное, чтобы татары-мусульмане сохранили свою веру, остались людьми, которые хотят следовать вере своих предков и воспитывать детей в старых уважаемых татарских традициях. Инициативная группа татар из Минского общественно-культурного объединения “Аль-Китаб” при Минском областном отделении Фонда культуры пытается начать выпуск квартального журнала “Байрам”. О чём планируем писать? О истории и событиях, в которых участвовали белорусские татары, об основах Ислама, о современных татарских историях и культуре, о занятиях и ремёслах, о жизни

татар в Татарстане, о крымских, сибирских, астраханских татарах, о наших родных и близких литовских и польских татарах. Также будем публиковать уникальные слова и выражения казанско-татарского и крымско-татарского языков. Несколько страниц отведём для статей о татарской кухне, национальных песнях и танцах».⁹⁹

Ключевым моментом здесь является апелляция к уникальной письменной традиции XVI века — китабам, написанным на белорусском языке арабской графикой. Упоминание об этой традиции и о владении арабским письмом старшими поколениями создает позитивный образ прошлого, когда культурная преемственность еще не была прервана. Констатация забвения этого письма и утраты знания традиционных рукописных книг отражает нарратив культурной травмы или разрыва, который и призвано преодолеть новое издание. Название инициативной группы — «Аль-Китаб» («Книга») — само по себе является символическим актом, отсылающим к этой письменной традиции и подчеркивающим ее центральное значение для формирования идентичности.

Тем самым журнал «Байрам» позиционируется как инструмент реконструкции исторической памяти и консолидации идентичности. Очерченный круг тем — история белорусских татар, основы ислама, современная культура, ремесла, жизнь других татарских групп (включая поволжских, крымских, сибирских, астраханских, а также «родных и близких» литовских и польских), фрагменты языков, кухня, песни, танцы — отражает стремление охватить все многообразие этнокультурного и религиозного опыта, создать своего рода «большую транстатарскую семью». Намерение писать о других татарских сообществах свидетельствует о конструировании не только локальной белорусско-татарской, но и более широкой, транснациональной татарской идентичности, основанной на общности происхождения и религии. Изложена «декларация» о намерениях: журнал заявлен как площадка для артикуляции прошлого, формирования настоящего

---

⁹⁹ Там же.

и проектирования будущего сообщества.

Далее рассмотрим, как данные интенции отражены в самих выпусках журнала, для чего выделены тематические блоки. Первый номер журнала открыт программной статьёй Канапацкого «Белорусские татары: прошлое и современность».¹⁰⁰ В ней очерчена основная парадигма исторической памяти: белорусские татары вписаны в историю Великого княжества Литовского и тем самым легитимированы как автохтонный элемент белорусского исторического ландшафта. Другие тексты — очерк о внутрирегиональной топонимике Беларуси¹⁰¹ и статья «На Нальшанской земле»¹⁰² — разрабатывали ту же «привязку к территории», формируя у читателя образ татар как неотъемлемой части белорусской земли.

Ключевыми маркёрами формируемой идентичности выступили утрата языка и его возрождения вместе с письменностью. Для подчеркивания традиции и важности данного аспекта в журнале воспроизведена статья И. Гаспринского,¹⁰³ формируя один из центральных нарративов общины: потеря тюркского языка компенсируется сохранением религиозного стрежня.¹⁰⁴ Логическим продолжением стала публикация под названием «Буду учиться читать и писать по-арабски», где дан практический урок арабицы.¹⁰⁵ Эта связка статей не только констатировала культурную травму, но и призывала ее преодолевать

Религиозный блок журнала содержит перевод Корана на белорусский (суры «Аль-Фатиха» и суры «Аль-Бакара», аяты 1–58),¹⁰⁶

---

¹⁰⁰ Там же. С. 5–10.

¹⁰¹ Там же. С. 28–30.

¹⁰² Там же. С. 37–38.

¹⁰³ В программной брошюре И. Гаспринского «Русское мусульманство: мысли, заметки и наблюдения мусульманина» (Симферополь, 1881) приводится пример польско-литовских татар, которые утратили тюркскую речь, но сохранили достоинство мусульманина.

¹⁰⁴ Байрам: татары на зямлі Беларусі. № 1. С. 14–15.

¹⁰⁵ Там же. С. 27–28.

¹⁰⁶ Там же. С. 17–24.

рубрики «Запомним хадис»¹⁰⁷ и «Что такое садака?».¹⁰⁸ Данный блок выполнял просветительскую функцию: редакция, зная о низком уровне исламских знаний общины после десятилетий советской секуляризации, ввело «азбуку веры» в максимально доступной форме. При этом исламский дискурс встроен в более широкий культурно-исторический каркас.

Показателен и выбор «внешних» сюжетов. Материалы о крымскотатарской истории и депортации¹⁰⁹, песни крымских татар¹¹⁰ (см. фото 15), рецепт татарской национальной кухни (баурсак, гальма)¹¹¹ расширяют границы идентичности, формируя транстатарское «мы» и подчёркивая общность тюркских мусульман в постсоветском пространстве.

Фотография 15. Фрагменты страницы с песней «Кимнин кызы».

Одновременно статья под названием «Они погибли в

¹⁰⁷ Там же. С. 24–25.

¹⁰⁸ Там же. С. 25–26.

¹⁰⁹ Там же. С. 31–38.

¹¹⁰ Там же. С. 57.

¹¹¹ Там же. С. 60.

Афганистане»,¹¹² посвящённая биографиям белорусских татар, участвовавших в советской интервенции в этой стране, интегрировала татарский нарратив в общебелорусскую (и даже общесоветскую) память о недавней Афганской войне, тем самым демонстрируя лояльность к общим травмам государственной истории, которые активно переосмысливались в 1990-е годы.

Следующие выпуски «Байрама» 2 и 3 (которые вышли вместе тиражом в 300 экземпляров) означали кристаллизацию смысловых акцентов структуры, которая долгое время не изменялась. Журнал открывался традиционным продолжением перевода аятов 59–96 сурь Корана «Аль-Бакара» на белорусский язык,¹¹³ за которым следовали статья с объяснением что такое «иман»¹¹⁴ и рубрика хадисов.¹¹⁵

Историческая память оставалась значимой. Журнал снова обратился к Гаспринскому, публикуя статью «Поклон Исмаилу Мырзы Гаспрали и его Родине». Публикация «Генерал Матей Сулькевич»¹¹⁶ обращена к чтимой у липок фигуре польско-татарского военачальника, тем самым очерчивая общетатарское пространство истории, проходивая мост между крымскими татарами и липками.

Характерно и обрамление общебелорусским травматическим опытом: статья «В день памяти жертв Чернобыльской катастрофы»¹¹⁷

---

¹¹² Там же. С. 26.

¹¹³ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1991. № 2, 3. С. 6–12.

¹¹⁴ Там же. С. 12.

¹¹⁵ Там же. С. 70.

¹¹⁶ Сулькевич Мацей (Матвей) Александрович (20 июня 1865, д. Кемейши, Виленская губ. — 15 июля 1920, Баку) — выходец из белорусских липок, офицер Русской императорской армии (с 1883 г.; генерал-лейтенант с 1915 г.), участник, Русско-японской и Первой мировой войн. После Февраля 1917 г. формировал 1-й Мусульманский корпус; в 1918 г. возглавил Крымское правительство, с марта 1919 г. начальник Генштаба армии Азербайджанской Демократической Республики. Расстрелян большевиками.

¹¹⁷ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1991. № 2, 3. С. 13–15.

демонстрирует стремление редакции вписать общину в коллективную белорусскую скорбь, выйти за пределы «внутренних» этнических тем.

Китабная традиция перешла из иллюстративной сферы в предмет исследовательской рефлексии. В статье Канапацкого «Сохранили ли татары свои священные книги и свою веру?»¹¹⁸ впервые поставлен вопрос о судьбе рукописного наследия как о проблеме коллективной ответственности. Одновременно предпринят практический шаг к языковому возрождению: словарик «Белорусско-крымскотатарских соответствий»¹¹⁹ и символическое включение известного стихотворения казанского поэта Г. Тукая «Родной язык»¹²⁰ поддерживали тему о «забытой речи» и важности национального языка через призму других татарских языков.

Анализ содержания последующих выпусков, в частности номера 4 за 1991 г., изданного тиражом в 300 экземпляров, показывает не только сохранение заявленных в первых номерах тематических линий, но и их существенное углубление и переосмысление. Редакция продолжала выстраивать нарратив, где переплетались религиозное просвещение, историческая рефлексия, культурное наследие и актуальные события, воспроизводя структуру и полифонию традиционного китаба в современном медийном формате.

Блок религиозного просвещения и практики оставался стержневым. Продолжалась публикация перевода Корана на белорусский язык (аяты 97–142 суры «Аль-Бакара»),¹²¹ что подчеркивало миссию журнала по обеспечению доступа к священному тексту на понятном для местной аудитории языке. Введена статья с подробным объяснением азана (призыва на молитву) с арабским текстом, транскрипцией и переводом, а также с комментарием о специфике его применения в белорусско-татарской

---

¹¹⁸ Там же. С. 46–51.

¹¹⁹ Там же. С. 71–76.

¹²⁰ Там же. С. 76.

¹²¹ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1991. № 4. С. 6–11.

традиции через христианский символизм: «Если в мусульманской семье рождается ребёнок, его обязательно нужно “поизнанить” — это своего рода мусульманское крещение». ¹²² Наиболее объемным религиозным материалом стала публикация обширного фрагмента из книги Я. Станкевича¹²³ (1933 г.) о Мирадже (Ночном вознесении Пророка Мухаммеда). Журнал также продолжал выполнять практическую функцию, публикуя календарь мусульманских праздников на 1992–1993 гг.¹²⁴ и нравоучительную притчу об Исе (Иисусе) и мяснике,¹²⁵ заимствованную из крымскотатарского журнала «Къасевет».

В блоке исторической памяти наблюдались «вторжение» и переосмысление нарративов, заявление своих взглядов на историю. Так, статья «По следам одного мифа», посвященной битвам под Могильном¹²⁶ и Койданово,¹²⁷ представляет собой пример критического анализа исторических нарративов. Статья оспаривала традиционные летописные сведения (в частности, из «Хроники Быховца») о победах литовских князей над татарами, рассматривая их как позднейшие мифологические конструкты, созданные для легитимации власти Литвы. Включение такого материала в журнал свидетельствовало о стремлении редакции не просто воспроизводить

---

¹²² Там же. С. 12.

¹²³ Станкевич Ян (1891–1976) — белорусский лингвист, впервые опубликовал транслитерицию кириллицей татарского Китаба Луцкевича.

¹²⁴ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1991. № 4. С. 14.

¹²⁵ Там же. С. 49.

¹²⁶ Сражение, описанное в Хронике Быховца и других белорусско-литовских летописях (сюжет о «Палемоновичах»). По тексту хроники князь Рингольд (отец Миндовга) якобы разбил под д. Могильно на Немане (ныне Гродненская обл.) коалицию киевских, владимирских и друцких князей, усиленную «царёвыми татарами».

¹²⁷ Сюжет помещает сражение неподалёку от нынешнего г. Дзержинска (до 1932 г. — Койданово, Минская обл.) и рассказывает, как Миндовг разгромил татар под предводительством «хана Койдана»; после победы часть побеждённых якобы осела на месте, а само поселение получило имя Койданово. В легенде фигурируют также Данило и Василько Романовичи, что относит событие не позднее 1264 г.

историю, но и участвовать в ее критическом переосмыслении и реформировании, ставя под сомнение устоявшиеся мнения, в том числе касающиеся роли татар в истории края.

Статья «Генеалогия рода Царевичей Острынских»¹²⁸ подробно прослеживала историю одного из знатнейших татарских родов Великого княжества Литовского, возводя его корни к Тимуру (Тамерлану) и известным фигурам Золотой Орды (Эдигею). Этот материал актуализировал память об аристократическом прошлом части белорусских татар, вписывая их историю в широкий контекст евразийской истории и подчеркивая их высокий наследственный социальный статус в Литве.

Статья «Имена и фамилии»¹²⁹ анализировала эволюцию антропонимии белорусских татар, показывая механизмы языковой ассимиляции, сохранения исламских и тюркских имен, адаптации их к славянской среде и возникновение гибридных форм. Это прямое обращение к языку как маркеру идентичности и инструменту культурной памяти. Статья «Тюркизмы в английском языке»¹³⁰ расширяла контекст, демонстрируя влияние тюркских языков на европейские, косвенно подчеркивая значимость тюркского мира в глобальной истории. Продолжалась публикация «Белорусско-крымскотатарского словаря»¹³¹, что являлось практическим шагом к укреплению восприятия межтатарских языковых связей.

Также продолжалась мемориализация значимых фигур, связывающих татарскую и белорусскую культуры. Обширный блок материалов был посвящен 70-летию Степана Александровича — белорусского литературоведа и писателя с татарскими корнями. Опубликованы его биография, воспоминания коллег и учеников,¹³²

---

¹²⁸ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1991. № 4. С. 28–31.

¹²⁹ Там же. С. 25–27.

¹³⁰ Там же. С. 32–36.

¹³¹ Там же. С. 59–62.

¹³² Там же. С. 13.

подчёркивающие его вклад в белорусскую культуру и связь с татарским наследием. Это один из примеров конструирования пантеона национальных «героев», символизирующих гармоничное сосуществование двух аспектов — «белорусского» и «татарского».

Журнал также продолжал фиксировать актуальные события и проблемы. Во вступительном слове выражалась позитивная реакция на распад СССР, оценивая его так: «В последнее время происходит событие мирового значения — распад Союза Советских Социалистических Республик, построенного на месте России — “тюрьмы народов” (по определению В.И. Ленина) и много лет служившего оплотом огромного лагеря, ограждённого колючей проволокой на тысячи километров. Теперь всем, в том числе мусульманам, стало жить свободнее. Великая благодарность Аллаху за то, что он не допустил ввода войск на многочисленные митинги, ознаменовавшие распад Союза, а направил солдат к мирному труду на родине...». В номере также сообщалось о визите эстонского имама и планах по созданию международной организации татар Беларуси, Литвы и Польши.¹³³

Публиковались стихи современного литовско-татарского поэта А. Якубаускаса, переведенные на польский и русский языки,¹³⁴ отражающие темы памяти, идентичности и ностальгии. Этот шаг свидетельствовал о стремлении редакции конструировать и поддерживать не только локальную, но и более широкую, транснациональную идентичность липок — потомков татар Великого княжества Литовского, разделенных ныне государственными границами Беларуси, Литвы и Польши. Публикация литовского автора подчеркивала общность исторической судьбы и культурной памяти этих сообществ. Языковой аспект выбор публикации также показателен. Это отражает лингвистическую историю липок, для части которых польский язык долгое время был важным элементом культуры и письменности, а русский язык являлся распространенным в постсоветском пространстве, обеспечивая

---

¹³³ Там же. С. 3–4.

¹³⁴ Там же. С. 51–57.

доступность контента для белорусской аудитории.

Выпуск 4 отчетливо демонстрировал стремление редакции следовать модели китаба. Сочетание Корана, исламских легенд (Мирадж), практических религиозных сведений (азан, мусульманский календарь), критической историографии, генеалогии, лингвистических заметок, словаря, биографических очерков, современной поэзии, статистики и актуальной публицистики создавало ту самую полифонию и жанровую гетерогенность, которая была характерна для традиционных рукописных сборников, являющихся отражением окружавшей действительности и необходимых знаний для лиц.

Выпуск 5, вышедший в начале 1992 г. тиражом 200 экземпляров (что заметно меньше предыдущего), был издан за счет Минского областного отделения Фонда культуры Беларусь. Журнал продолжал развивать ключевые направления, заложенные в 1991 г., но с некоторыми важными смещениями акцентов и добавлением новых тем, отражающих изменившуюся политическую и социальную реальность после официального распада СССР и обретения Беларусью независимости.

Как и прежде, религиозный блок занимал центральное место. Продолжалась систематическая публикация перевода Корана на белорусский язык (аяты 143–195 суры «Аль-Бакара»¹³⁵), обеспечивая последовательное знакомство аудитории со священным текстом. Новым и значительным элементом стало начало публикации подробного жизнеописания Пророка Мухаммеда («Мухамед — посланник Аллаха»),¹³⁶ основанного на трудах классического исламского историка Ат-Табари. Этот многостраничный материал выходил за рамки кратких нравоучительных историй и представлял собой попытку дать читателю систематизированное знание об основателе ислама, его личности, миссии и ключевых событиях его жизни (начало откровений, переселение в Медину, создание общины, первые битвы).

---

¹³⁵ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1992. № 1 (5). С. 5–12.

¹³⁶ Там же. С. 12–16.

Включение такого объемного и авторитетного (с точки зрения исламской традиции) текста свидетельствовало об углублении религиозно-просветительской миссии журнала.

Исторический нарратив памяти в этом выпуске стал еще более многоглавым. Включена статья, посвященная истории Золотой Орды («Золотая Орда — Дешт-и-Кипчак¹³⁷»), подготовленная Канапацким.¹³⁸ Это обращение к истокам, к тому государству, из которого предки белорусских татар пришли на земли Литвы, призвано было укоренить идентичность в более древней и масштабной евразийской истории. Следом помещен материал о взаимоотношениях Великого княжества Литовского и Золотой Орды,¹³⁹ непосредственно связывающий «большую» историю Орды с локальным контекстом появления татар в Беларуси и Литве. Рассматривались ключевые события и фигуры (Витовт¹⁴⁰, Тохтамыш¹⁴¹, битва на Ворске¹⁴², битва под Синими Водами¹⁴³), формирующие канон

---

¹³⁷ Дешт-и-Кипчак (перс. دشت قپچاق — «Кипчакская степь», также Половецкая степь, Кумания) — историческое название огромной полосы Евразийской степи от нижнего Дуная и Крыма до Иртыша и озера Балхаш, заселённой в XI—XIII вв. союзом тюркских племён кипчаков-куманов; в восточных источниках впервые фиксируется у персидского поэта Насира-и Хосрова (XI в.). После монгольского завоевания территория вошла в состав Золотой Орды и стала ядром «кипчакского мира», откуда татары Золотоордынского и позднейшего времени проникали в Литву и Беларусь.

¹³⁸ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1992. № 1 (5). С. 17–18.

¹³⁹ Там же. С. 19–23.

¹⁴⁰ Витовт (ок. 1350–1430) — великий князь литовский (правил 4 августа 1392 г. — 27 октября 1430 г.), ключевая фигура в расширении Великого княжества Литовского, покровитель липок в Литве.

¹⁴¹ Тохтамыш (ок. 1342–1406) — хан Золотой Орды ($\approx$ 1378/1380–1395), после поражения от Тамерлана (1395 г.) искал поддержки у Витовта.

¹⁴² Битва на Ворске (12 августа 1399 г.) — сражение у р. Ворска между объединёнными войсками Витовта и Тохтамыша и армией Золотой Орды под командованием Тёмура Кутлуга и Едигея; победа Орды, остановившая продвижение литовцев к Чёрному морю.

¹⁴³ Битва под Синими Водами (осень 1362 / 1363) — бой на р. Синюха (приток Южного Буга) между войском князя Ольгерда и татарами

исторической памяти общин о своем приходе на эти земли и о взаимодействии с местными правителями.

Происходило дальнейшее осмысление этногенеза: была опубликована обширная статья известного белорусского историка А.П. Грицкевича «Из истории поселений татар в Беларуси».¹⁴⁴ Этот текст, основанный на архивных данных и научной литературе, предлагал академический взгляд на процессы расселения, социальной структуры, военной службы, ассимиляции и сохранения идентичности белорусских татар в XIV–XX вв.

Продолжалась работа с наследием исследователей белорусских татар. Большой блок¹⁴⁵ был посвящен Мухлинскому, пионеру изучения литовских и белорусских татар в составе Российской империи. Сообщалось о его жизни, научной деятельности, путешествиях, вкладе в сбор фольклора и рукописей (китабов), а также о трудностях, с которыми он сталкивался. Эта публикация — не просто дань уважения ученому, но и рефлексия над тем, как формировалось знание о белорусских татарах, как их воспринимали извне, как важно сохранять и изучать собственное научное и культурное наследие.

Продолжалась привязка истории к конкретным «местам памяти» и личностям: публиковалась статья¹⁴⁶ о строительстве мечети в Мире¹⁴⁷ с публикацией текста оригинального документа 1809 г. Статья о татарской семье из г. Клецка в Минской области,¹⁴⁸ где через биографию местного жителя Ибрагима Ждановича реконструировалась повседневная жизнь,

---

отрядами Золотой Орды; победа Литвы обеспечила ей контроль над Киевщиной и Подольем, что создало предпосылки для дальнейшего появления липок на службе у литовских князей.

¹⁴⁴ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1992. № 1 (5). С. 25–33.

¹⁴⁵ Там же. С. 37–42.

¹⁴⁶ Там же. С. 43–44.

¹⁴⁷ Посёлок Мир известен с 1395 года; он входил в Новогрудское воеводство Великого княжества Литовского.

¹⁴⁸ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1992. № 1 (5). С. 50–53.

традиции, участие в исторических событиях (войны, революция) на микроуровне конкретной семьи. Материал «Из нашей истории»¹⁴⁹ о татарских названиях улиц и мест в Минске (Татарская площадь, Татарский городок, Мало-Татарская улица и др.), дополненный схематическим планом Минска 1888 г., буквально картографировал татарское присутствие в столице, делая его видимым и исторически обоснованным. Статья «О том, кто заботится о национальном возрождении»¹⁵⁰ была посвящена Али Селиметову, активисту крымскотатарского движения, проживавшему в Минске, его борьбе за реабилитацию и возвращение народа на родину. Этот материал вновь подчеркивала транстатарскую солидарность и общность травматического опыта в XX веке.

Появился написанный от руки дидактический раздел, посвящённый непосредственно изучению и практике белорусско-татарского языка, с алфавитом и подстрочным переводом текста из хамаила¹⁵¹ (см. фото 16). Данный блок посвящён специфике арабского письма в религиозных книгах белорусских татар с подробными таблицами арабского алфавита, объяснением его адаптации к славянским языкам и примерами написания слов. Это прямое обращение к письменной традиции и попытка ее популяризации.

Журнал также весьма активно и оперативно реагировал на проблемы современности: публиковалось, например, «Обращение к общественности и государственным органам Республики Беларусь»,¹⁵² подписанное Координационным советом Белорусского объединения военнослужащих.

---

¹⁴⁹ Там же. С. 35–36.

¹⁵⁰ Там же. С. 54–55.

¹⁵¹ Там же. С. 46–49.

¹⁵² Там же. С. 4.

Арабскі спарвіт				Таблица		
№	На писанні літар	Літера	Групінні у словінс- ковых	Групінні у словінс- ковых	Групінні у словінс- ковых	
%	у канды- слова	у сло- ві	у пішан- ні	у сло- ві	у сло- ві	
1	ك	ک	ك	ک	ک	ک
2	ل	ل	ل	ل	ل	ل
3	ب	ب	ب	ب	ب	ب
4	ت	ت	ت	ت	ت	ت
5	ث	ث	ث	ث	ث	ث
6	ح	ح	ح	ح	ح	ح
7	خ	خ	خ	خ	خ	خ
8	ذ	ذ	ذ	ذ	ذ	ذ
9	ز	ز	ز	ز	ز	ز
10	س	س	س	س	س	س
11	ش	ش	ش	ش	ش	ش
12	ص	ص	ص	ص	ص	ص
13	ض	ض	ض	ض	ض	ض
14	ط	ط	ط	ط	ط	ط
15	ظ	ظ	ظ	ظ	ظ	ظ

Фотография 16. Фрагменты страниц с алфавитом и адаптированной для изучения языка молитвой из белорусско-татарского хамаила.

В этом обращении выражена озабоченность политической напряженностью, угрозой гражданской войны на постсоветском пространстве и содержался призыв к защите независимости, демократии и стабильности Беларуси, к единству: «Настало очень тревожное время. Хотя в нашей Республике Беларусь, хвала Аллаху, спокойно, у соседей льется человеческая кровь. Руководство объединения татар-мусульман Беларуси “Аль-Китаб” вместе с различными партиями и общественными организациями подписало Антикризисное соглашение, но всё же мы публикуем в нашем квартальнике “Обращение к общественным и государственным органам Республики Беларусь”. Лишь когда эти слова дойдут до сердца каждого читателя, мы осознаем опасность, грозящую нашей Родине, и сделаем всё возможное, чтобы не допустить худшего»¹⁵³.

Упоминание «очень тревожного времени», «льющеся крови у соседей» и опасности, «грозящей нашей Родине», четко позиционировало членов редакции как патриотов, озабоченных судьбой своего нового, суверенного государства, являлось ключевым актом артикуляции

¹⁵³ Там же. С. 3.

гражданской, белорусской идентичности татарского сообщества этой страны.

Включение такого текста показывало стремление татарского сообщества и редакции журнала выразить свою гражданскую позицию и солидарность с новым белорусским государством и отражало вовлеченность данного сообщества в его политическую повестку.

В редакционном письме, адресованном «Татарскому общественному центру» в Казани, содержалось поздравление народа Татарстана с «демократическим волеизъявлением о восстановлении государственности» и подводились итоги прошедшего года работы общины «Аль-Китаб», где также сообщалось о праздновании Рамазан-Байрама в Минске с участием представителей различных конфессий и дипломатов, о планах подготовки к отмечанию 600-летия поселения татар на землях Великого княжества Литовского: «Татары, проживающие в этих трёх государствах, имеют общие исторические корни: почти у каждой татарской семьи в Беларуси есть близкие или дальние родственники в Литве и Польше, связи с ними поддерживаются постоянно. На съезде представителей татар трёх стран, состоявшемся в Минске в январе 1992 г., было избрано руководство и определено место регистрации — Вильнюс. Ближайшая важнейшая задача уммы — подготовка к празднованию 600-летия поселения татар на землях Великого княжества Литовского».

Подчеркивание общих исторических корней, постоянных родственных связей между татарами трех соседних стран, а также упоминание о съезде представителей в Минске с избранием руководства и регистрацией в Вильнюсе — все это свидетельствовало о целенаправленных усилиях по формированию особой липковской «уммы», объединенной наследием Великого княжества Литовского.

В письме, адресованном «Татарскому общественному центру» в Казани, раскрывалась стратегия конструирования идентичности, проводимая основателями журнала. Факт обращения в Казань и поздравление Татарстана

с «восстановлением государственности» также свидетельствовали о стремлении редакции вписать белорусских татар в более широкий транстатарский контекст. В условиях распада СССР и активизации национальных движений установление связей и выражение солидарности с другими татарскими центрами (в Крыму и Казани) были шагом для артикуляции своей принадлежности к большому татарскому миру и давней прародины.

Таким образом, данное письмо выражало ту национальную идентичность, которую тогда стремился артикулировать журнал «Байрам». Она включала в себя лояльность белорусскому контексту (через деятельность «Аль-Китаб» в Минске, упоминание межконфессионального празднования) и конструирование уникальной транснациональной идентичности липок (Беларусь-Литва-Польша), основанной на общем историческом прошлом, и поддержание связей с более широким татарским миром (Казань, Крым).

В публикуемом письме татарской общины г. Новогрудка председателю Верховного Совета Беларуси С. Шушкевичу содержалась просьба о помощи в восстановлении исторической мечети: «В начале 1950-х годов в нашем городе — Новогрудке — местные власти отобрали у татар-мусульман мечеть и переделали её под квартиры. Мечеть была построена нашими предками и служила для верующих мусульман святыней и молитвенным домом. Этот священный храм коммунисты-безбожники, городские начальники, осквернили: прорубили в стенах новые окна и двери, михраб уничтожили, а вокруг здания понастроили тамбуров, пристроек, сараев и уборных — кто что захотел...».¹⁵⁴

Текст письма вобрал в себя несколько ключевых аспектов исторической памяти: во-первых, он восстанавливал нарратив о конкретном акте несправедливости советского периода — конфискации и осквернении мечети в Новогрудке в 1950-х годах. Во-вторых, мечеть позиционировалась как центральное «место памяти» («построена нашими предками»,

---

¹⁵⁴ Там же. С. 45.

«святыня»), символизирующее преемственность и религиозную идентичность общины. В-третьих, нарратив письма основан на четком противопоставлении: «мы» (верующие татары-мусульмане, предки) и «они» («местные власти», «коммунисты-безбожники», «городские начальники»), виновные в «осквернении священного» пространства. Такое идеологическое обрамление вписывало локальную историю новогрудской мечети в более широкий антисоветский и антиатеистический дискурс, характерный для эпохи перестройки и начала 1990-х годов. Само описание физического осквернения («прорубили окна», «уничтожили михраб», «понастроили сараев и уборных») служило для усиления чувства утраты и поругания святыни, подчеркивая моральное право общины на ее восстановление.

Блок культуры и фольклора также сохранялся. Продолжалась публикация белорусско-крымскотатарского словаря и крымскотатарских пословиц.¹⁵⁵ Во-первых, это была попытка лингвистической и фольклорной реконструкции и реабилитации элементов тюркского наследия. Во-вторых, обращение именно к крымскотатарскому материалу вновь подчеркивало конструирование транснациональной татарской идентичности, установление символических связей с другими группами татар, с сохранившимися тюркскими языками и фольклором, что служило компенсаторной стратегией в условиях собственной языковой ассимиляции.

Статья «Неизвестное об известном» посвящена легенде о происхождении краковского хейнала, связывающей его с ордынским нашествием, которое влияло на пересечение разных для национальных нарративов мест памяти. В заметке, перепечатанной из книги Ф.З. Верэмая «Польша сегодня и завтра» (1979 г.), пересказана история краковского хейнала — знаменитого трубного сигнала, который обрывается на полуслове: по поздней городской легенде трубача в 1241 г. пронзила стрела ордынцев, когда он подавал тревогу, тогда как сами специалисты относили начало

---

¹⁵⁵ Там же. С. 61–65.

хейнала к XII в. и связывали его вовсе не с татарами, а с судьбой Мариацкого костёла и легендой о двух братьях-каменщиках, один из которых из зависти убил другого, построившего более высокую башню, а затем покончил с собой; выставленный после этого «нож братоубийцы» и разная высота башен служили нравоучительным символом для краковцев.¹⁵⁶ Главное назначение данного сюжета в журнале состоит в том, чтобы поставить под сомнение укоренившийся в культуре стереотипный и негативный образ «татарина-захватчика». Оспаривание негативных стереотипов и попытка «снятия исторических противоречий» важны для построения позитивной картины многовекового сосуществования липок в польском и белорусском обществе. Демонстрируя несостоятельность мифа о «татарской стреле», редакция журнала способствовала формированию образа татар не как вечных «чужих» или агрессоров, а как интегральной части местной истории.

Публикуемая легенда из татарской деревни Студзянки (Польша) отражала местные предания и моральные установки.¹⁵⁷ Цель таких материалов — подчеркнуть не только историческую, но и культурную общность татар по обе стороны современной белорусско-польской границы, укрепляя транснациональную липковскую идентичность. Легенды, отражающие «местные предания и моральные установки», являлись важным каналом передачи ценностей и самоописания группы, дополняя официальную историю или религиозные тексты.

Печатались с этой же целью авторские стихи «Беларуские татары» и «На татарском Байраме»,¹⁵⁸ посвященные национальной тематике. Публикации «казанскотатарской» песни «Сагыну»¹⁵⁹ и рецептов татарской кухни¹⁶⁰ продолжали транстатарский аспект. Как и в случае с крымскотатарским фольклором, это был символический жест,

---

¹⁵⁶ Там же. С. 24–25.

¹⁵⁷ Там же. С. 59–61.

¹⁵⁸ Там же. С. 57–58.

¹⁵⁹ Там же. С. 66.

¹⁶⁰ Там же. С. 67.

демонстрировавший принадлежность к более широкому татарскому миру через общие культурные маркеры (музыка, кулинария). В условиях утраты собственного языка и многих специфических традиций, обращение к культурному наследию других татарских групп (казанских, крымских) являлось важным ресурсом для поддержания чувства общности и культурной преемственности, а также демонстрацией культурного богатства татарского мира в целом.

Выпуск 2 от 1992 г., напечатанный тиражом 300 экземпляров в Гродно, в отличие от предыдущих минских, и профинансированный частным лицом («мусульманином из города Гродно Юрием Крыницким»), указывал на смену места печати и источника финансирования, что означало организационные изменения и финансовые трудности, из-за чего тираж журнала падал.

Данный номер сохранял основные тематические направления, при этом показывал дальнейшее углубление в религиозно-образовательную и историческую тематику, а также более активное включение материалов, направленных на практическое возрождение исламских знаний и арабской грамотности. Продолжалась публикация перевода Корана (суры «Аль-Бакара», аятов 196–234).¹⁶¹ Статья Канапацкого «Ид аль-Адха (Курбан-Байрам)» представляла объемную статью, посвященную этому важнейшему празднику. Статья не только объясняла его богословское значение, но и подробно описывала ритуалы и традиции, связанные с празднованием у белорусских татар: молитвы, посещение кладбищ, благотворительность, правила совершения жертвоприношения (курбана).

В номере появился раздел, содержащий просьбы читателей журнала. Редакция отмечала: «Мустафа из Смолевичей попросил напечатать на страницах журнала некоторые хадисы (изречения Мухаммеда), приведённые в книге Д.Э. Еремеева “Ислам. Образ жизни и стиль мышления” (Москва, 1990). Мы считаем, что это может быть полезно и другим мусульманам для

---

¹⁶¹ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 1992. № 2 (6). С. 45.

обучения чтению, правильного произношения и точного выражения фраз...». В этом разделе публиковались образцы арабской каллиграфии с переводами на белорусский язык известных исламских изречений, аятов из Корана, клятв, молитв и др.¹⁶²

Далее в номер была введена большая рубрика, представляющая собой перепечатку «Практического учебника начального чтения по арабски», составленного в Вильно в 1937 г.¹⁶³ Это означало прямое обращение к наследию довоенного периода, и акцент был сделан на необходимости возрождения арабской грамотности для чтения Корана и национального наследия. Сюжет включал подробное объяснение арабского алфавита, гласных и согласных звуков, правил чтения, примеры слов и фраз. Далее следовала подборка основных исламских формул (шахада, слова Единобожия, против неверия, покаяния), выбранных молитв и аятов из Корана (включая «Аль-Фатиху», короткие суры из последнего джузза, Аят аль-Курси, последние аяты «Аль-Бакары», дуа Кунут, Аттахият, салават), а также названия и время пяти ежедневных молитв. Этот блок превращал журнал в своего рода хамаил или базовый молитвенник и учебное пособие.

Исторический блок продолжал играть важную роль, расширяя географические и хронологические рамки идентичности липок. Статья Канапацкого «Крымское ханство» представляла собой обширный очерк его истории, охватывающий его возникновение и до присоединения к Российской империи. Рассмотрены его территория, политическое устройство, экономика, социальная структура, культура, правовая система, религия.¹⁶⁴ Особое внимание уделено взаимоотношениям ханства и Великого княжества Литовского, Речью Посполитой, включая периоды союзов и конфликтов. Это не только расширяло знания читателей о другом важном центре татарской государственности, но и подчеркивало исторические связи

---

¹⁶² Там же. С. 16–18.

¹⁶³ Там же. С. 20–41.

¹⁶⁴ Там же. С. 43–58.

между крымскими и белорусско-литовскими татарами.

Публиковались мемориальные материалы, к примеру, статья о судьбе Минской мечети,¹⁶⁵ отражающая актуальную для общины проблему восстановления утраченного религиозного центра. Статья А. Дрозда о Познаньской мечети и татарах¹⁶⁶ и биографический очерк А. Миськовича о муфтии Речи Посполитой Я. Шинкевиче¹⁶⁷ актуализировали память о религиозных лидерах прошлого и укрепляли связи с польскими татарами, показывая общность истории и современных задач.

Другой раздел, посвящённый личной памяти и повседневной истории, содержит рассказ-воспоминание Багдановича «Расскажу о своей родине»¹⁶⁸ о его малой родине (Смиловичах). Такие материалы продолжали линию соединения «большой» истории с личным опытом, описывая довоенную жизнь, традиции, разрушение мечети, войну и партизанское движение.

Редакция журнала продолжала информировать о текущих событиях и планах. Вступительная статья сообщала о жизни автономии, регистрации мусульманских общин, создании исламского мухтасибата в Гродно с планами распространить его деятельность на всю Беларусь, контактах с муфтиями соседних стран, подготовке к 600-летию поселения татар, не забывая при этом упомянуть татар за пределами Беларуси: «А теперь несколько слов о наших родственных братьях — крымских и казанских татарах. Во второй половине июня крымские татары проводят научную конференцию о переходе крымскотатарской письменности на латинскую графику. Приглашаются участники конференции и наши татары. В Татарстане с 20 июня пройдут торжества, научные конференции и другие мероприятия в связи с объявлением и конституционным утверждением государственной

---

¹⁶⁵ Там же. С. 59.

¹⁶⁶ Там же. С. 59–60.

¹⁶⁷ Там же. С. 63–65.

¹⁶⁸ Там же. С. 66–67.

независимости Татарской Республики. Вызывает добрую зависть то, что в Татарстане более 90% работающих, занятых в сельском хозяйстве, — это татары. Ещё задолго до установления монгольского владычества на земле Татарстана у них было развито земледелие. И советская власть не отучила людей от земли. А если ещё есть крестьянство, значит, есть трудолюбие и гордость».¹⁶⁹

Часть номера, посвященная крымским и казанским татарам, не просто информирование, а выражение солидарности и активного интереса. Упоминание конференции крымских татар по переходу на латинскую графику (с приглашением белорусских татар) показывало осведомленность редакции о различных путях и стратегиях национально-культурного строительства в татарском мире.

Комментарии по поводу государственной независимости Татарстана носили ярко выраженный одобрительный характер. Примечательно, как изображался позитивный образ казанских татар: через апелляцию к исторической памяти («развитое земледелие» еще до «монгольского владычества») и к антисоветскому нарративу («советская власть не отучила людей от земли»), а также через подчеркивание таких качеств, как трудолюбие и гордость, связываемых с сохранением крестьянства. Выражение «добрая зависть» по отношению к Татарстану означало не только восхищение, но и рефлексию об уровне собственного положения и стремление к схожим достижениям.

Последние разделы журнала традиционно представлены разнообразными материалами: продолжалась публикация белорусско-крымскотатарского словаря,¹⁷⁰ представлена татарская песня «Сизлану», газель в переводе В.А. Жуковича¹⁷¹ и др.

---

¹⁶⁹ Там же. С. 3.

¹⁷⁰ Там же. С. 75–77.

¹⁷¹ Жукович Василий Алексеевич — уроженец Брестской области, выпускник Брестского педагогического института, с 1962 года литературный сотрудник

Этот номер ярко демонстрировал усиление образовательной и практической религиозной функции журнала. Публикация учебника арабского языка и обширного блока молитв и формул превращала «Байрам» в инструмент для возрождения исламской грамотности и практики. Исторический нарратив углублен за счет обращения к истории Крымского ханства и его связей с Литвой и Речью Посполитой. Сохранен фокус на локальной истории и местах памяти (родные места, разрушенная мечеть). Журнал продолжал активно освещать современную жизнь общины и ее участие в более широких политических и культурных процессах (сувениритет Татарстана, конференция по латинице крымских татар). Модель «современного китаба/хамаила» реализовывалась здесь наиболее полно за счет интеграции вероучительных текстов, практических руководств (учебник, молитвенник, рецепты), исторических очерков, лингвистических материалов и актуальной публицистики.

Анализ содержания первых шести выпусков журнала «Байрам», изданных под редакцией его основателей Канапацкого и Якубовского, позволяет заключить, что в период своего становления издание функционировало как ключевой инструмент работы с исторической памятью и конструирования коллективной идентичности белорусских татар. В условиях постсоветского переосмысливания прошлого журнал активно актуализировал различные пласти исторической памяти: отсылки к «прекрасной» эпохе Великого княжества Литовского и аристократическому прошлому легитимировали статус общины, а обращение к истории Золотой Орды вписывало ее в широкий «транстатарский» контекст.

Одновременно велось «излечение» травматической памяти липок — с одной стороны, артикулировалась утрата ими языка и письменности, публиковались материалы о репрессиях (депортация крымских татар),

---

и редактор в газете и в издательствах, с 1977 года член Союза писателей СССР; опубликовал около десяти сборников стихов и несколько прозаических книг, а также занимался переводами произведений зарубежных авторов на белорусский язык.

осквернении святынь (новогрудская мечеть), с другой, критически переосмысливались негативные в отношении липок стереотипы в доминирующих исторических нарративах (легенда о краковском хейнале).

На страницах «Байрама» формировался собственный пантеон и канон «мест памяти». Центральное место среди них занимала сама китабная традиция и арабская графика, символизировавшие культурное наследие и преемственность. Важными «местами памяти» становились исторические фигуры, знаковые деятели татарского мира — Гаспринский, Сулькевич, исследователи-востоковеды — Мухлинский, местные интеллектуалы — Александрович, локации (Нальшаны, Мир, Клецк, татарские улицы Минска), тексты (переводы Корана, стихи, песни, рукописи), практики (уроки арабицы, рецепты национальной кухни) и символические события (600-летие поселения татар). А публикация биографий погибших советских военных в Афганистане и статьи о Чернобыле превращали эти общие трагедии в места сопричастности татарской и белорусской памяти.

Через артикуляцию этих «мест памяти» журнал выполнял важнейшие функции: консолидировал сообщество вокруг общего прошлого и настоящего, конструировал идентичность (белорусскую гражданскую, уникальную липковскую, широкую транстатарскую), служил площадкой для артикуляции гражданской позиции и отстаивания интересов общины. Воспроизводя полифоническую структуру и символическую функциональность традиционных китабов и хамаилов, авторы «Байрама» в 1990-е годы не просто информировали, но активно формировали историческое сознание и самоопределение белорусских татар.

3.2 Содержание и функция журнала с 2017 г. под редакцией Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь

В параграфе анализируются содержание и функции журнала «Байрам» в современный период, начиная с его возобновления в 2017 г. и до последнего на настоящее время выпуска (№ 50, 2024 г.). Рассматриваются институционализация журнала под эгидой Мусульманского религиозного

объединения в Республике Беларусь, смена периодичности и редакционная рефлексия по поводу предыдущего периода. Анализ содержания выпусков № 44–50 показывает существенные изменения в редакционной стратегии и тематических акцентах по сравнению с 1990-ми годами. Фиксируется смещение фокуса с конструирования белорусско-татарской идентичности на универсальные исламские темы (догматика, фикх, тафсир, история исламской мысли), апологетику традиционного суннизма и мазхабов, а также нравственно-диадактическую проблематику. Журнал становится платформой для обсуждения актуальных вопросов уммы в Беларуси и в мире. При этом исторический блок остается существенным, акцент смещается на локальную микроисторию, некрополистику, источниковедение, геральдику, генеалогию и историю диаспоры. Темы солидарности с другими тюркскими народами (кроме исторического контекста) и критика советского прошлого ослабевают, но усиливается интеграция в доминирующую белорусский нарратив о Великой Отечественной войне. Наблюдаются изменение языкового баланса в сторону увеличения доли русского языка и трансформация отношения к китабной традиции — от символа утраченной аутентичности к объекту научного изучения и источнику для актуализирующей герменевтики. Журнал в этот период позиционирует себя как интеллектуальная площадка, стремящаяся сочетать сохранение уникального наследия лигок с утверждением универсальных исламских ценностей и знаний в современном мире.

К 2017 г. журнал «Байрам» претерпел изменения, которые отражали изменения во внутренней и внешней жизни татарской общины и в ее взаимодействии с окружающим миром. Возобновление издания журнала было осуществлено Белорусским объединением татар-мусульман «Зикр уль-Китаб» (преемником «Аль-Китаб»), но под эгидой официального Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь.

Квартальный характер журнала был пересмотрен в ежегодичный вариант (ранее выпуски журнала не были регулярными; хотя они и назывались «ежеквартальным», но количество выпусков в год могло

варьироваться от 1 до 4).

Новая редакция журнала позиционирует его как возрождение после долгого перерыва, названного «темными временами» внутреннего духовного и интеллектуального застоя: «К сожалению, были и перерывы в выходе... тянулись чрезвычайно тяжелые, а точнее сказать — некие темные для наших татар времена. Нет, никто не преследовал никого. Нет, альхамду ли-Лляхи, слава Богу, не было притеснения ни татар, ни мусульман в нашей стране... Но была некая черная полоса в духовной жизни, в интеллектуальном движении татар».¹⁷² Период после ухода из жизни основателей журнала — Якубовского и Канапацкого — обрисовывается как своего рода «застой» для белорусско-татарского сообщества. Уход таких ярких лидеров, авторов и энтузиастов действительно создал определенный вакuum.

Кроме того, как отмечают некоторые источники, в этот период имели место и внутренние идеологические разногласия,¹⁷³ в частности, связанные с попытками распространения новых ваххабитских взглядов, отличных от распространённых среди белорусских татар ислама постсоветского типажа, что приводило к напряженности¹⁷⁴ и даже судебным разбирательствам внутри общины. Вся эта сложная ситуация, вероятно, сказалась и на деятельности Канапацкого в последние годы его жизни, и на возможности регулярного выпуска журнала, который, надо полагать, не получал должной поддержки и оценки в самой белорусско-татарской среде того времени как раз из-за распространения подобных тенденций.

Из этого также следует, что изменилась и аудитория журнала: теперь

---

¹⁷² Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2017. № 45. С. 1.

¹⁷³ Из Белоруссии депортирован палестинец-ваххабит [Электронный ресурс] // NEWSru.com. — Режим доступа : <https://www.newsru.com/world/16oct2003/vahha.html>, свободный (дата обращения 28.05.2025)

¹⁷⁴ КГБ Беларуси задержал 20 мусульман-салафитов // Наша Ніва. — Режим доступа: <https://nashaniva.com/ru/142051>, свободный (дата обращения 28.05.2025).

издание «адресовано мусульманам Беларуси, ученым и всем, кто интересуется историей, культурой и религией белорусских татар».¹⁷⁵ Фокус смешен с белорусско-татарской идентичности на жизнь мусульман в Беларуси, на универсальные исламские темы.

Рубрика перевода Корана продолжена, но с важным уточнением: редакция критиковала предыдущие переводы журнала, поскольку те, по ее мнению, являлись «переводами переводов»: «...перевод Корана на белорусский язык начали делать в эпоху возрождения ислама в Беларуси, в 90-е годы прошлого века. Это, очевидно, был перевод перевода. В основу был положен перевод Игната Крачковского... В новом столетии новый “перевод перевода”, но уже современного автора, азербайджанского философа Эльмира Кулиева, постепенно делают Али Варанович и Дмитрий Антиценко. Это дело интересное, хотя более правильным мы считаем обращение к нашим первоисточникам — китабам и другим рукописям. Только в последних номерах белорусские соответствия время от времени вставляются в явно перенасыщенный неприятными русизмами и нелепыми выражениями для литературного белорусского языка текст... При переводе мы обратились к некоторым рукописям белорусских мусульман, а также к тафсиру “Аль-Мунтахаб” и другим доступным источникам»¹⁷⁶. Такой новый подход редакции журнала был сделан под влиянием не только внутриобщинных, но и факторов, связанных с политикой белорусского руководства.

Происходившие в журнале редакционная рефлексия и пересмотр подходов к этой задаче маркируют определенный разрыв с практикой 1990-х годов. Новая редакция заняла критическую позицию по отношению к предыдущим попыткам перевода, опубликованным в журнале (подразумеваются переводы, выходившие в период Якубовского и Канапацкого). Ключевым пунктом критики являлось обвинение в непрямом переводе, основанном на существующих русских переводах Крачковского

---

¹⁷⁵ Там же. С. 1.

¹⁷⁶ Там же. С. 6.

или Кулиева. Такая позиция апеллировала к идеалу прямого перевода с арабского оригинала как единственного легитимного и аутентичного. Редакция заявила об обращении к «первоисточникам» — китабам и другим рукописям — как к «более правильному» пути. Эта апелляция к китабам означает, что редакция, декларируя ценность китабов как первоисточников, одновременно надеялась на тафсир «Аль-Мунтхаб». Данный тафсир является переводом Корана на русский язык, который был выполнен в египетском Университете Аль-Азхар. Хотя он и ценится за ясность и точность передачи смысла, он все же является русскоязычным переводом, что входит в противоречие с ранее заявленной редакцией журнала критикой «переводов перевода». Использование подобных классических тафсиров стирает всеохватность китабов как самодостаточных источников для этой цели.

Журнал в целом все более наполняется содержанием религиозного контента за счет общего мусульманского наследия. В журнале появились объемные статьи сложного теологического характера, не свойственные ему ранее: «Академические предпосылки возникновения школы имама Абу Ханифы»,¹⁷⁷ «Анализ коранических рукописей, приписываемых тиражу халифа Османа».¹⁷⁸ Эти тексты посвящены сложным вопросам исламской юриспруденции, хадисоведения, коранистики, палеографии, выходящими за пределы белорусско-татарской традиции. Они ориентированы на более подготовленного читателя и смещают акцент с локальной практики и базового просвещения на универсальную исламскую ученость и историю исламской мысли. Практические руководства и объяснения базовых понятий больше не рассматриваются в журнале.

Статья «Мусульмане на беларусских землях в IX–XIV»¹⁷⁹ рассматривает долинковский период, фокусируясь на ранних торговых и культурных контактах с исламским миром, археологии. Очевидным

---

¹⁷⁷ Там же. С. 27–42.

¹⁷⁸ Там же. С. 42–68.

¹⁷⁹ Там же. С. 22–25.

становится заявка на смену ракурса, теперь уже центральным становится не «татары на земле Беларуси», а «мусульмане на земле Беларуси». Статья «Где наше благородство?»¹⁸⁰ представляет собой острую внутриобщинную критику, ставящую под сомнение право татар в Великом княжестве Литовском и Польше называться «шляхтой» из-за отхода от традиций и веры. Это радикально отличается от апологетического или героического тона ранних исторических статей с вписыванием татар в польские и литовские государства.

Критика советского периода или солидарность с другими татарскими народами исчезли из журнала. Отсутствуют стихи, песни, пословицы, легенды, рецепты, присущие первым выпускам. Нет материалов на других тюркских языках. На их месте в конце журнала появилась рубрика для детей с пересказом хадисов.¹⁸¹

Если ранний «Байрам» был инструментом конструирования белорусско-татарской идентичности (с ее китабной и языковой традицией, историей липок Литвы, Польши и Беларуси) и ее интеграции в белорусский национальный проект, то новый «Байрам» смещает акцент на исламскую составляющую, представляя глубокие теологические и коранистические популярные вопросы, актуальные для мусульман в целом. Журнал образца 2017 г. — это издание, которое стремится сохранить память об основателях и истории белорусских татар, но его основной вектор направлен на утверждение исламской идентичности и универсальных знаний, что отражает как смену поколений и лидеров, так и общие тенденции в развитии мусульманских сообществ на постсоветском пространстве.

В выпуске за 2019 г. связь с китабной традицией уже прямо не артикулировалась, название организации «Зикр уль-Китаб» исчезло.¹⁸²

Перевод Корана на белорусский возобновился с суры «Аль-

---

¹⁸⁰ Там же. С. 15–16.

¹⁸¹ Там же. С. 77–76.

¹⁸² Там же. С. 15–16.

Бакара»,¹⁸³ которая ранее переводилась в первых номерах журнала. Сохранилась детская страница с пересказом хадисов.¹⁸⁴

Продолжилась рубрика с теологическими вопросами, например, статья по коранистике «Стилометрия Корана»¹⁸⁵ и статья об архитектуре и функции мечети: «Мечеть — очаг культуры и единения верующих»,¹⁸⁶ где воспроизводилась история развития архитектуры с самого начала возникновения ислама и до современности. Статья заканчивалась обращением ко всем мусульманам: «Сегодня, когда мусульманский мир расколот пополам, и одна часть мира переживает возрождение исламских наук, а другая часть падает еще глубже в пучину невежества, нам необходимо помнить о высшем социальном значении мечети и ее прямом служению идеалам ислама — знаниям. Мечеть не должна быть мертвым памятником с закрытыми дверями, в ней должны проводиться интеллектуальные и культурные мероприятия, главным из которых, бесспорно, является изучение наук. Так же и прихожанам следует отвыкнуть от обывательского отношения — прийти “поклевать, как ворона, свои четыре рак’ата”, как с осуждением говорил наш Пророк, мир ему, и выскочить вон, по своим делам. Если мы сплотимся вокруг учебы, знаний и наук, не забывая о святом, о вере — то сможем вернуть себе достойное место в мире, ин ша Аллах. И тогда воплотится в жизнь ду’а о благополучии в этом и вечном мире: “О Аллах, даруй нам благо в мирской жизни, в вечной жизни и избави нас от пламени Ада!”».

Основной пафос этого текста направлен на осмысление универсальной роли мечети в жизни современного мусульманского сообщества в целом. Статья выходит за рамки простого описания или исторической реконструкции, переходя к диагностике проблем современного мусульманского мира («расколот пополам», «пучина

---

¹⁸³ Там же. С. 83–89.

¹⁸⁴ Там же. С. 108.

¹⁸⁵ Там же. С. 92–99.

¹⁸⁶ Там же. С. 100–107.

невежества») и пути их решения через возрождение мечети как центра не только ритуального поклонения, но и, в первую очередь, знания, культуры и интеллектуальной жизни. Автор критиковал редукцию роли мечети до «мертвого памятника» (через данный ракурс печатались статьи про мечети в первых выпусках журнала) и осуждал «обывательское» отношение к молитве («поклевать, как ворона»). Это придает тексту прескриптивный (предписывающий) и дидактический характер. Центральный призыв статьи — «сплотиться вокруг учебы, знаний и наук» в мечети — позиционирует знание как ключ к возрождению «достойного места» мусульман в мире. Мечеть предстает идеальным пространством для этого интеллектуального и культурного ренессанса. Хотя статья имеет универсальный исламский характер, она имплицитно обращена и к белорусским мусульманам, призывающая их к активному участию в жизни мечетей и в целом к пересмотру отношению к ним как к памятникам, к превращению их в живые центры образования и культуры, что соответствует общей тенденции журнала к углублению религиозно-интеллектуальной составляющей и обсуждению актуальных проблем «уммы».

Статья «Судьбы имамов XX века» написана с подобной направленностью, вписана в современный общемусульманский дискурс. Такие материалы уже не являлись базовым религиозным ликбезом или практическим руководством, что имело место в первых выпусках журнала.

Исторический блок по-прежнему доминировал и становился все более детализированным и локализованным: «Татары в Америке»¹⁸⁷ (статья об эмигрантах-татарах Беларуси), «История татар в Плешавичах»,¹⁸⁸ «Татары Городища»¹⁸⁹ и др.

На этом фоне выделяется статья «Формирование мусульманской

---

¹⁸⁷ Там же. С. 50–52.

¹⁸⁸ Там же. С. 68.

¹⁸⁹ Там же. С. 65–68.

общины в Беларуси»,¹⁹⁰ которая охватывала большой период (XIV–XVII вв.), рассматривая миграции, социальную структуру, роль Золотой Орды через мусульманскую призму истории.

В номере появился перевод на белорусский язык фрагмента из классического произведения центральноазиатской мусульманской литературы — поэмы Алишера Навои «Возлюбленный Сердец».¹⁹¹ Это новация свидетельствовала не об обращении к общему тюркскому, а к мусульманско-суфийскому наследию.

Таким образом, в данном выпуске отсутствовали темы солидарности с другими татарскими народами (крымскими и поволжскими), за исключением исторического контекста Золотой Орды как истока их миграций, то есть к историческому контексту происхождения, а не к современному взаимодействию.

Следующий выпуск за 2020 г., выйдя под эгидой Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь, прочно закреплен в рамках институционализации.

Значительная доля текста номера изложена на русском языке, что отличает от раннего моноязычия в журнале, когда белорусский язык занимал почти 90% всех материалов. Данное изменение отражает языковую динамику в Беларуси, где с 1990-х годов увеличилась доля русского языка как в городской, так и в сельской жизни.¹⁹² Журнал «Байрам», будучи продуктом своего времени и общества, отражал эти макросоциолингвистические процессы. Увеличение доли русскоязычных материалов связано как с языковыми предпочтениями новых авторов или ориентацией на более широкую (в том числе русскоязычную) аудиторию внутри страны и за ее

---

¹⁹⁰ Там же. С. 7–22.

¹⁹¹ Там же. С. 72–74.

¹⁹² См.: А.С. Соколов. Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. 2021. № 8 (1). С 127–149.

пределами, так и с объективным изменением языковой среды, в которой функционирует белорусско-татарская община.

Продолжалась публикация перевода суры «Аль-Бакара» на белорусский язык. Однако теперь в предисловии к переводу подчеркивалось, что помимо смыслового перевода признана необходимость тафсира, поскольку простой перевод не является исчерпывающим знанием: «Впереди еще добавление важных комментариев к Корану, сделанных исламскими учеными прошлого. Современные читатели, углубляясь в содержание Корана, должны понимать, что перевод, даже лучший, — это всего лишь перевод и не может отразить всю полноту Божественного Писания, поэтому он требует тафсира — научного толкования. Тем не менее, мы, следуя примеру наших образованных предков, стремимся дать хотя бы приблизительное представление о содержании нашей Святой Книги».¹⁹³ Такая постановка вопроса в корне отличается от первоначальных выпусков, где перевод Корана сам по себе уже являлся сакральным знанием, однако общим является апелляция к предкам и аутентичному восприятию.

Публикуемая на русском языке статья М. Такаса об азане в Турции посвящена историко-политическому контексту запрета и разрешению арабского азана при Ататюрке и Мендересе. Тема эта напрямую не связана с белорусскими татарами, но затрагивала важные для мусульманского мира вопросы соотношения религии, языка, национальной идентичности и государственной политики.¹⁹⁴ Ее включение в номер расширяло горизонт журнала, предлагая читателям сравнительный материал из истории мусульманской страны, за пределами наследия волжских или крымских татар.

Материал о Минской мечети¹⁹⁵ посвящен центральному исламскому институту в современной Беларуси, его истории и функциональному значению сегодня. Акцент на главном официальном

---

¹⁹³ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2020. № 46. С. 5.

¹⁹⁴ Там же. С. 68.

¹⁹⁵ Там же. С. 79.

центре мусульманской жизни отражал институционализацию журнала и его связь с Мусульманским религиозным объединением в Республике Беларусь. Статья «История мусульманской общины в XIX веке» рассматривала особенности развития мусульманской общины в Российской империи.¹⁹⁶ Продолжался перевод на белорусский язык поэмы Алишера Навои «Возлюбленный Сердцец».¹⁹⁷

Большой блок статей посвящён истории татар в различных местностях Беларуси: «Татары в Десятниках»,¹⁹⁸ «История татар в Винкшнупах».¹⁹⁹ Это направление, характерное и для ранних выпусков, теперь представлено очень широко. Вместе с тем появились статьи идентичного содержания, описывающие ту же географическую память татар, но под названиями «Из жизни мусульманской общины в окрестностях Муравщизна»²⁰⁰ или «Из жизни мусульманского прихода в Докшицах».²⁰¹ Очевидно, что ставился акцент не на татарское, а на мусульманское восприятие себя. Хотя при этом не менялось содержание, но номинально и символически расставлены новые акценты, свойственные новым выпускам журнала, для расширения мусульманского контекста. Такие материалы также играли ключевую роль в фиксации «мест памяти», сохранении локальных преданий, генеалогии и демонстрации географии расселения татар.

Публикация в журнале «Байрам» материала, посвященного участию потомков белорусских татар-эмигрантов в американской армии во время Второй мировой войны, приуроченная к 75-летию Победы, представляет собой пример сложной работы с исторической памятью на постсоветском пространстве.²⁰² В статье сказано: «9 мая 2020 г. отмечалась

---

¹⁹⁶ Там же. С. 27–30.

¹⁹⁷ Там же. С. 49–59.

¹⁹⁸ Там же. С. 41–42.

¹⁹⁹ Там же. С. 62–77.

²⁰⁰ Там же. С. 32–35.

²⁰¹ Там же. С. 43–44.

²⁰² Н. Копосов. Указ. соч. С. 90–94.

75-я годовщина Победы во Второй мировой войне. В ней принимали участие и наши татары, многие из которых погибли, а некоторые вернулись домой калеками на всю жизнь. В этой статье вспомним имена наших братьев, которые сражались с врагом в составе американской армии. Американские военнослужащие, в том числе татары — потомки первых переселенцев из Ивье, Новогрудка, Смиловичей, Клецка и других поселений бывшего Великого княжества Литовского, родившиеся на территории США в первой четверти XX века, принимали участие на двух фронтах — Европейском и Тихоокеанском. Кроме того, многие из них работали на военных заводах...».²⁰³ В тексте юбилейная дата использована для формирования национальной идентичности в Беларуси. Однако содержание статьи производит существенное смещение фокуса: вместо ожидаемого в данном контексте нарратива об участии в Великой Отечественной войне и Красной армии акцент сделан на опыте диаспоры в службе в армии союзников. Этот прием позволил вписать специфический опыт татарского меньшинства в глобальный контекст памяти о Второй мировой войне, но одновременно дистанцирует его от доминирующего в Беларуси официального исторического дискурса. Данный материал можно характеризовать как акт селективной памяти и конструирования альтернативного нарратива. Акцентируя внимание на потомках эмигрантов и их участии в войне на стороне США, журнал подчеркивал транснациональный характер сообщества белорусских татар, их исторические связи с диаспорой и западным миром. В условиях государственного контроля над исторической памятью о войне в современной Беларуси такой выбор сюжета не мог не нести определенного латентного политического подтекста, представляя более нюансированную картину прошлого и акцентируя опыт групп, часто остающихся на периферии общественного внимания.

Следующий выпуск (№ 47), как и предыдущий, позиционируется как продолжение дела Якубовского, которое «подняло белорусское

---

²⁰³ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2020. № 46. С. 45–49.

татароведение на высокий уровень». Редакция подчеркивала: «Журнал предназначен для тех, кто интересуется жизнью татар, а также религией ислам».²⁰⁴ Данная формулировка означает стремление редакции расширить круг читателей и выйти за рамки этноцентричности, помещая ее в познавательные/академические рамки.

Продолжилась публикация перевода суры «Аль-Бакара» (аяты 164–266) на белорусский язык с призывом к читателям: «Изучить содержание этого перевода и попытаться применить полученные знания на практике».²⁰⁵ Эта фраза показывает, что редакция осознанно позиционирует перевод Корана не просто как текст для ознакомления, но как руководство к действию, своего рода морально-этический и правовой ориентир в повседневной жизни. В отличие от выпусков 1990-х годов, где сам факт перевода на белорусский язык уже воспринимался как акт культурного восстановления, современная редакция смещает акцент на нормативный и прикладной аспект коранического знания. Тем самым происходит переопределение функций текста: с одного уровня — сакрализованного национального проекта (в духе «нашего перевода» и «нашей идентичности») — на другой — универсальный исламский этико-правовой кодекс, адаптированный к белорусскому языковому контексту.

Этот сдвиг отражает более широкую тенденцию перехода от культурно-этнографического к религиозно-правовому формату исламского дискурса в некоторых постсоветских сообществах.²⁰⁶ Теперь знание текста рассматривается не как элемент культурной памяти («мы переводим, чтобы помнить»), а как основа для шариатической практики в повседневной жизни («мы читаем, чтобы исполнять»).

Статья «История, описанная в суре “Аль-Филь”» детально

---

²⁰⁴ Там же. 2021. № 47. С. 1.

²⁰⁵ Там же. С. 5.

²⁰⁶ См.: L. Di Pupo. The paradoxes of a localised Islamic orthodoxy: Rethinking Tatar traditional Islam in Russia // Ethnicities. 2019. Т. 19. № 2. Р. 311–334.

разбирает исторический контекст (поход Абрахи на Мекку) и богословский смысл 105-й суры Корана.²⁰⁷ Это пример коранической экзегезы (тафсира), ориентированной на исламскую аудиторию. Статья «Аспекты жертвоприношения в Курбан Байрам»²⁰⁸ полемизировала с некорректными материалами в Интернете и уточняла условия соблюдения курбана согласно ханафитской традиции. Статья основана на классических текстах и хадисах и подчеркивала важность индивидуального курбана для каждого совершеннолетнего и состоятельного члена семьи, критикуя идею одного курбана на всю семью. Такой подход демонстрирует сдвиг от этнокультурной формы ислама, характерной для «Байрама» 1990-х годов, к более формализованному и доктринально ориентированному пониманию религии. Журнал превращается не просто в площадку для идентификационного самовыражения, но и в инструмент внутриобщинного мейнстрима, закрепляя авторитет ханафитского мазхаба как легитимной интерпретационной рамки.²⁰⁹

Специальную рубрику современного «Байрама» составляет цикл коротких нравственно-практических наставлений, направленных на повседневное религиозное поведение. Статьи, затрагивающие важные аспекты исламской этики: «Искренность в браке», «О важности корректного изъяснения»²¹⁰ и «Осознай силу ду’а». Все три текста опираются на классическую мусульманскую традицию, включая хадисы и высказывания сподвижников, но поданы в форме простых размышлений. Тем самым создаётся эффект «живой проповеди», направленной не столько на ученую публику, сколько на рядового мусульманина. Показательно, что в

---

²⁰⁷ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2021. № 47. С. 83–88.

²⁰⁸ Там же. С. 91–93.

²⁰⁹ А.Ф. Камалдинов. Концепции «традиционного ислама» в цифровую эпоху: интерпретации и влияние молодых татарских религиозных деятелей в интернет-пространстве: выпускная квалификационная работа / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Фак. гуманитарных наук; науч. рук. И.Л. Алексеев. М., 2024. С. 26–27.

²¹⁰ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2021. № 47. С. 94–95.

статье о браке критике подвержена современная практика временного никаха (контракта с намерением развода), позиционируемая как обман и нарушение нравственного кодекса.²¹¹ В другом тексте подчеркивается необходимость соответствия стиля речи уровню слушателя. В статье о ду’а сделан богословский акцент²¹²: даже шайтан, по мнению автора, может рассчитывать на услышанную мольбу, что иллюстрирует широту и милосердие божественного прощения.

Эти публикации означали трансформацию функций журнала: он больше не являлся исключительно средством сохранения культурной памяти, а становился платформой морального воспитания, опирающегося на новые исламские источники, но адаптированной под современные реалии и язык.

Следующей формой религиозной артикуляции, опирающейся уже на национальную письменную культуру, выступила статья «Высказывания из китаба Ивана Луцкевича».²¹³ Этот материал представляет собой не только пример возвращения к рукописному наследию белорусских татар, но и характеризует попытку «актуализирующей герменевтики»: извлечение фрагментов из исторического источника сопровождается пояснительным комментарием, адаптирующим содержание под реалии современного мусульманского быта. Темы, берущиеся из китаба, в статье — важность намаза, значение Корана, предостережения против шайтанской хитрости, харам, качества имама, этика мусульманина и ценность знания — формируют своего рода исламский «этический кодекс», полученный из собственной письменной традиции. Это особенно важно в контексте новых журналов, где наметился переход от этнически ориентированной памяти к более универсальному исламскому просветительству. В данном случае редакция предприняла попытку удержать связь с этноконфессиональной спецификой, но делала это уже в модусе «внедрения» традиции в современный дискурс, а

---

²¹¹ Там же. С. 93–95.

²¹² Там же. С. 95–96.

²¹³ Там же. С. 38–46.

не её музеефикации.

В области артикуляции к исторической памяти в журнале появился материал о том, как с помощью современных электронных архивов и источников проводить практическую генеалогическую работу по исследованию своих семейных историй.²¹⁴ Этот сюжет указывает на рост интереса к персонализированной памяти и попытку вовлечь читателя в активное восстановление своей родовой истории, а не только в коллективное «восприятие прошлого».

Материалы о татарах польской деревни Рейжи²¹⁵ и захоронениях мусульман в польском Вроцлаве²¹⁶ представляют собой примеры «локальной истории» — жанра, через который воспроизводится география расселения и историческое бытование татарских общин, включая диаспору. Упоминание конкретных родов и фамилий позволяет реконструировать транснациональные траектории белорусских татар и расширяет поле идентичности, выходя за рамки постсоветского пространства.

Значимость для культурной памяти представляет статья «Письменное наследие ислама в Беларуси, Литве и Польше XVI–XIX вв.», посвященная славяноязычной арабографической письменной традиции (китабы, хамаильы, тафсиры и др.). В отличие от прежних романтизированных упоминаний о «китабах» как символе утраченного знания, здесь предложен научный обзор письменного феномена, его лингвистических и социальных особенностей, с подчеркиванием и вшиванием не в татарское, а в исламское наследие. Данный заголовок отчетливо показывает смещение фокуса с национального на религиозное.

Статья о татарах в Красной армии продолжает линию включения татарской памяти в общебелорусский нарратив,²¹⁷ который не был

---

²¹⁴ Там же. С. 14–15.

²¹⁵ Там же. С. 16–18.

²¹⁶ Там же. С. 19–20.

²¹⁷ Там же. С. 32–37.

характерен в сюжетах журнала 1990-х годов. При этом акцент переносен с героического на травматическое измерение — списки погибших, пропавших без вести, мобилизованных. Это важно в контексте работы с «цифрами» как способа документального утверждения участия в национальной истории.

Культурно-литературный блок также расширен и тематически, и географически. Сохраняется превалирование стихов белорусских авторов,²¹⁸ но впервые появился сюжет из татарской прозы — повести современного казанского писателя А. Шаеха.²¹⁹ В этих произведениях также реконструируются утраченные практики и ценности, например, семейные традиции, сельский быт, религиозные обряды.

Включение в номер практического путеводителя по всем «туристическим» татарским местам (мизары, мечети, молитвенные дома) в Польше, Литве и Беларусь совпадает с современными стратегиями «материализации памяти» и использованием исторических мест в целях этнокультурного туризма.²²⁰

Выпуск 2022 г. продолжил тенденцию трансформации «Байрама» из этнокультурного журнала белорусских татар в более универсальное исламское издание с акцентом на доктрины, мазхабную апологетику и классическую литературу. Продолжился перевод суры «Аль-Бакара», начался перевод суры «Алю Имран» на белорусский язык с сохранением сквозной редакционной стратегии — применять «полученные знания на практике».²²¹

Статья «Единство в разнообразии» защищала легитимность следования мазхабам в суннизме, полемизируя с реформистскими позициями. Использован пример «немытых ног» (в контексте омовения), чтобы

---

²¹⁸ Там же. С. 47–57.

²¹⁹ Там же. С. 64–82.

²²⁰ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2022. № 48. С. 29–31.

²²¹ Там же. С. 6–15.

подчеркнуть последствия буквального прочтения без мазхабной традиции.²²² Статья «Критерии правильного Ислама» подчеркивала необходимость учения через иджазу и ученическую преемственность, а не через самостоятельное чтение текстов.²²³ В статье «Гость номера» (имам Минской мечети Абдулла Магомедов²²⁴) затронуты вопросы испытаний, предопределения и нравственности. Подобные статьи демонстрируют сдвиг к нормативному богословию. Стратегия журнала сместилась от восстановительно-просветительской к охранительно-догматической, отражая как институционализацию религиозной жизни, так и стремление закрепить «правильное» понимание ислама в условиях современной исламской дискурсной повестки. Фокус смешен с просвещения и базовой исламской практики к богословской полемике и к защите «традиционного ислама», что отражает изменения в отношении к аудитории — от начинающего читателя к более подготовленному и вовлечённому.

Историко-культурный блок представлен «Словарем белорусских татар», который разрабатывался Якубовским. Тем самым редакция «отдает дань уважения» основателю журнала.²²⁵ Статья «История татарских поселений на реке Вака»²²⁶ — пример географической микроистории с глубоким источниковоедческим базисом. Восстанавливаются забытые топонимы, генеалогии и религиозные практики. Дискурсивный анализ позволяет редакции поставить в оппозицию статью «Культовая архитектура мусульман на белорусских землях XIV–XIX вв.»,²²⁷ где акцент вновь делается не на «татарском», а на «мусульманском».

Литературный раздел дополнен стихами религиозной поэзии: «История про Сабита» (о мужестве и знании отца Абу Ханифы), «Про

---

²²² Там же. С. 36–43.

²²³ Там же. С. 44–49.

²²⁴ Там же. С. 64–67.

²²⁵ Там же. С. 16–26.

²²⁶ Там же. С. 26–32.

²²⁷ Там же. С. 33–35.

благодарность» (призыв к благодарности Богу даже за то, кем ты не стал), «Про моральные ценности» (о четырёх добродетелях и их противоположностях) и «Размышление над Кораном»²²⁸ (поэтическое осмысление завета потомков Адама с Аллахом). Все тексты направлены на воспитание этики и духовной памяти мусульман. Преобладает религиозно-нравственный пафос, закрепляющий моральные ориентиры.

Выпуск 49 журнала «Байрам» (2023 г.) представляет собой продолжение линии, выработанной в предшествующих номерах. В редакционной колонке подчеркнута преемственность с линией, заложенной Канапацким и Якубовским, и миссия журнала как площадки белорусско-татарского культурного и религиозного самовыражения.²²⁹

Продолжена работа над «Словарем белорусских татар», где на этот раз охвачены термины на букву «Б».²³⁰

Религиозный блок номера построен в основном на двух ключевых направлениях: переводе суры «Род Имрана»²³¹ на белорусский язык и публикации дидактических исламских текстов. Продолжен цикл публикации фрагментов поэмы Алишера Навои в переводе на белорусский язык.²³² Эта рубрика занимает значительное место, закрепляя важность классической исламской нравственной литературы в формировании ценностного ориентирования читателя. Наряду с этим продолжен цикл «Сорок хадисов в преданиях», в котором хадисы переданы в форме поучительных рассказов, адаптированных для широкой аудитории.²³³ Появился важный материал о современности — статья имама Минской мечети Магомедова. Автор выражал обеспокоенность уровнем религиозности современных белорусских мусульман (особенно в части выполнения намаза), проблемой

---

²²⁸ Там же. С. 50–53.

²²⁹ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2023. № 49. С. 4.

²³⁰ Там же. С. 12–30.

²³¹ Там же. С. 5–11.

²³² Там же. С. 73–82.

²³³ Там же. С. 82–83.

межконфессиональных браков, призывал к сохранению исламской идентичности, важности получения знаний от учителей, а не из Интернета. Подчеркнута необходимость активной работы муфтията и общин. Журнал обратился и к актуальным вопросам уммы в Беларуси.²³⁴

Появление исламской идентичности означает, что татарская специфика отошла на второй план, уступая место универсальным исламским проблемам, актуальным для всей уммы в Беларуси. Тем самым журнал становился частью общего исламского дискурса.

Исторический раздел представляет собой наиболее насыщенный и выстроенный блок номера. Помещена статья о таком ценном источнике, как «Рисале-и-татар-и-лех» (Трактат «Рисале Татар-и-Лех»). Этот текст на османском (старотурецком) языке написан от лица белорусского мусульманина, совершившего хадж в Мекку и Медину через Стамбул в 1558 г. В статье дана оценка его значения для белорусско-татарской истории. Также представлены исследования по этногенезу, по истории минских мусульманских мизаров,²³⁵ данные переписей памятников, динамика захоронений. В статье об участии белорусских татар в советском подполье подчеркнуто: «В героическую летопись борьбы против фашизма яркую страницу вписали и подпольщики. Безусловно, нельзя переоценить значимость подполья в Победе над немецко-фашистскими захватчиками. В составе его членов вели борьбу с врагом и белорусские татары, где им было совершено много благородных и самоотверженных поступков. Больше всего местных татар было представлено в минском подполье».²³⁶

Включение в журнал «Байрам» статей, посвященных участию белорусских татар в советском партизанском и подпольном движении во время Второй мировой войны, является важным элементом работы с исторической памятью, особенно заметным в более поздних выпусках

---

²³⁴ Там же. С. 68–72.

²³⁵ Там же. С. 39–46.

²³⁶ Там же. С. 46–57.

издания. Цитируемый фрагмент показателен использованием официального героического дискурса, характерного для коммеморации Великой Отечественной войны на постсоветском пространстве. При этом подчеркнуты «благородные и самоотверженные поступки», тем самым татарское участие вписано в канон общенационального подвига и жертвенности. Акцент на участии татар именно в советском подполье и партизанском движении (особенно в минском подполье) выполняет ключевую функцию интеграции этнического меньшинства в доминирующий национальный нарратив Республики Беларусь, где память о Великой Отечественной войне и партизанской борьбе занимает центральное место. Это конструирует образ белорусских татар не как обособленной группы, а как активных и патриотических участников общей борьбы и истории, разделяющих общие травмы и триумфы, что отличается от материалов 1990-х годов, где чаще подчеркивалась специфика, транснациональные связи или даже критика советского периода.

Впервые опубликованы этимологические гипотезы об этнониме «липка»: статья предлагает оригинальную лексикологическую версию происхождения этнонима «липка»: автор выводил его из арабского корня لبك (l-b-k) — «остроумие, любезность», который в женской собирательной форме ليبكة перешёл в османскую лексику как ليبك (libk) «вежливый, воспитанный человек», а затем фонетически преобразовался в польско-литовское Lipka.

Данная гипотеза не подкреплена ранними историческими источниками: нет каких-либо подтверждающих ее текстов XV–XVI вв., где ليبك/libk в таком значении обозначал литовских татар. В общепринятой научной среде практика употребления данного слова опирается на длинную цепочку датированных источников XIV–XVII вв. (персидские хроники, османские, польско-литовские акты), где этноним Lipka фигурировал в конкретных исторических контекстах и прослежен «вживую», начиная от имен родов в ордынской степи до топографии Речи Посполитой. Таким образом, аргументация не строится лишь на внутренней реконструкции

слова, а должна быть подкреплена документально фиксируемой преемственностью названия.²³⁷

Этот юбилейный выпуск журнала «Байрам» позиционируется как важное событие, совпадающее с 30-летием Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь. Выпуск, последний на настоящий момент, открывается приветствием муфтия Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь Шабановича: «Есть даты, которые невольно наводят на размышления, рефлексию, осмысление событий, которые произошли и происходят вокруг и внутри, в душе. Одной из таких дат стало тридцатилетие нашего объединения. Эта дата совпала с выходом юбилейного, пятидесятиго номера нашего легендарного журнала “Байрам”. За 33 года его существования его авторы и редакторы сменяли друг друга, менялось время, менялся формат издания, менялись и читатели».

Муфтий подчеркивал символическое значение юбилея журнала как повод для исторической рефлексии, признал его «легендарный» статус и динамику развития на протяжении 33 лет. Это предисловие легитимирует «Байрам» как важное «место памяти» и институт белорусско-татарского сообщества.

Содержание юбилейного выпуска демонстрирует стремление редакции представить широкую палитру тем, отражающую основные направления журнала, сложившиеся на современном этапе и подчеркивающие преемственность и развитие. Сохраняются традиционные и ключевые рубрики.

Завершен перевод суры «Род Имрана» и начата следующая сура «Ан-Ниса». Эта рубрика остается фундаментальной для журнала, обеспечивая преемственность и доступ к священному тексту на белорусском

---

²³⁷ И.В. Зайцев. Указ. соч. С. 766–769.

языке (в этом выпуске отсутствует призыв к «применению на практике»).²³⁸

Продолжена публикация перевода «Возлюбленного Сердец» Алишера Навои, с дидактическими рассказами.²³⁹ Также продолжена серия «Сорок хадисов в рассказах» для детей.²⁴⁰ Новый подраздел «Размышления: различные полезные мысли и выводы» представляет короткие эссе на моральные темы. Этот блок предлагает читателю классическую исламскую этику и духовность через литературные и дидактические формы, подчеркивая связь с традицией китабов («как и в наших китабах»),²⁴¹ что вновь актуализирует китабы как важный культурный референт.

Статья о дозволенности публичных уроков перед джума-намазом²⁴² и заметка о понимании аятов с учетом мнений саляфов²⁴³ углублены в вопросы фикха и методологии исламских наук, продолжая интеллектуальную линию, намеченную в предыдущих выпусках. Статья о мировоззрении белорусских мусульман обращена к вопросам современной религиозной идентичности.²⁴⁴ Историко-культурный блок представлен продолжением публикации «Словаря белорусских татар».²⁴⁵ Статья «Гербовник родов татарских в Польше»²⁴⁶ и статья о татарских хоругвях в Литве и Польше²⁴⁷ свидетельствуют о традиционном историческом интересе к наследию липок.

Локальная история и фольклор в центре внимания исследования о «Ловчицах и легенде о святом Контусе»: «Наверно, каждому, кто хоть что-нибудь слышал о литовских татарах, знакома и легенда про святого Контуся, пастуха из татарской деревни Ловчицы под Новогрудком. Мистическим

---

²³⁸ Байрам: татары на зямлі Беларусі. 2024. № 50. С. 6–13.

²³⁹ Там же. С. 80–81.

²⁴⁰ Там же. С. 87.

²⁴¹ Там же. С. 80–83.

²⁴² Там же. С. 75.

²⁴³ Там же. С. 77–80.

²⁴⁴ Там же. С. 34.

²⁴⁵ Там же. С. 13–22.

²⁴⁶ Там же. С. 23–26.

²⁴⁷ Там же. С. 23–27.

образом он каждый день переносился в Мекку, чтобы совершить там молитву, и в мгновение ока возвращался обратно. Однажды хозяин деревни, помещик Ловчицкий, отправился в хадж, но истратил все деньги на дорогу до Мекки и не смог вернуться обратно. Пастух спас его, моментально перенеся домой в Ловчицы. Вскоре пастух умер, и весть о его святости широко разнеслась по всей Беларуси. Могила Контуся сохранилась на ловчицком кладбище. Литовские татары издавна почитают ее и посещают».²⁴⁸

Сам сюжет легенды, кратко изложенный во введении к статье, конструировал образ героя, связанного с исключительной исламской благочестивостью (ежедневная мистическая молитва в Мекке) и одновременно наделенного сверхъестественными способностями (мгновенное перемещение, спасение помещика). Весть о его святости, распространившаяся «по всей Беларуси», и последующее почитание его могилы литовскими татарами превратили Контуса в фигуру «татарского святого», а его захоронение — в важное «место памяти», локализованное и специфическое для данной этноконфессиональной группы. «Байрам» не просто пересказывал эту легенду, но, как указано, подвергал ее комплексному анализу, исследуя историю публикаций, сюжет, прототипы, мотивы, имя святого и контекст возникновения на стыке истории, фольклора, агиографии и литературоведения. Это переводило легенду из разряда устного предания или простого упоминания в объект академической и культурной рефлексии, осуществляемой на страницах самого журнала, что демонстрирует «работу с памятью» на новом, более глубоком уровне, где сообщество не только сохраняет, но и активно изучает, интерпретирует и осмысливает собственное наследие.

Статья о генезисе «Минского тафсира»²⁴⁹ продолжила линию исследования рукописного наследия, начатую в предыдущих выпусках, анализируя конкретные рукописи и их особенности, развивает линию

---

²⁴⁸ Там же. С. 47–68.

²⁴⁹ Там же. С. 34–42.

изучения уникального рукописного наследия, являющегося важнейшим компонентом культурной памяти липок и предметом особой гордости общины.

Продолжено исследование темы мусульманских захоронений Минска,²⁵⁰ что означает значимость некрополистики и изучения локальной истории для фиксации материального присутствия, исторической преемственности и одновременно фиксации утрат в коллективной памяти.

Статья об участии белорусских татар в советском подполье во время Великой Отечественной войны²⁵¹ поддерживает нарратив интеграции в доминирующую белорусскую национальную память о войне, конструируя образ татар как патриотичных граждан и участников общей истории. Статья об этимологии этнонима «Липка» и рецензия на нее²⁵² продолжили дискуссию о происхождении и самоназвании группы, начатую в № 49.

Анализ содержания журнала «Байрам» в период с 2017 по 2024 г., после его возобновления под эгидой Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь, выявляет существенную трансформацию его редакционной стратегии, тематического наполнения и выполняемых функций по сравнению с выпусками 1990-х годов. Институционализация издания и смена поколений редакторов привели к переосмыслинию как прошлого самого журнала, так и его миссии. Фокус смещается с конструирования уникальной гибридной белорусско-татарской идентичности, интегрированной в национальный проект, на утверждение более универсальной исламской идентичности, хотя и глубоко укорененной в локальной истории.

Работа с исторической памятью остается центральной, но меняет свои акценты и ракурсы. Сохраняется интерес к истории Литвы и Речи Посполитой, однако усиливается внимание к микроистории конкретных

---

²⁵⁰ Там же. С. 46–57.

²⁵¹ Там же. С. 58–62.

²⁵² Там же. С. 63–68.

общин (Плешавичи, Городище, Десятники, Винкшнупляй, Рейжи, Вака), к некрополистике как способу фиксации присутствия и утрат (захоронения Минска, Вроцлава), к изучению истории диаспоры (татары в Америке). Важнейшие «места памяти» прошлого периода переосмыкаются: книги из символов утраченной аутентичности и основы для подражания превращаются в объект академического источниковедения и герменевтики (исследование Минского тафсира, публикация выдержек из книги Луцкевича с современным комментарием). Память о Второй мировой войне интегрируется в доминирующий белорусский нарратив, при этом критика советского периода, характерная для 1990-х годов, исчезает. Ослабевают и темы активной солидарности с другими современными татарскими народами.

Наблюдается значительное расширение религиозного блока за счет универсальных исламских тем: публикуются статьи по доктринализму, фикху, тафсиру, истории исламской мысли, методологии получения знаний, апологии традиционного суннизма и мазхабов, классической этической литературе. Журнал все чаще становится площадкой для обсуждения актуальных проблем уммы и богословских вопросов, ориентируясь на более подготовленного читателя. Параллельно происходит изменение языкового ландшафта в сторону увеличения доли русского языка, отражая общие социолингвистические процессы в Беларуси. В итоге современный «Байрам» позиционирует себя как интеллектуальная платформа, стремящаяся сочетать сохранение уникального наследия татар-мусульман (через глубокие исторические исследования, публикацию словаря) с утверждением универсальных исламских ценностей и «правильного» понимания религии в современном мире. Его функция смещается от инструмента этнокультурного возрождения к консолидации, к религиозно-этическому воспитанию.

Подводя итог анализу журнала «Байрам» на двух этапах его существования — в 1990-е годы под редакцией основателей и с 2017 г. под эгидой Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь

— можно заключить, что, несмотря на смену поколений редакторов, институционализацию издания и изменение общественно-политического контекста, ключевые «места памяти» и источники идентичности для белорусских татар сохраняют свою неизменную значимость на страницах журнала.

Однако, как показал проведенный анализ содержания и функций призма, через которую эти фундаментальные символы и «места памяти» пересматривается, и акценты, расставляемые редакцией в разные периоды, претерпевают существенную трансформацию. Эта разница в подходах и акцентах отражает не эрозию или замену самих источников идентичности и базовых «мест памяти», а существенную эволюцию способов их препрезентации. Нarrативы, конструируемые на страницах «Байрама», меняются в ответ на смену поколений, изменение потребностей и самоощущения сообщества, а также адаптируются к новым внешним социокультурным и политическим условиям.

Заключение

У малых этнических и этноконфессиональных сообществ, подобных белорусским татарам, традиционные маркеры идентичности, представленные у больших наций (материальные памятники, монументальная архитектура, обширная канонизированная литература и др.), менее выражены или частично утрачены, носят не столько материальный, сколько декларируемый, конструируемый и даже отчасти воображаемый характер, артикулируемый, в частности, на страницах периодических изданий с целью конструирования своей уникальности, переосмысливания прошлого и позиционирования себя в настоящем.

Анализ эволюции журнала «Байрам» в 1991–2024 гг. выявил, что он не только отражал, но и формировал идентичность белорусских татар, малой этноконфессиональной группы, адаптирующейся к меняющимся социокультурным и политическим контекстам.

В этот период произошел сдвиг парадигмы репрезентации с преимущественно этнокультурной на религиозно-универсалистскую. В «культурно-просветительском» цикле 1991–2002 гг. журнал позиционировал себя как своего рода энциклопедию культуры, тем самым укореняя идентичность в локальном культурно-историческом поле. После возобновления в 2017 г. издания посредством Мусульманского религиозного объединения в Республике Беларусь тематическая матрица журнала заметно «исламизировалась». Медиа-нarrатив сместился от этнокультурной саморепрезентации («мы — татары-белорусы, потомки воинов Литвы, хранители археографической рукописной традиции») к религиозно-универсалистской («мы — мусульманский народ, осевший в Литве, одновременно часть мировой уммы, следующий нормативному Исламу»). Эта подвижка подтверждает общую для ряда групп постсоветских мусульманских сообществ тенденцию постепенной замены локальных этнических маркеров и культурных особенностей на глобализированную исламскую идентичность, что, как правило, связано с институционализацией

религиозной жизни и влиянием внешних исламских образовательных и идеологических центров.

Анализ журнала «Байрам» как медиума репрезентации позволил выявить ряд методов, активно используемых белорусско-татарским сообществом для конструирования и поддержания своей коллективной идентичности. Среди них выделяется процесс реконструкции, направленный на восстановление утраченных или угасающих элементов прошлого, таких как язык (через словари и призывы к изучению), уникальная письменная традиция (через апелляцию к китабам и урокам арабицы) и фольклор. В условиях дефицита некоторых «своих» культурных маркеров редакция журнала прибегала к компенсации, адаптируя песни, кулинарные традиции и фольклорные сюжеты других татар, показывая причастность к «большому татарскому миру». Важную роль играли также мемориализация и канонизация, посредством которых выделялись и сакрализовались ключевые «места памяти» — исторические фигуры, события, тексты и локации, формирующие общую историческую конструкцию сообщества. Журнал использовал также контестацию и критику, переосмысливая исторические нарративы и оспаривая мифы и стереотипы, тем самым амортизируя конфликты памяти. Интеграция и легитимизация проявлялись при вписывании истории белорусских татар в более широкие контексты (в историю Великого княжества Литовского, Беларуси), утверждая их автохтонность и патриотичность. Журнал реализовывал и механизмы трансмиссии и просвещения, передавая знания о прошлом, культуре и религии новым поколениям и широкой аудитории, а также механизмы актуализации и герменевтики, переосмысливая и адаптируя элементы прошлого к современным потребностям. Механизмы консолидации и мобилизации превращали журнал в ресурс для информирования о жизни общины и для призывов ее членов к коллективным действиям. Все эти механизмы, часто действуя во взаимодействии, создавали картину «работы» с исторической памятью на страницах исследуемого издания.

Журнал «Байрам» на разных этапах становился полем деятельности

элитарных групп, чьи взгляды и цели во многом определяли его дискурс. В 1990-е годы редакция под руководством И. Канапацкого и Я. Якубовского стремилась осмысливать последствия советской политики для татар Беларуси и создать новую версию белорусско-татарской идентичности для постсоветской эпохи. Конструирование исторической памяти в этот период часто опиралось не столько на «живую» коллективную память, сколько на научные данные, которые служили основой для реконструкции прошлого.

Особенно показательным проявлением эволюции в «работе» с «местами памяти» и в конструировании идентичности является трансформация отношения к китабам на страницах журнала. В 1990-е годы китабная традиция презентировалась преимущественно через фокус культурной травмы и утраты. Подчеркивалась неполноценность современного состояния по сравнению с прошлым, когда это уникальное рукописное наследие было живой частью культуры и маркером отличия. Отношение к китабам носило мемориально-ностальгический характер, призывая к осмысливанию утраченного. С 2017 г. под эгидой новой редакции журнала происходит существенное переосмысление функции китабов. Они перестают быть исключительно «музейным памятником» или символом былого величия. Вместо этого китабы позиционируются как актуальный источник исламского знания и руководство к действию, как практический маркер того, что «нужно делать», но уже в рамках более широкой, универсальной исламской традиции.

Смысловым источником становится не столько уникальность самого китаба как локального феномена, сколько его соответствие и возможность интеграции в общеисламский дискурс, из которого при необходимости черпаются элементы для подчеркивания аутентичности и преемственности. Эта дилемма в подходе к одному и тому же ключевому «месту памяти» ярко иллюстрирует различие редакционных стратегий двух этапов и общую тенденцию смешения акцентов в работе с историческим наследием, что прослеживается и в отношении к другим символическим объектам и практикам, освещаемым в журнале.

Анализ всей редакционной политики «Байрама» отчетливо показывает, что функция памяти по своей природе всеохватна и стремится к заполнению лакун. Даже при дефиците некоторых элементов «своего» (например, национальных песен или кулинарных традиций, во многом утраченных в процессе ассимиляции) коллективная память не остается пассивной, а адаптирует элементы из других культурных полей. В «Байраме» 1990-х годов эти заимствования чаще происходили не из белорусской культуры, а из культур других татар. Это явление поднимает важный вопрос о мотивах такого выбора: несмотря на постоянно декларируемую принадлежность к белорусскому народу, конструктивистский аспект выделения себя, подчеркивания своей особости на фоне такого окружения оставался значимым. Религия сама по себе оказалась недостаточным маркером для этой малочисленной группы, требуя дополнительного этнокультурного наполнения.

Таким образом, даже при отсутствии непрерывной «живой» традиции или полноты «аутентичных» воспоминаний функция памяти — помнить и на основе этого постоянно производить идентификацию себя — остается базовой для данного малого сообщества. Журнал «Байрам» демонстрирует, как историческая память и идентичность являются не статичными данностями, а подвижными, трансформирующими конструктами. Они постоянно переопределяются через отбор «мест памяти», интерпретацию прошлого и взаимодействие с различными культурными и историческими пластами. «Байрам» выступал и выступает не только как репрезентант, но и как активный участник в этих процессах, наглядно показывая, как малая этноконфессиональная группа использует медиа для навигации в поле исторической памяти и утверждения своей уникальной идентичности в меняющемся мире.

Список источников и литературы

I. Источники

1. Байрам: татары на зямлі Беларусі: квартальнік Беларускага грамадскага культурнага аб'яднання «Аль-Кітаб». — Мінск, 1991.— 2002. — № 1—43.
2. Байрам: татары на зямлі Беларусі: Часопіс Беларускага згуртавання татараў-мусульман «Зіқр уль-Кітаб». — Мінск, 2017. — № 45.
3. Байрам: татары на зямлі Беларусі. — Мінск, 2019. — № 46—50.

II. Литература

1. Абашин С.Н. Национализмы в Средней Азии: в поисках идентичности. — СПб.: Алетейя, 2007. — 304 с.
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева. — М.: Кучково поле, 2016. — 416 с.
3. Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. — Вильнюс: Вильнюс. гос. ун-т им. В. Кацкускаса, 1968. — 418 с.
4. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика. — М.: Новое лит. обозрение, 2014. — 328 с.
5. Ассман А. Европейская мечта. Переизобретение нации / пер. с нем. Б. Хлебникова. — М.: Новое лит. обозрение, 2022. — 512 с.
6. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. — М. : Языки славянской культуры, 2004. — 384 с.
7. Бекирова З.В. Опыт газеты «Янъы дюнъя» по сбору и систематизации крымскотатарского фольклора в условиях депортации // Учёные записки КФУ. Сер. Филологические науки. — 2014. — Т. 27 (66). № 3. — С. 410—416.

8. Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. Т. Гаврюшина.— М.: Новое лит. обозрение, 2012.— 408 с.
9. География и культура этнографических групп татар в СССР / отв. ред. Г.М. Ахатов.— М.: МФГО, 1983.— 126 с.
10. Гришин Я.Я. Польско-литовские татары: взгляд через века.— Казань : Татар. кн. изд-во, 2000.— 160 с.
11. Грынблат М.Я. Беларусы: очерки истории происхождения и этнической истории.— Минск : Наука и техника, 1968.— 287 с.
12. Зайцев И. В. Польско-литовские (белорусские) татары-липка в XIV–XIX вв. // История татар с древнейших времён.— Казань, 2014.— Т. 4.— С. 763–769.
13. История татар с древнейших времён: в 7 т.— Т. 4: Татарские государства XV–XVIII вв. / гл. ред. Р. С. Хакимов. Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, Казань, 2014.— 1080 с.
14. Канапацкая З. Проблемы и перспективы развития татарской диаспоры в Республике Беларусь // Ислам в странах Содружества Независимых Государств: международная политика и сфера безопасности— 2013.— Вып. 1 (10). С. 53–65.
15. Канапацкая З.И. Татары в Беларуси и их культура (XIV–XVII вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук.— Минск, 2005.— 23 с.
16. Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 2: Язык белорусского племени.— Варшава, 1908.— 471 с.
17. Китаб Ивана Луцкевича — памятник народной культуры литовских татар / авт.-сост. Г. Мишкинене.— Вильнюс: Lietuvių kalbos institutas, 2009.— 799 с.
18. Копосов Н.Д. Память строгого режима: история и политика в России.— М.: Новое лит. обозрение, 2011.— 336 с.
19. Мамаразаков М. С. Мусульманская диаспора в Беларуси: проблема культа //

Вестник БГУ. Сер. 3. — 1993. — № 3. — С. 29–35.

20. Мириева Н. Арабизмы как устойчивая часть лексикона белорусских татар // Журнал БГУ. Филология. — 2022. — № 2. — С. 98–105.
21. Мишкинене Г. Новая рукопись литовских татар в Национальной библиотеке Республики Татарстан // Библиотечный вестник. — 2016. — № 2 (42). — С. 35–36.
22. Мухлинский А. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. — СПб., 1857. — 70 с.
23. Плакат Советского Востока. 1918–1940: альбом-каталог к выставке (6.09–6.10.2013) / сост. М. Филатова; отв. ред. С. Архангелов, И. Алексеев. — М.: Фонд Марджани; ГЦМСР, 2013. — 128 с.
24. Сапожникова Р. Б. Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания // Вестник ТГПУ. — 2005. — № 1. — С. 13–17.
25. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. — М.: Новое изд-во, 2007. — 256 с.
26. Черенков Л.Н. Из этнической истории литовских татар // География и культура этнографических групп татар в СССР. — М., 1983. — С. 64–74.
27. Вольскі В. Татары на Беларусі // Наш край. — Мінск, 1927. — № 4. — С. 25–29.
28. Думін С., Канапацкі І. Беларускія татары: мінулае і сучаснасць. — Мінск: Полымя, 1993. — 206 с.
29. Канапацкі І. Да пытання аб нацыянальной культуры беларускіх татар // Наш галава. — Гродна, 1992.
30. Лакотка А. Вера ў вандраваннях, ці адкуль у Беларусь мячэты. — Мінск: Навука і тэхніка, 1994. — 70 с.
31. Луцкевіч І. Ай-Кітаб-Кіцёп // Варта. — Менск, 1918. — № 1. — С. 23–24.

32. Смолік А.І., Канапацкі І.Б. Гісторыя і культура беларускіх татар. — Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2006. — 302 с.
33. Цвяткоў Я. Некалькі слоў аб менскіх татарах // Наш край. — Мінск, 1927. — № 6–7. — С. 10–16.
34. Etkind A. Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied. — Stanford : Stanford Univ. Press, 2013. — 280 p.
35. Di Puppo L. The paradoxes of a localised Islamic orthodoxy: Rethinking Tatar traditional Islam in Russia // Ethnicities. — 2019. — Vol. 19, № 2. — P. 311–334.
36. Chowdhury R. Identity Formation among the Belarusian Tatars ... // Revue du Centre Européen d’Études Slaves. — 2013. — Vol. 2. — P. 453–472.
37. Gorman A., Kasbarian S. Diasporas of the Modern Middle East: Contextualising Community. — Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 2015. — 320 p.
38. Khalid A. Islam after Communism: Religion and Politics in Central Asia. — Berkeley; Los Angeles: Univ. of California Press, 2007. — 238 p.
39. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. — Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018. — 300 p.
40. Kryczyński L. Tatarzy Litewscy. — Warszawa: Wydawnictwo Sekcji Kultury Tatarów Litewskich, 1938. — 172 s.
41. Nora P. Les lieux de mémoire. — Paris : Gallimard, 1984 – 1992. — 7 vols.

III. Справочные и информационные издания

1. Багаліка А., Куликов А. Последний политзаключённый советского режима? История Синавера Кадырова: [подкаст] [Электронный ресурс] // Громадське радіо. — 22 мая 2017 г. — Режим доступа: <https://hromadske.radio/ru/podcasts/hromadska-hvylja/posledniy-politzaklyuchennyj-sovetskogo-rezhima-istoriya-sinavera-kadyrova>, свободный (дата обращения 05.04.2025).
2. Белорусский президент А.Г. Лукашенко похвалил за укрепление согласия в

стране муфтия Шабановича, чью организацию власти летом закрыли [Электронный ресурс] // Ex-Press.live. – Режим доступа : <https://express.live/rubrics/obshhestvo/2024/11/22/lukashenko-poxvalil-za-ukreplenie-soglasiya-v-strane-muftiya-shabanovicha-chyu-organizaciyu-vlasti-letom-zakryli>, свободный (дата обращения 27.04.2025).

3. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://www.demoscope.ru>, свободный (дата обращения 05.04.2025).
4. Газете «Авдёт» исполнилось 28 лет [Электронный ресурс] // Crimean Tatars. – Режим доступа: <https://www.crimeantatars.club>, свободный (дата обращения 12.04.2025).
5. 90 лет со дня рождения Якубовского Якова Адамовича [Электронный ресурс] // Национальный архив Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://narb.by/ru/об-архиве/выставки/document-11963.html>, свободный (дата обращения 15.04.2025).
6. Жизненный путь Якуба Якубовского [Электронный ресурс] // Байрам. – Режим доступа: <http://bayram-journal.ru/Yakub.htm>, свободный (дата обращения 16.04.2025).
7. Ибрагим Канапацкий: белорусский татарин, которому удалось невозможное [Электронный ресурс] // Наша Нива. – Режим доступа: <https://nashaniva.com/ru/155943>, свободный (дата обращения 16.04.2025).
8. Ислам минбэре (Трибуна Ислама). Общероссийская газета Духовного управления мусульман Европейской части России. — Москва, 2008. — № 8.
9. Канапацкая З. Памяти Ибрагима Борисовича Канапацкого [Электронный ресурс] // Islam.by. – 2 окт. 2019 г. – Режим доступа : <https://islam.by/post/pamyati-ibragima-borisovicha-kanapatskogo>, свободный (дата обращения 26.04.2025).

10. Криницкий А. Криницкий Али Мустафович – вехи жизни. История жизни Криницкого Али Мустафовича [Электронный ресурс] // Islam BY. – Режим доступа: <https://islam.by/post/krinitskij-ali-mustafovich-vekhi-zhizni> (дата обращения 27.04.2025).
11. Минбар Ислама. Всероссийская газета мусульман. — Москва, 2017. — № 3–4.
12. «Мягкая сила» татар: топ-10 самых активных диаспор за границей [Электронный ресурс] // Бизнес Online. – Режим доступа : <https://www.business-gazeta.ru/article/436912>, свободный (дата обращения 15.04.2025).
13. Новы Час. У Мінску прайшла вечарына, прысвечаная Якубу Якубоўскаму [Электронный ресурс]. – 14 листапада 2023 г. – Режим доступа : https://novychas.online/kultura/u_minsku_prajshla_viecareyna_ja, свободный (дата обращения 26.04.2025).
14. Новый путь польских татар [Электронный ресурс] // Всемирный конгресс татар. – Режим доступа : <https://tatar-congress.org/ru/sl/novyy-put-poljskih-tatar/>, свободный (дата обращения 15.04.2025).
15. Свято место не должно быть пусто [Электронный ресурс] // Советская Белоруссия – Беларусь Сегодня. – 25 окт. 2016 г. – Режим доступа : <https://www.sb.by/articles/svyato-mesto-ne-dolzhno-byt-pusto.html>, свободный (дата обращения 27.04.2025).
16. Силина-Ясинская Т.В. Печатные СМИ [Электронный ресурс] // Белорусская энциклопедия. – Режим доступа: <https://belarusenc.by/belarus/detail-article.php?ID=4386#h1>, свободный (дата обращения 12.04.2025).
17. Tatarica. Татарская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Электрон. дан. – Режим доступа: <https://tatarica.org>, свободный (дата обращения 12.04.2025).
18. Татарские новости. Общественно-политическая и культурно-

- просветительская газета татар Российской Федерации. — Москва, 2002. — № 1.
19. Турция восстановила в Беларуси мечеть, разрушенную в период СССР // Anadolu Ajansi (AA). URL: <https://www.aa.com.tr/ru/676767> (дата обращения: 02.06.2025).
  20. Якубовский Я.А. Слоўнік для энцыклапедыі беларускіх татароў [Электронный ресурс] // Байрам. Татары на земле Беларуси. – Режим доступа:[http://www.bayram-journal.ru/pdf/Slounik\(Yakub%20Yakubouski,www.bayram-journal.ru\).pdf](http://www.bayram-journal.ru/pdf/Slounik(Yakub%20Yakubouski,www.bayram-journal.ru).pdf), свободный (дата обращения 26.04.2025).
  21. Encyclopaedia of Islam. Vol. 1: A–B / ed. P.J. Bearman [et al.]. – 2-nd ed. – Leiden : Brill, 1960–2005. – 1359 c.
  22. Lukoševičius A. Recent sculpture that I made of the Tatar warrior named Chaisadaras [Электронный ресурс]. – Facebook, запись – Режим доступа: <https://www.facebook.com/artluko/posts/1104944711007000/>, свободный (дата обращения 27.04.2025).
  23. Monument to the Polish Tatar [Электронный ресурс] // GAPS – Gdańskia Akademia Przygody. – Режим доступа: <https://gaps.gda.pl/en/obiekt/monument-to-the-polish-tatar/>, свободный (дата обращения 27.04.2025).